

Российская национальная библиотека (Дом Плеханова)
Фонд Розы Люксембург
Центр современных марксистских исследований
философского факультета МГУ
Журнал «Альтернативы»

ЛЕНИН ON LINE:
Социальное творчество масс и уроки истории XX века
(150-летию В.И. Ульянова-Ленина посвящается)

Труды международной научной конференции
25-26 сентября 2020 г., Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

И.Г. Абрамсон. Развитие науки сквозь призму взглядов Ленина.....	3
М. Бри. Учиться у Ленина – и делать по-другому	8
А.В. Вотинцев. Чем актуален Ленин сегодня и чем будет актуален завтра.....	11
В.В. Калашников. Ленин и революция: ключевые решения.....	13
А.И. Колганов. Маркс, Ленин и современный марксизм об объективных предпосылках созидания социализма	18
Ю. Коломбо. Судьбы ленинского наследия в Италии после второй мировой войны.....	23
М.Б. Конашев. Ленин: актуальность сегодня и завтра.....	24
T. Krausz. Lenin’s socialism – from the perspective of the future	25
Д. Лейн. Теория революции В.И. Ленина: актуальна ли она сегодня?.....	32
С. Михаил-Мацас. Ленин сегодня или Как катастрофа превращается в триумф	37
А.И. Михайлов. Модернизация и революция	42
В.В. Мухачев. Уметь быть марксистом... ..	44
В.П. Огородников. Клерикализация современной России в свете идей В.И. Ленина о религии и церкви.....	57
Г.С. Сергеев. Теория империализма В.И. Ульянова (Ленина): актуальность для XXI века.....	61
Б.Ф. Славин. О творческой личности Ленина.....	63
Ю.В. Шахин. Poleмика Ленина и Гортера о перспективах революционной ситуации в Западной Европе	65

РАЗВИТИЕ НАУКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ ЛЕНИНА

И.Г. Абрамсон

*Доктор технических наук,
с.н.с., главный научный сотрудник
НИИЦ «Гипроцемент-Наука»
Санкт-Петербург*

Ленин и физические революции XX века

Значение науки в подготовке и проведении революционных преобразований в понимании В.И. Ленина и роль В.И. Ленина в революционном скачке, произошедшем в организационном становлении отечественной науки уже на заре советской власти, что обеспечило её успешное развитие в течение 7 десятилетий, - тема широчайшая. Постараемся обозначить некоторые узловые моменты.

Будучи признанным классиком в наследовании и развитии открытий и научных разработок основоположников диалектико-материалистического мировоззрения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, организатором и вождём марксистской партии нового уставного типа – РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б), В.И. Ленин был убеждён в необходимости правильного философского истолкования фундаментальных достижений естественных наук. Ярким примером такого мощного вторжения 38-летнего Владимира Ильича в философские схватки нулевых годов XX века служит его книга *Материализм и эмпириокритицизм*¹.

То было время развёртывания двух великих физических революций, релятивистской и квантовой. Они разрешили противоречия, с которыми в конце XIX века столкнулась физика классическая, эпоха которой, продолжавшаяся два с половиной века, с середины XVII – го, завершилась на рубеже XIX –XX вв. Начались обе великие физические революции практически одновременно. В 1897 Джозеф Томсон открыл первую элементарную частицу – электрон. В 1900 г. немецкого физика Макса Планка осенила гениальная догадка: свет, как и любое электромагнитное излучение, распространяется и поглощается порциями-квантами, энергия которых пропорциональна частоте (Планк рассчитал и коэффициент пропорциональности). Открытие Планка сняло проблему понимания распределения излучения нагретого абсолютно чёрного тела по длинам волн (или частотам) и позволило А. Эйнштейну в 1905 объяснить сформулированные А.Г. Столетовым законы фотоэффекта, открытого Генрихом Герцем в 1887. Альберт Эйнштейн связал математическим уравнением энергию выбиваемых электронов с частотой/энергией облучающего объект потока квантов и энергией связи электронов в облучаемом объекте. Но завершилась квантовая революция во второй половине 1920-х годов выдающимися прорывами звёздного интернационала Копенгагенской школы Нильса Бора: Луи де Бройля, Вернера Гейзенберга, Поля Дирака, Эрвина Шрёдингера. Один из принципиальных результатов квантовой революции состоял в крушении представления об абсолютности однозначного детерминизма. Выяснилось, что на фундамен-

тальном уровне микромира вследствие корпускулярно-волнового дуализма элементарных частиц причинно-следственная связь носит вероятностный характер. Однозначный же детерминизм, при точной заданности начальных условий, имеющий место в наблюдаемом макромире, есть частное проявление более общей вероятностной причинности. К сожалению, В.И. Ленин не дождал до победного завершения квантовой революции и не смог принять участия в дискуссиях по её философским последствиям. Но свидетелем переворота в представлениях о развивающейся материи, произведённого релятивистской революцией при завершении в 1905 г. её первой части – специальной теории относительности, Ленин был.

Квантовая революция сняла одну из неразрешимых в рамках классической физики проблем - упомянутое выше излучение нагретого абсолютно чёрного тела. Вершиной эпохи классической физики явилось создание Джеймсом Максвеллом теории электромагнетизма, обобщившей результаты выдающихся экспериментов Майкла Фарадея. Ключевой пункт системы экспериментов и разработанной на их основе теории: движущийся электрический заряд создаёт вокруг себя магнитное поле, покоящийся - нет. И вся электротехника базируется на максвелловских уравнениях. Но как быть, если заряженное тело находится в замкнутой системе, движущейся относительно условно покоящейся с постоянной скоростью? Внутри движущейся системы, относительно которой заряд неподвижен, магнитного поля нет, а вне - есть? Абсурд. Поэтому было решено, что материя пронизана некоей неподвижной субстанцией, названной эфиром. И вот выдающийся американский физик-экспериментатор Альберт Майкельсон, успевший провести прецизионные измерения скорости света c в 1879, ещё при жизни Максвелла, подтвердившие рассчитанную им, Максвеллом, величину $c=300\ 000$ км/с (с точностью 10^{-5}), организовал и провёл вместе с Эдвардом Морли в 1887 г. знаменитый интерференционный опыт, доказавший ...отсутствие эфира. Через 18 лет, совершив революционный научный скачок, Альберт Эйнштейн открыл принципиально новые свойства и взаимосвязи у развивающейся материи.

В его работе, названной «К вопросу об электродинамике движущихся тел», изложена специальная теория относительности (СТО), в которой рассмотрены взаимосвязи параметров инерциальных систем, т.е. движущихся друг относительно друга с постоянной и прямолинейной скоростью. Скорость света в вакууме c – предельная скорость физических взаимодействий в природе, одна из мировых констант. Все физические законы сохраняют свой вид при переходе из одной инерциальной системы в другую. Опираясь на эти принципы и на связи пространственных и временных координат, СТО приходит к выводам, что при скоростях движения, сопоставимых с c , размеры тел в направлении от наблюдателя в неподвижной системе сокращаются, время в движущейся системе замедляется, масса возрастает. Коэффициенты сокращения и замедления/возрастания – соответственно, $(1 - v^2/c^2)^{1/2}$ или $(1 - v^2/c^2)^{-1/2}$. Также получен важный вывод о соотношении массы и энергии, которой эта масса обладает: $E = mc^2$.

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 18, с.7 - 384

Философский смысл релятивистской революции состоит в том, что уже на стадии специальной теории относительности она взорвала классические представления об абсолютности пространства и времени. Она выявила:

- **зависимость пространства и времени как форм существования материи от способа её существования – движения;**

- **неразрывную связь пространства и времени между собой, или единое пространство-время, где последнее лишь одна из координат.**

Появление в конце июня 1905 этой короткой, но поистине эпохальной работы, вызвало бурный всплеск дискуссий среди физиков и, особенно – среди философов. У последних преобладали скептики, считавшие кризис классической физики похоронами основного вопроса философии, упокоением деления её на два противоположных лагеря, материализм и идеализм. Активизировались различные школы позитивизма, сторонники «чистого опыта» и среди них на первое место вышли Э. Мах и Р. Авенариус (Швейцария). «Зашатались» и некоторые марксисты: А.А. Богданов, А.В. Луначарский, В.А. Базаров. Они как будто забыли, что марксистский материализм есть материализм диалектический. Против махизма и эмпириокритиков выступали видный физик Людвиг Больцман (Австрия), руководитель марксистской группы «Освобождение труда» в России Г.В. Плеханов. Но наиболее яростно на поднявших неопозитивистскую волну обрушился В.И. Ленин. Содержательно и эмоционально *Материализм и эмпириокритицизм* В. Ленина достойно продолжил линию отстаивания и развития материалистической диалектики, которую обозначили *Ницета философии* К. Маркса², *Диалектика природы* и *Анти-Дюринг* Ф. Энгельса³. Надо сказать, что многие известные профессора-физики в 1920-е годы и позднее с трудом воспринимали релятивистский прорыв, совершённый Эйнштейном. Тем более те физики, кто осознал наступление новой эпохи развития физической науки, поражались тому, как быстро и как точно это воспринял Ленин. Достаточно привести пару цитат из рассматриваемой его книги. Имея в виду кризис в физике на рубеже XIX-XX вв., о котором говорилось выше, и получившее распространение неудачное выражение о якобы «исчезновении материи», В. Ленин заключает: *"Материя исчезает" - это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идёт глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство **быть объективной реальностью**, существовать вне нашего сознания*⁴. И до сих пор учёных продолжает восхищать

постоянно оправдываемая фундаментальной наукой прозорливость выделенных нами первых слов ленинского высказывания: ***Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма***⁵

Релятивистская физическая революция завершилась в 1916 году созданием общей теории относительности. Взрыв представлений об абсолютности пространства и времени, и их казавшейся независимости друг от друга, совершённый на первом этапе этой революции, углублён на её втором этапе вскрытием зависимости самой структуры пространства-времени от распределения звёзд, звёздных систем и их массово-энергетических характеристик. Ленин не смог, к сожалению, откликнуться на эти грандиозные научно-мировоззренческие события: наступил год величайшего события мировой истории, год Великой Русской революции, забиравшей всё время её вождя. Но вопросы отношений науки и философии оставались в поле его внимания после установления власти Советов. В этой связи примечательна одна из последних работ Ленина – *О значении воинствующего материализма*⁶.

Это произведение было напутственным письмом, направленным 12 марта 1922 редакции нового журнала «Под Знаменем Марксизма» и приуроченным ко второму его выпуску. Задумается над несколькими фрагментами данного ленинского текста. *«Об общих задачах журнала «Под Знаменем Марксизма» тов. Троцкий в № 1-2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к №1-2. В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала «Под Знаменем Марксизма» - коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьёзной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперёд всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»*...«Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принад-

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Собрание сочинений. 2 издание, т.4, с. 65-185

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Собрание сочинений. 2 издание, т.20, с. 339-626 и 1-338

⁴ Ленин В.И. ПСС, т.18, с.275

⁵ Там же, с. 277-78

⁶ Ленин В.И. ПСС, т.45, с. 23-33

лежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма». . . «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествознавец должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом». . . «Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды». . . «...естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае». Во всех приведённых отрывках на первом месте конкретные достижения естествознания, на втором, не менее важном, - их диалектико-материалистическое осмысление. Приходится это вспоминать, дабы никогда не допускать того, что случилось в 1948, когда впавший в паранойю диктатор нанёс страшный удар по советской биологии, занимавшей ведущие позиции в мировой науке. Поводом для экзекуции было безграмотное изначально утверждение о якобы несоответствии результатов научных выводов принципам материалистической диалектики. Генетика была объявлена лженаукой, затем - лиха беда начало, такой же травле была подвергнута кибернетика. Отставание от мировых достижений в этих областях пришлось преодолевать долго. Поэтому так актуален сегодня, так важен в недопущении обскурантизма ленинский подход, ленинское уважение к науке и её подвижникам.

Вклад Ленина в развитие обществознания

В.И. Ленин сам внёс гигантский вклад в мировую науку, практически во все области обществознания, показав себя выдающимся исследователем, мастером анализа и синтеза в изучении процессов общественного развития. Особое место в его научном наследии безоговорочно занимает книга *Империализм как высшая стадия капитализма*⁷. Опираясь на результаты исследований особенностей развития капитализма в мире в конце XIX-начале XX вв., полученные в исследованиях Дж. Гобсона, Р. Гильфердинга, К. Каутского, многих других авторов, а также собственные изыскания, В.И. Ленин пришёл к выводу, что

⁷ Ленин В.И. ПСС, т. 27, с.299-426

государственно-монополистический капитализм, или империализм, есть высшая и последняя стадия капитализма. Конвульсии сегодняшнего глобального капитализма, для продления жизни которого, на горе народов, его интеллектуальные прислужники придумывают разные теории «управляемого хаоса», отчётливо демонстрируют, что приходят его последние, по меркам истории, дни. Но и самые опасные для человечества. Показательно, что в написанной до этой книги, в 1915, работе *О лозунге Соединённых Штатов Европы*⁸ Ленин приходит к выводу, что из-за неравномерности развития капитализма «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», а в вышедшей после *Империализма...*, в сентябре 1916 г., работе *Военная программа пролетарской революции*⁹ уверенно предсказывает: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. ... Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными» (подчёркнуто в обеих цитатах мною - И.А.). 1917-й и последующие годы подтвердили научный прогноз Ленина.

Ленин о приоритете науки в развитии социалистического общества

Сразу после Октябрьского переворота - и несмотря на разразившуюся в 1918 гражданскую войну, - именно наука стала одним из главных, в том числе и **финансовых** приоритетов Ленина, Советского правительства. Эта особенность советского экономического развития, получившая название *сциентизм*, поражала многих зарубежных наблюдателей, включая тех, кого нельзя причислить к сторонникам первого социалистического государства. В.И. Ленин не устал объяснять необходимость такого сугубого внимания к работе учёных, специалистов и научных институтов. Впервые, как отмечал он в апреле 1918 в брошюре *Очередные задачи Советской власти*¹⁰, «*Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом*». Во-вторых, новые и новейшие технологии базируются на достижениях фундаментальных и прикладных наук. В-третьих, наука должна быть базой быстрого преодоления отсталости в образовании и культуре¹¹.

До сих пор трудно поверить в ту реальность: 1918-1920 годы, полыхает Гражданская война, нехватки самого необходимого испытывает молодая Республика Советов, и именно в это время создаются и разворачивают исследования Физико-технический инсти-

⁸ Ленин В.И. ПСС, т.26, с. 351-356

⁹ Ленин В.И. ПСС, т.30, с. 131-143

¹⁰ Ленин В.И. ПСС, т.36, с.165-208. С. 178

¹¹ Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. ПСС, т.41, с.298-318

тут под руководством А.Ф. Иоффе и Оптический институт под руководством Д.С. Рождественского в Петрограде, Центральный аэрогидродинамический институт под руководством Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина в Москве, получает необходимые средства для продолжения своих исследований И.П. Павлов (невзирая на его эпатажно антибольшевистские высказывания).

Сциентизм – характерная черта советского периода отечественной истории

Парадигма Ленина, или упомянутый сциентизм, обеспечила беспрецедентные темпы количественного и качественного развития производительных сил в Советском Союзе, преодолел и трагические массовые потери партийных и беспартийных энтузиастов в сталинских репрессиях, и человеческие (десятки миллионов жертв) и материальные потери в Великой Отечественной войне. В 1913 году, когда царская Россия достигла наивысших показателей в экономике, производительность труда в промышленности составляла примерно 10% от таковой в США. К 1970 производительность труда в промышленности СССР, ВВП которого был наивысшим в Европе и вторым в мире, после США, составила уже 65-70 % по сравнению с США. За советские годы было реализовано 3 мега-проекта и много макро-проектов. Под первыми понимаются качественные технологические скачки во всей научно-технической сфере, под вторыми – выход на более высокий технологический уровень той или иной производственной отрасли.

Первым великим проектом Советской России был план ГОЭЛРО. Инициатором его можно смело назвать самого В.И. Ленина. Выдающиеся учёные и инженеры того времени выполнили его разработку: Г.М. Кржижановский, Г.О. Графтио, М.А. Шателен... Не менее выдающиеся инженеры и организаторы производства, направляя усилия десятков тысяч рабочих, понимавших историческую значимость своего труда, обеспечили его выполнение и перевыполнение. Этот первый отечественный мегапроект предусматривал коренную реконструкцию на базе электрификации всех отраслей народного хозяйства страны и преимущественный рост тяжёлой промышленности, рациональное размещение промышленности по всей территории страны. Он был принят на 8-м Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 и, рассчитанный на 15 лет, перевыполнен уже в 1931. Два мега-проекта, поражающие до сих пор воображение своей мощью и сроками выполнения, осуществлены один за другим сразу по окончании Второй мировой: атомный и космический. Немаловажные подробности обсуждаются в работе¹², опубликованной в 2011, а также излагаются ниже. Здесь хотелось бы ответить только на важный вопрос: как удалось Советскому Союзу, обладавшему явно меньшими финансово-экономическими возможностями, чем США и кооперирующие свои стратегические усилия государства Западной Европы, занять

позиции первенства по обоим мега-проектам и реализовать многие инновационные макро-проекты? Ответ состоит из трёх пунктов: 1) централизованная плановая система, 2) доверие к учёным, 3) сложившаяся уникальная и весьма эффективная система научно-технического развития: фундаментальная наука (институты АН и некоторые университеты) – прикладная наука (отраслевые институты) – заводские лаборатории и конструкторско-технологические службы.

Глобальный экономический кризис, объективно подготавливавшийся обострениями противоречий между США и ЕС и, особенно, между США и Китаем, получил дополнительные импульсы разногласиями в ОПЕК+ и разразившейся пандемией COVID-19. Пандемия ударила по всем экономикам, крупнейшим, крупным, средним и малым, технологически продвинутым, развивающимся и отсталым. И по тому, как власти в той или иной стране реагировали на нагрянувшую коронавирусную инфекцию, можно судить об уровне понимания ими задач, вставших перед здравоохранением и перед экономикой.

Говоря в этой связи о России, оценивая действия властных структур в обстановке январско-майского наступления коварного и пока не до конца разгаданного в его свойствах вируса, можно пока констатировать следующее. В целом, центральная власть в России действовала явно лучше, во всяком случае, вначале, чем правительства Испании, Италии, Франции, тем более – США, но явно слабее властей КНР, Вьетнама, Кубы, Тайваня, Германии.

С наилучшей стороны проявили себя врачи и весь медицинский штат, мобилизованный на борьбу с невидимым беспощадным врагом. Сказались давние традиции отечественного здравоохранения, проверенные и обогащённые в советские годы, особенно - в Великой Отечественной войне, в годы послевоенного восстановления и дальнейшего развития.

Миссия научного сообщества состоит ныне в том, чтобы дать властным структурам продуманные рекомендации по интенсивному выходу из обрушившегося на весь мир грандиозного экономического кризиса, угрожающего длительной рецессией.

Надо иметь в виду один категорический императив: необходимо так выходить из кризиса, чтобы при этом интенсивно преодолевалось технологическое отставание России от стран G7 и Китая, возросшее за последние 30 лет. В сравнительно недавнем историческом прошлом нашей страны накоплен опыт такого выхода из кризиса. Он может быть взят на вооружение и сегодня. Главный приоритет – наука!

В сложном и противоречивом, порой трагическом, поистине героическом советском прошлом наша страна явила миру, поразив его, целый каскад масштабных, великолепно организованных технологических прорывов. О них нужно помнить, историю их подготовки и реализации – изучать. Но прежде чем останавливать внимание на конкретных сторонах этих «шагов саженьных», следует отдать должное социальной обстановке, их обусловившей, им благоприятствовавшей.

Уверенность в завтрашнем дне, получение по **потребностям** (т.е. – с возможностью для всех) общего и специального среднего и – практически - высшего образования, получение **по потребностям** возможно-

¹² Абрамсон И.Г. Мега- и макропроекты: воспоминания во имя будущего// Человек-Земля-Космос: диалектика взаимосвязи стратегических, социальных и технологических проектов. М., 2011, с. 50-56

стей развивать под квалифицированным руководством научные, технические, художественные, спортивные способности детей и юношества, получение по потребности медицинской помощи и лекарственных средств, возможность доступного практически для всех посещения театров, концертов, любых выставок и кинопремьер – всё это (вместе со сравнительно несущественным расслоением по уровню зарплат) убеждало людей: в обществе соблюдается принцип социальной справедливости. Особенно это относится к первому десятилетию после Гражданской войны, хрущёвской оттепели 1956-62 г.г. и косыгинской пятилетке 1966-70 г.г.¹³.

А теперь вспомним некоторые подробности реализации атомного и космического мега-проектов.

США в создании ядерного оружия вырвались вперёд летом 1945 г., но очень ненадолго. Вскоре ядерные бомбы деления (урановые) появились и у СССР. А в создании термоядерного оружия (водородных бомб) уже Советский Союз опередил Соединённые Штаты. И первооткрывателем эры атомной энергетики стал Советский Союз. Первая (в мире!) АЭС в Обнинске введена в эксплуатацию в 1954, затем спустились на воду и атомные подлодки, и атомные ледоколы. И уже в 1956 г. в Харуэлле (Великобритания) И.В. Курчатов докладывал миру об эпохальном научно-инженерном прорыве – конструкции реактора управляемого термоядерного синтеза, т. н. «токамаке», предложенном после проведённых глубоких теоретических и экспериментальных исследований советскими учёными И.Е. Таммом, А.Д. Сахаровым, Л.А. Арцимовичем, М.А. Леонтовичем. Именно эта конструкция положена в основу реализуемого в настоящее время во Франции международного проекта первого промышленного термоядерного реактора.

Фундаментальная база атомного проекта была подготовлена ещё до войны, главным образом, в исследованиях, проводившихся в руководимом А.Ф. Иоффе ленинградском Физико-техническом институте. Будущие научные звёзды первой величины К.А. Петржак и Г.Н. Флёрв открыли явление спонтанного деления ядер атомов урана, Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон, будущие трижды Герои Социалистического труда, под руководством Н.Н. Семёнова, будущего Нобелевского лауреата, осуществили расчёт цепной реакции деления урана. Оставалось решить тоже трудные, но сугубо инженерные задачи. И тут, добавив к названным именам учёных также Н.А. Доллежала, Ю.А. Трутнева, А.П. Александрова, необходимо вернуться к акцентированному выше фактору – централизованному плановому управлению. Сегодняшние радетели рынка и его абсолютизации продолжают утверждать, будто приватизация рождает эффективных собственников. Действительность, и нынешняя, и тогдашняя, убеждает в обратном. Общество, **свободное** от пут частной собственности, гораздо лучше благоприятствует появлению талантливых управленцев, увлечённых не прибылью, а величиной, сложностью, красотой проекта. Превосходным организатором реализации раз-

личных программ атомного мегапроекта был многолетний руководитель Минсредмаша Е.П. Славский.

Первый искусственный спутник Земли, возвестивший мир 4 октября 1957 г. о прорыве СССР в космос – раньше США и других держав «золотого миллиарда», и всего лишь через три с половиной года полтора часового облёт Земли человеком, и этот человек – гражданин СССР, – было от чего прийти в смятение. Американцы быстро и, в общем, довольно точно дали объяснение поразившему мир «феномену»: это победа советской школы!

Началось освоение земной цивилизацией ближнего и средней дальности космоса с интенсивным соревнованием американской и советской программ. Несмотря на то, что 6-кратной высадкой на Луне (всего там побывало 12 астронавтов) американцы в этом направлении нас опередили, США и СССР, в целом, шли, что называется, «ноздря в ноздрю». По продолжительности эксплуатации станции «Мир» и длительности экспедиций, к примеру, первенство демонстрировала советская космонавтика.

И естественно следует тот же ответ на такой же, что и относительно атомного проекта, вопрос: как могла наша страна осилить столь затратную программу и идти практически вровень с богатейшей державой? Сциентизм, научный задел (за плечами работы К.Э. Циолковского, С.П. Королёва, Ф.А. Цандера, М.К. Тихонравова, В.П. Глушко) и высокопрофессиональный менеджмент с использованием возможностей плановой системы по мобилизации необходимых ресурсов.

Можно ли в нынешних условиях вернуться к оправдавшей себя в прошлом определяющей роли науки, в первую очередь, – для нахождения и реализации возможно более быстрого и возможно менее болезненного выхода из нынешнего глобального кризиса? Можно. Но для этого нужно принять несколько принципиальных решений. Перечислим их:

- признать провальной реформу организации научно-исследовательской деятельности 2013 года и отменить её полностью;

- поручить Правительству рассмотреть совместно с руководством РАН, представителями научных союзов, в частности, СПб союза учёных, и руководством профсоюзов работников РАН и не входящих в неё институтов внесившиеся научной общественностью альтернативные предложения по устранению преград научно-исследовательской деятельности в России;

- используя зарубежный опыт (Германия, Индия) восстановить работу не менее одного НИИ в каждой отрасли, подчинённого Правительству и финансируемому за счёт соответствующих отчислений из прибылей производственных компаний данной отрасли.

В качестве завершения – фрагмент из последней работы В.И. Ленина *Лучше меньше, да лучше*¹⁴, опубликованной 2 марта 1923 г.: *«Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых - учиться, во-вторых - учиться и в-третьих - учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мёртвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».*

¹³ Абрамсон И.Г. Противоречия «раннего застоя»// СССР. «Застой»: М., 2009, с.159-162

¹⁴ Ленин В.И. ПСС, т. 45, с.389-406, цитата со с. 391

УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА – И ДЕЛАТЬ ПО-ДРУГОМУ

М. Бри

Доктор философии, Берлин

Для меня большая честь выступать здесь сегодня. Большое спасибо организаторам конференции, особенно, Александру Бузгалину, давнему другу и товарищу. Как и немногие другие, он всегда выступал за международное сотрудничество левых. Фонд Розы Люксембург гордится тем, что у него есть такие партнеры.

В конце 1980-х годов народы Европы, особенно на востоке и юго-востоке континента, мечтали: после столетия жарких и холодных войн наконец-то иметь общий дом многих народов и наций, живущих вместе в обществах с динамично развивающейся экономикой, сильным государством всеобщего благосостояния, демократией, в которой граждане имеют право голоса, в мире с другими народами. Это было три десятилетия назад, и, похоже, все изменилось: войны в южных и юго-восточных соседних государствах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Экономически континент разделён, общества социально фрагментированы. Стены поднимаются. Экологическая катастрофа стала очевидной. Уничтожение природных систем происходит с огромной скоростью. Глобальная пандемия распространилась.

Левые частично ответственны за это. Социал-демократические, "зелёные" и даже коммунистические партии помогли протолкнуть неолиберальную политику изнутри правительства или не смогли предложить эффективную альтернативу в оппозиции.

В то же время ветер начинает поворачиваться. Глобальный баланс сил меняется все быстрее. Движение "Пятницы за будущее" поставило во главу угла экологические преобразования. Сегодня это может оказаться конкретным способом поставить вопрос о системе слева по-новому. С появлением Китайской Народной Республики появилась новая модель развития, которая бросает вызов Западу на уровне глаз. В то же время новое право находится в процессе разрыва связи между капитализмом и либеральной демократией и инициирования протофашистского развития. Трамп и Болсонаро – два самых отвратительных защитника этого права. Миграция поставила глобальный социальный вопрос перед центрами. Угроза войны снова реальна на Западе. Для правящих классов всегда остаётся все меньше и меньше места, чтобы просто продолжать, как раньше. И граждане хотят этого все меньше и меньше. Но политически осуществимые, убедительные ответы - в программном, стратегическом и организационном плане - все ещё не получены. Так что же можно сделать, когда почти ничего нельзя сделать и при этом нужно многое сделать?

22 апреля этого года исполняется 150 лет со дня рождения В.И. Ленина. Как бы спорен он ни был как политик, бесспорно и то, что он был одним из немногих, который определил ход истории. Без него мировая история пошла бы по другому пути. Также бесспорно, он был левым, коммунистом, марксистом. Есть веские основания черпать вдохновение, особенно у Ленина, самого эффективного левого политика 20 века, в том, что можно делать во времена бессилия и возможного левого наступления.

У Ленина можно научиться двум вещам: С одной стороны, можно узнать, какие задачи левые должны ставить перед собой, чтобы вообще иметь возможность стратегически вмешиваться. С другой стороны, можно и нужно учиться тому, что нужно делать по-другому, потому что курс, проложенный Лениным, также способствовал тому, что сегодняшние левые так слабы. Советское государство, которое он основал в 1917/18 году, провалилось тридцать лет назад. Я хотел бы сделать восемь предложений о том, чему левые могут научиться у Ленина сегодня, чтобы поступать по-другому. Я хотел бы остановиться на периоде Первой мировой войны и русской революции 1917 года.

Во-первых, Ленин начал с очень специфического "Нет войне!". Он не только является одним из самых решительных противников этой войны, но и безоговорочно квалифицирует её как империалистическую войну. Грета Тернберг "Как ты смеешь!" - это такое "нет" сегодня. "Нет". Конкретное НЕТ это начало всего.

Во-вторых, Ленин провёл первые месяцы Мировой войны в Берне в библиотеках и читал Гегеля! Он начал фазу интенсивных философских размышлений. 150 страниц - это всего лишь выдержки из Гегелевской „Науки логики“. Ленин связывает свой опыт с диалектикой развития и практики Гегеля; он тренирует своё диалектическое мышление, думает о том как действовать в условиях застоя и резких событий. Правда всегда конкретна. Таким образом, он готовится к непредсказуемому. Ничто в творчестве Гегеля не является более материалистичным, чем его идеалистическая диалектика, пишет он. Но с какой философией европейские левые готовятся к совершенно новой ситуации? Сама мысль о том, что это необходимо, кажется, не из их мира.

В-третьих, после первоначального шока политики немецкой социал-демократии и других партий Второго Интернационала Ленин разработал свой собственный альтернативный нарратив. Он призван объяснить, как могло произойти это предательство. Нарратив должен объяснить, зачем новая коллективная субъективность, новый, коммунистический интернационал, почему он должен поставить на повестку дня социалистическую революцию в Европе и как это может произойти.

Без совместного нарратива нет совместного действия. Абстрактной общности интересов недостаточно, потому что многое противоречит общему. Желание принадлежать к новой "субъективности", новому "мы", должно активно создаваться. Тот, у кого нет нарратива, проигрывает уже перед борьбой. Можно ли превратить идею радикальной социально-экологической трансформации в новый нарратив - с его глобальными, локальными и региональными измерениями?

В-четвёртых, в годы ссылки в Швейцарию во время Первой мировой войны было написано вступительное эссе Ленина "Империализм как высшая ступень капитализма". С более чем тысячей источников можно ознакомиться. Его выдержки состоят из 900 страниц. Коллаборационисты поддерживают Ленина. Ленина интересует не исчерпывающее аналитическое объяснение природы империализма, а его значение для левой стратегической интервенции. Ультраимпериализм Каутского - это только абстрактная возможность. Конкретно говоря, всё было бы совсем по-другому.

Ленин ищет слабые места этой невероятно сильной международной системы. Неравенство развития, внутримпериалистические противоречия, конфликты между ведущими империалистическими нациями и колониями вроде полукolonий перемещаются в центр. Его интересует национальный и аграрный вопрос, а также те элементы, которые создали империализм и войну, которые, в свою очередь, указывают на новый экономический порядок. Прежде всего, он понимает, что не может быть никакой "чисто социалистической" революции. Для того чтобы добиться больших перемен, необходимо эффективно сочетать очень разные процессы: национальную и социальную борьбу, борьбу за радикальную демократию с потрясениями в имущественных отношениях. По мнению В.И. Ленина, на центральный вопрос нельзя ответить абстрактно, а только конкретно и практически. Все это - глубокий анализ общества. Насколько хорошо сегодня европейские левые оснащены такими практически актуальными анализами, которые не столько говорят о том, что невозможно, сколько были возможны сегодня и сейчас? В смысле Эрнста Блоха, речь идёт о конкретной утопии или, по словам Эрика О. Райта, о настоящей утопии.

В-пятых, после Февральской революции 1917 года Ленин всего за несколько недель выкинул за борт самую священную корову российской социал-демократии, доктрину двух фаз революции, буржуазной революции как предвестника социалистической революции. Троцкий уже делал это в 1905-06 году. В условиях империализма и войны, сказал Ленин, объективные, а теперь и субъективные условия для социалистической революции существовали сначала в России, затем в Германии и Европе. В своих апрельских тези-

сах он ставит эту революцию на повестку дня. Но какая концепция революции, реформы, трансформации есть у левых европейцев? Конечно, нельзя постоянно говорить о том, что капитализм - это не последнее слово в истории человечества, если он не хочет идти на дно, и даже не имеет представления о том, как происходят такие фундаментальные потрясения! Может ли концепция двойной трансформации в капитализме способствовать этому?

Шестое. В то же время Ленин разрабатывает концепцию эпохи как ситуации действия. "Что делать?" и "Кто это делает?" всегда были центральными вопросами левого общества. Ленин вывел это на первый план. На первый план выходят не общие эволюционные тенденции, а их перекрытие с возможностями действия. Его анализы направлены на сценарии. В аграрном вопросе можно использовать прусский или американский путь. Национальные вопросы также открывают возможности для альтернатив. Таким образом, он может гибко "проигрывать" возможности и открыт для неожиданных решений. Однако в левых европейских странах мышление, в основном, ведётся в направлении "или-или", "правильно" или "неправильно". Индивидуальные возможности настраиваются друг против друга и становятся абсолютными. Это разделяет и делает нас бессильными. Нам нужны сценарии, которые учитывали бы открытость ситуации и в то же время реалистично отражали бы конкретные возможности.

Седьмое. В Библии мы находим фразу изречения Соломона: "Без видений люди становятся дикими и дикими". Нужен освободительный, утопический горизонт "другого мира". В летние месяцы 1917 года Ленин писал о государстве и революции. Самое удивительное в этом то, что он сталкивается с противоречиями нового социалистического порядка. Новое социалистическое государство должно иметь элементы буржуазного государства, чтобы трудящиеся как "члены общества" могли навязывать себе в качестве частных лиц принцип заслуг. Поэтому репрессии не только против правящих классов старого общества! Ленину не хватает осознания того, что политика - это не только доминирование, но и пространство диалога, самопонимания, которое должно гарантировать свободу тех, кто мыслит по-другому. Существует роковая фраза: "Там, где есть насилие, нет свободы и демократии". Но каково видение европейских левых? Как он готовится к противоречиям, которые создаёт его собственная политика? Именно необходимость справляться с последствиями участия в управлении страной всегда, кажется, застаёт левых абсолютно неподготовленными. Есть размышления о неосоциализме, социализме, который соответствует 21 веку, который заново берет на себя экологические, социальные, демократические

и мирные вопросы. Говорят об инфраструктурном социализме, который является коммунистической основой хорошего общества - образования, здравоохранения, экологии, транспорта, жилья и т.д. и т.п. - и так далее. Общие блага свободного общества были приватизированы или уничтожены неолиберализмом. А в некоторых случаях их приходится создавать впервые в условиях глобализации и цифровизации. Для того чтобы каждый человек имел доступ к благам свободной жизни, необходима радикальная трансформация, которая сделает доступными для этого общие блага.

Восьмое. Все упомянутые вопросы ведут к тому, что можно назвать стартовыми проектами. Ленин их не придумывает, как часто читают, а выбирает из требований солдат, рабочих, крестьян, представителей угнетённых народов России. "Вся власть Советам" и "Свержение Временного правительства", "Мир без предварительных условий немедленно", "Трудовое самоуправление", "Право на самоопределение" - вот такие лозунги. Как писал интернациональный меньшевик и великий очевидец Николай Суханов, речь В.И. Ленина поразила как молния по прибытии в Петроград в апреле 1917 года: "Для нас, полностью погруженных в неблагодарный рутинный труд революции, посвятивших себя нуждам дня, которые были необходимы, но незаметны "историей", перед нашими глазами внезапно появился яркий, ослепляющий, инопланетный свет, ослепивший нас всем тем, что до сих пор составляло нашу жизнь." Альтернатива войне и угнетению стала очень конкретной и казалась выполнимой. Но какая программа стартовых проектов есть у левых европейцев? Кто из них в массовом сознании? Как добиться того, чтобы идеи о другом европейском и мирном порядке, о другом виде государства всеобщего благосостояния, о новой мобильности, о фундаментальных конституционных реформах, о новой энергетической системе стимулировали необходимые социально-экологические преобразования?

Если спросить, что общего у восьми элементов стратегии Ленина, то это ориентация на антагонизм, непримиримая оппозиция, или-или, исключение любого среднего пути, чрезвычайное положение. В долгосрочной перспективе это оказалось фатальной односторонностью и слабостью. «Нет» было абсолютным, философская концепция опиралась на обострение и усиление противоречий и исключительно на прыжок. Повествование было сосредоточено на абсолютном разрыве с социал-демократией. Анализ исключал любую возможность реформирования капитализма и империализма; сценарии знали почти только варварство войны, с одной стороны, и социалистическую гражданскую войну против капиталистических рабовладельцев, с другой. Горизонт эмансипации обещал лишить всех и всяческих демократических и свободных

прав тех, кто сопротивлялся, а центральным проектом была "пролетарская власть", осуществляемая большевистской партией, которая беспощадно угнетала своих оппонентов. Каждый из элементов стратегии Ленина был разработан от крайностей. Стратегия крайностей и гражданской войны оказалась сильной в условиях России и мировой войны на пути к власти в 1917 году. После 25 октября 1917 года все зависело от того, как использовалась эта сила. Но это другая история.

Сегодняшние европейские левые не могут и не должны копировать Ленина. Они действительно должны сделать это принципиально по-другому. Но они могут получить от Ленина восемь предложений, упомянутых выше. Без конкретного "нет", без диалектической практической философии, без собственного повествования, без стратегического анализа общества, без понимания эпохи и сценариев, без эмансипаторного видения со своими притязаниями и без разработанных на основе консенсуса начальных проектов, бессилие левых в сегодняшней Европе останется. Они не смогут противостоять восстанию правых и беспорядочной работе правящего блока. Они окажутся неподготовленным к новому кризису. Они не смогут воспользоваться возможностями открытой ситуации. Поэтому давайте пойдём в школу вместе с Лениным, чтобы инициировать радикальные трансформационные социальные изменения эмансипаторным путём.

Библиография

Bloch, Ernst (1985): *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt am Main: Suhr-kamp.

Brie, Michael (Hrsg.) (2014): *Futuring: Perspektiven der Transformation im Kapitalismus uber ihn hinaus*. Munster: Westfalisches Dampf- boot.

Brie, Michael (2017): *Lenin neu entdecken: Das hellblaue Bandchen zur Dialektik der Revolution & Metaphysik der Herrschaft*. Hamburg: VSA.

Candeias, Mario (2019): *Linkspartei, was nun? Drei Vorschlaege fQr eine Strategiediskussion*. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung.

Institut fur Gesellschaftsanalyse (2011): *Organische Krise des Finanzmarkt-Kapitalismus: Szenarien, Konflikte, konkurrierende Projekte*. Rosa-Luxemburg-Stiftung.

Klein, Dieter (2013): *Das Morgen tanzt im Heute. Transformation im Kapitalismus und uber ihn hinaus*. Hamburg: VSA.

Wright, Erik Olin (2017): *Reale Utopien. Wege aus dem Kapitalismus*. Berlin: Suhrkamp.

ЧЕМ АКТУАЛЕН ЛЕНИН СЕГОДНЯ И ЧЕМ БУДЕТ АКТУАЛЕН ЗАВТРА

А.В. Вотинцев

*Депутат Кировской городской
Думы 6-го созыва, секретарь по идеологии
и протестному движению Кировского обкома
КПРФ, кандидат в члены ЦК КПРФ*

Революционера В.И. Ленина и его творческое и практическое наследие всегда **надо рассматривать диалектически**. Ленин был не одиноким героем, но его гений, заключался в том, что в отличие от других он «стоял на плечах гигантов» и поэтому смог заглянуть в будущее несколько дальше, чем его современники. Его достижения основаны, прежде всего, на творческом развитии марксизма. Если великие предшественники К. Маркс и Ф. Энгельс, открыли марксизм как науку фундаментальную, выработали новый метод познания, а затем стали двигать теорию к научно-практическим выводам и внедрять их политическую практику. Ленин наоборот, от практических политических задач революционера шёл к решению научно-прикладных и теоретических научных вопросов, а потом делал фундаментальные открытия. Эти открытия были гениальны тем, что воплощённые в революционную практику действительно «двигали историю вперёд».

Что же взять у В.И. Ленина в революционную теорию и практику будущего и настоящего?

Прежде всего, необходимо закрепить, что В.И. Ленин был **учёным и мастерски владел диалектическим методом**. Многие практические вещи он понимал в развитии и во всеобщей взаимосвязи. Он чувствовал остроту момента. Чего стоит знаменитое: «сегодня рано, а завтра может быть поздно».

Он гениально предвидел и теоретически обосновал, что в период империализма центры классового противоборства переходят на страны периферии, гегемоном революционных потребностей окончательно становится пролетариат, а начавшиеся буржуазно-демократические революции могут быть завершены социалистическими. Также он предугадал, что после пролетарского политического переворота (кульминационного акта социалистической революции): государство сохранится в форме диктатуры пролетариата, то есть примата интересов трудящегося большинства. Классовая борьба продолжится, но наиболее остро она будет проявляться уже между странами: метрополиями за передел мира, угнетающими странами и угнетаемыми, странами капитализма и освободившимися от угнетения. Переходный период борьбы капитализма и социализма затянется, но всё это будет происходить уже на другом уровне развития противоречий между трудом и капиталом.

За неимением времени мне хочется осветить два вопроса. Первый - о проблеме **воспитания «нового человека» в условиях капитализма** или точнее в условиях отхода от социализма в России. Второй – о задачах социалистических сил **по широкой низовой самоорганизации** граждан.

В период строительства социализма **задача воспитания «нового человека»** была одной из центральных. Сегодня, в условиях мирового экономического кризиса всё больше буржуазных учёных выдвигают тезис о громадном значении «человеческого фактора» в современной экономике. Это открытие даже получило Нобелевскую премию. Это значит, что воспитание, образование и образ жизни конкретного человека **выходит на первый план** в структуре производительных сил.

А коммунисты и левые силы, особенно в России, где реакционные силы общество исторически вернули назад в результате отхода от социализма, пока ещё недооценивают важность этого момента. В социалистическом обществе это было достижением государства. Сегодня наоборот. Защита бесплатного и качественного образования, бесплатного здравоохранения, науки и культуры конечно являются одним из главных требований политической борьбы всех левых.

Необходимость осмысления этого вопроса требует приложения теоретических сил марксистов в творческом развитии марксизма в этом вопросе. Интересные мысли по этому вопросу высказывали Самир Амин и Иван Ефремов. Они предполагали, что на переходном этапе к социализму, возможно именно воспроизводство «человеческого фактора» становится базисной, а не надстроечной частью производственной сферы. При социализме наверняка, а при капитализме? Это требует осмысления. Но ясно, что именно идейно-нравственное и практико-трудовое **воспитание коммунистической молодёжи** должно стать приоритетом момента для развития всех левых сил.

Ещё в Манифесте коммунистической партии было отмечено, что классовый антагонизм заканчивается: либо переходом на новый уровень развития при победе прогрессивных сил, либо общей гибелью борющихся классов. Там же сказано, что первые элементы буржуа и пролетариев возникли из свободных жителей городов, которые освободились из феодальных взаимоотношений. На мой взгляд также, первые элементы коммунистического общества возникают из представителей пролетариата, которые освободились от капиталистических взаимоотношений. Освободились духовно - сознательно отказавшись от нетрудовых доходов. Стать коммунистом, значит сознательным пролетарием. Значит освободиться в результате созревания классового сознания в практике идейно-теоретической и классовой борьбы. Значит освобо-

даться экономически в результате ликвидации эксплуатации человека человеком, и политически в результате самоорганизации, развития самосознания и ликвидации государственного насилия.

Выводим по-ленински, так как на современном этапе основные классовые противоречия происходят между странами. Начало этому положит освобождение страны от империалистической зависимости, **движение к подлинному национальному суверенитету**. В освобождённых странах в переходный период происходит движение к практической реализации диктатуры пролетариата. Часто буржуазия берёт верх, но становится коллективным эксплуататором, так как не способна эксплуатировать пролетариат частным образом. Баланс интересов зависит от силы классовых организаций пролетариата и наличия классовой партии диктатуры пролетариата, опирающейся на широкий политический союз трудящихся. Полная эмансипация пролетария в переходный период полностью невозможна, но «вероятна».

Задачи организации революционных масс всегда были у В.И. Ленина на первом месте. Можно перефразировать фразу Архимеда: «Дайте мне организацию революционеров, и я переверну мир». Но такой организации не было, были только попытки её создания в России. В.И. Ленин изучил опыт революционных объединений, сделал выводы, проверил их на практике и предложил своё видение создания «партии нового типа». Партии, состоящей из профессиональных революционеров, сознательных пролетариев, так называемых «новых людей». Эти «новые люди», названные большевиками, впоследствии смогли организовать пролетариат, который возглавил революционные процессы в России и осуществил переход к диктатуре пролетариата, государственному устройству «нового типа».

Тесная связь с массами всегда являлась краеугольным камнем марксизма. По-разному, она понималась и Владимиром Ильичём. В начале, когда надо было строить партию «нового типа» из профессиональных революционеров было одно понимание. Потом, в период «диктатуры пролетариата» и при строительстве социализма, уже иное, с учётом требований времени, накопленных знаний и политической обстановки. Современникам **необходимо «новое понимание» революционера**.

Ленинская диалектика «интернационального-национального» тоже требует своего теоретического осмысления на современном этапе. Западные ветви революционной социал-демократии, параллельные большевизму, например, как болгарские «тесняки» и германские «спартаковцы», потерпели историческое поражение именно из-за теоретической недооценки национального вопроса в своей политической практике. Кстати, разумные коммунисты Европы отказываются сегодня от доктрины еврокоммунизма именно по об-

ратной причине. Когда людям наёмного труда отказывают в физическом существовании – защита прав личности уходит на второй план, на первый план выходит защита коллективных прав, в том числе национальных.

Для российских коммунистов вызовом времени становится жёсткое по форме и содержанию **объединение всех антикапиталистических сил и политическая гегемония над ними**. Знамя демократических свобод должны вновь поднять именно коммунисты. Миссию осуществления ленинской формулы по перерастанию буржуазно-демократических революционных трансформаций в социалистическую революцию история вновь возлагает на коммунистов, как сознательных и ответственных пролетариев.

Поэтому **коммунисты должны возглавить процесс самоорганизации** трудящихся масс, всех демократических сил. Вызовы времени требуют мобилизации вокруг КПРФ, как крупнейшей левой партии национального масштаба всех честных и справедливых. Капитализм по сути это узаконенное воровство, но прошло время, когда воровали безнаказанно. Сейчас необходимо объединять любых борцов с коррупцией, которую надо признать самой актуальной темой протеста демократических сил. Именно за коррупцией скрываются мотивы захвата политической власти самой отъявленной частью буржуазии, так называемой олигархией. Политическая опасность коррупции в том, что власть монополистической олигархии всегда рискует перейти к террористическим формам правления. Ответом на изменение конституции и трёхдневные выборы со стороны левых сил должны были стать красные флаги революционных требований на каждом избирательном участке, чтобы пресечь возможные фальсификации сторонниками компрадорских и олигархических сил. И обеспечить это сможет только мобилизация всех честных гражданских сил вокруг КПРФ. Но это должен быть не верхушечный, а прежде всего, низовой подъём самоорганизации. Недовольство масс должно перейти в сопротивление произволу.

К сожалению, июль 2020 года левые вовремя не осознали и упустили. Поздно сориентировался политический штаб, а снизу осознание пришло не сразу. Силы реакции победили демократические потребности народного большинства, но мириться с этим нельзя. Надо защищать каждую украденную копейку, каждую толику попранного деспотизмом политического права или свободы. Но прежде всего защищать и развивать марксизм, науку революционного социализма.

Ленинское наследие требует осмысления современниками. История – это движение социальной материи. И нам надо приближать то время, когда марксизм превратится в точную науку, как это пророчил Краткий курс истории ВКП(б). Это обязательно осуществится, благодаря нашей с вами теоретической и практической революционной работе.

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

В.В. Калашиников

*Доктор исторических наук,
профессор СПбГТУ «ЛЭТИ»*

Ленин стал ключевой фигурой в истории XX в. потому, что создал государство, которое в короткий срок резко сократило отставание России от ведущих стран Запада в военном, экономическом, культурном отношениях.

Международные последствия трудно преувеличить: разгром фашизма, ликвидация мировой колониальной системы, принятие Западом концепции «социального государства» как способа предотвратить революцию. Все это и составило содержание так называемого «короткого XX века», который начался в октябре 1917 г. и закончился в декабре 1991 г. Век прошёл под знаком Ленина. Ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Ганди, ни Мао не могут сравниться с Лениным по влиянию на ход мировой истории. Не равен ему и Сталин, который не был соавтором и героем Октября. Сталин продолжил дело Ленина, но другими методами. Нельзя представить Ленина автором программы насильственной коллективизации крестьян. Тем более нельзя представить Ленина лидером, который физически уничтожал оппонентов в рядах своей партии. Ленин завоёвывал лидерство превосходством своих аргументов.

Ленин – не икона, и большевизм был естественным продуктом вековой политической традиции России. В период гражданской войны Ленин отвечал жестокостью на жестокость. И считал себя вправе делать это, понимая, что поражение приведёт к физическому уничтожению лучших из тех рабочих и крестьян, которые встали против старого строя.

Целью всей жизни Ленина была борьба за устранение социальной несправедливости. Человечество всегда будет стремиться к этой цели и поэтому сохранит имя Ленина в своей памяти.

1. Апрельский курс

Вернувшись из эмиграции в апреле 1917 г. Ленин убедил большевиков принять курс, который казался невозможным другим лидерам большевизма: начать борьбу за власть и проведение программы переходных шагов к социализму (национализация земли, банков, крупнейших синдикатов и т.д.). Напомним, что прежняя стратегия большевиков, принятая в 1905 г., была нацелена на замену самодержавия демократической республикой буржуазного типа. Полная победа революции трактовалась как приход к власти коалиции левых партий, осуществлявших революционно-демократическую диктатуру пролетариата и всего крестьянства. И большевики не претендовали на ведущую

роль в коалиции, понимая ограниченность потенциала рабочей партии в крестьянской стране. Речь шла лишь о возможном участии в правительстве с целью создания условий для дальнейшей борьбы за социализм.

Именно этой стратегией руководствовались большевики до приезда Ленина. На его призыв начать борьбу за власть, редакция газеты «Правда», которой руководили Лев Каменев и Иосиф Сталин, 8 (21) апреля ответила: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»¹.

Однако большевики из числа рабочих хотели именно такой революции, и Ленину понадобилось пару недель, чтобы завоевать районные комитеты партии, затем всю городскую организацию и при её поддержке провести свою линию на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Ленин убедил партию в возможности соединить борьбу всего народа за мир с борьбой крестьян за землю и борьбой рабочих за социализм. В этом состояла суть новой стратегии, и она опиралась не на внешние, как часто считают, факторы, а на внутренние. Важнейшим фактором был особый менталитет русского крестьянина, который выступал против частной собственности на землю. Стратегия строилась на смелом прогнозе, согласно которому ни кадеты, ни правые социалисты не дадут ни мира, ни земли. Ленин нашёл и организационную форму для реализации стратегии: Советы рабочих и солдатских депутатов, напрямую избранных на заводах и в воинских частях. Главным лозунгом большевиков стал лозунг «Вся власть Советам». Апрельская стратегия была новацией и точно учитывала обстановку, сложившуюся в стране.

2. Октябрьский рубеж

Осенью 1917 г. стало ясным, что ленинский прогноз оправдался. Временное правительство всех составов всю весну и лето осуществляло кадетскую программу продолжения войны и затягивало сроки созыва Учредительного собрания. Авторитет правительства таял. В августе казачий генерал Лавр Корнилов попытался установить военную диктатуру, бросив на Питер казачьи части и Дикую дивизию. Однако и те остановились, как только узнали, что их ведут на столицу против воли Советов. В сентябре большевики предложили правым социалистам самим создать правительство с опорой на Советы, обещая быть лояльной оппозицией. После колебаний те отказались.

¹ Правда. 1917. 8 апреля.

В стране ускорилось падение производства, тысячи солдат оставляли фронт и возвращались в деревни, где начался передел земли. Резко увеличилась преступность. Нарастала анархия. Правительство не смогло провести заготовки хлеба и топлива. Страна уходила в зиму с очевидной перспективой голода и холода, не имея запасов для снабжения городов и многомиллионной армии. На таком фоне в первую декаду сентября большевики получили большинство в Советах Москвы и Петрограда. Узнав об этом, Ленин призвал ЦК большевиков взять власть в столицах в любой удобный момент. Он торопился: боялся, что анархия захлестнёт революцию.

В начале октября Ленин приехал в Петроград и на заседании ЦК 10 (23) добился решения о проведении восстания, не дожидаясь созыва II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, назначенного на 20 октября (2 ноября). Ленин боялся «колеблющегося голосования» на съезде и того, что он будет отложен². Большинство членов ЦК голосовали «за», но многих смущала идея проведения восстания до съезда Советов.

20 октября (2 ноября) наступило, большевики не выступили, ибо весомого повода не появилось, но и съезд не начал работу: руководство старого ЦИК Советов перенесло начало на 25-е октября (7 ноября). Все шло к тому, что вопрос о власти будет решён на съезде. Однако утром 24 октября (6 ноября) Керенский, понимая, что съезд примет решение о переходе власти в руки Советов и создаст новое правительство, решил предупредить события. Он отдал приказ о закрытии большевистской типографии и аресте комиссаров Военно-революционного комитета (ВРК) – органа, созданного Петросоветом для защиты столицы от возможного захвата немцами. Повод для создания ВРК дал Керенский, который немецкой угрозой оправдывал план переезда Временного правительства в Москву.

Действия Керенского стали весомой причиной для восстания. Ленин требовал решительных действий: Петросовет, опираясь на ВРК, должен немедленно свергнуть Керенского, взять власть и передать её II съезду Советов для принятия окончательного решения. Тактическая сила ленинского плана очевидна: одно дело побудить делегатов съезда взять власть перед лицом действующего Временного правительства во главе с Керенским, грозящего всякими карами, и другое дело решать вопрос о власти после того, как правительство Керенского свергнуто. Однако ЦК большевиков весь день 24 октября (6 ноября) придерживался оборонительной тактики. Поздно ночью Ленин пришёл в Смольный и добился активных дей-

ствий: к утру город был в руках большевиков и левых эсеров, поддержавших восстание.

Вечером войска ВРК окружили Зимний дворец и в ночь на 26-е (8 ноября) после бескровного штурма арестовали министров Временного правительства. «Штурм Зимнего» был политической акцией, которая продемонстрировала, что Временное правительство защищать никто не хочет. На фоне такого успеха II съезд принял решения о переходе власти в руки Советов. Ленин, огласив Декреты о мире и земле, был избран главой нового правительства – Совета Народных Комиссаров.

В конце ноября решения II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов были поддержаны II Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, который успешно провели левые эсеры. 5 декабря руководящие органы (ЦИКи) обоих съездов объединились, и левые эсеры вошли в состав СНК. Власть Советов по стране была установлена по телеграфу. Только в казачьих регионах она встретила сопротивление, но недолгое – рядовые казаки не поддерживали казачью старшину.

Роль Ленина в приходе большевиков к власти была решающей: в апреле он добился принятия партией новой стратегической цели, а в октябре нашёл верную тактику для её достижения.

3. Проблема Учредительного собрания

Взяв власть, большевики оказались перед проблемой Учредительного собрания, выборы в которое в крестьянской стране должны были дать большинство партии эсеров. Эсеры вели пропаганду по формуле: мы – партия крестьян, большевики – партия рабочих. И у большевиков не было сил и средств для того, чтобы объяснить крестьянам в глубинке: эсеры – за блок с кадетами. В октябре этот блок был воплощён в законопроекте министра земледелия эсера Семена Маслова, по которому крестьянам передавалась только часть земли помещиков и за арендную плату. Однако после II съезда Советов, который принял большевистский декрет, эсеры в деревне о проекте Маслова не говорили ни слова. Напротив, утверждали, что большевики «украли» у них декрет о земле, что было неправдой, поскольку Ленин в основу своего декрета открыто положил те крестьянские указы, которые эсеры собрали ещё в мае, но не решились воплотить в жизнь, боясь порвать с кадетами.

Понимая возможность победы эсеров, Ленин после колебаний избрал план: провести выборы в принятые сроки (в армии и на флоте выборы начались уже 1 ноября), показать поддержку большевиков со стороны рабочих и солдат, созвать Собрание и предложить депутатам утвердить переход власти к Советам и основные декреты. В случае отказа – распустить Собрание и

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

созвать объединённый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. План позволял сделать роспуск Собрания понятным для сторонников власти Советов и избежать протеста со стороны крестьян.

Итоги выборов. По спискам общероссийских партий эсеры получили 39,5%, большевики – 22,5%, меньшевики – 3,2%, кадеты 4,5%. Ещё 14,5% набрали иные социалистические списки (украинские, татарские, молдавские, чувашские и др.). Кроме того 9,6% получили несоциалистические списки, также в основном национальных партий³.

Несмотря на формальное поражение, большевики выполнили поставленные задачи.

По городскому населению большевики в целом по стране получили 34,3%, кадеты – 19%, эсеры – 16,2%⁴. В Петрограде большевики получили 45%, кадеты – 26%, эсеры – 17%; в Москве большевики получили 48,2%, кадеты – 34,3%, эсеры – 8,1%, меньшевики – 2,8%⁵. Таким образом, в городах, особенно в промышленных центрах, большевики заняли первое место, показав слабость эсеров, своих главных соперников.

По армии в целом большевики также опередили эсеров и собрали 42,1% голосов, тогда как эсеры – 37,2%, меньшевики – 3,4%, кадеты – 2,3%⁶. Большевики победили на Балтфлоте (57,4%), Северном (56,1%) и Западном (67%) фронтах, расположенных вблизи столиц⁷. Эсеры победили на Юго-западном (41%), Румынском (60%) и Кавказском (70%) фронтах. На Черноморском флоте 42,3 % голосовало за эсеров, 24,5% за украинских социалистов, 20,5% – за большевиков⁸. Иными словами, чем дальше от столиц, тем меньше голосов у большевиков, и наоборот.

Итоги голосования в губерниях показали те же тренды. Прифронтовые Минская и Витебская губернии дали большевикам 59% голосов крестьян, Промышленный центр (9 губерний вокруг Москвы) – 50%, губернии Северо-Запада – 42%⁹. Эсеры победили в Центрально-чернозёмном (74,6%), Сибирском (74,5%), Северном (73,8%) и Средневожском (57,2%) районах¹⁰. В национальных регионах победили националь-

ные партии. В Учредительное собрание из запланированных 820 депутатов были избраны 767 депутатов. От общероссийских партий: 347 эсеров (из них 36 левых эсеров), 180 большевиков, 16 меньшевиков, 15 кадетов, 4 народных социалиста. От национальных и иных региональных: 81 украинский эсер, 11 украинских социал-демократов, 18 национальных социалистов, 62 мусульманина, 16 казаков, 16 депутатов от иных национальных списков. Кроме того 1 депутат от РПЦ¹¹.

С учётом того, что уровень грамотности рабочих и солдат был выше среднего по стране, можно сделать вывод: программу большевиков поддержали наиболее грамотные и информированные слои простого народа. Ленин получил решающую политическую и военную поддержку в столицах и ключевых губерниях России с преимущественно русским населением. В политическом плане численное поражение большевиков обернулось победой.

Роспуск. 5 января, в первый день работы Собрания большевики от имени ВЦИК Советов предложили депутатам принять Декларацию о том, что вся власть в стране принадлежит Советам, одобрить советские декреты и ограничить сферу деятельности Собрания разработкой «коренных оснований социалистического переустройства общества»¹².

Правые социалисты отказались признать власть Советов и тем дали Ленину важнейший политический аргумент для роспуска Собрания. Был и весомый повод – отсутствие кворума. В начале заседания в зале присутствовали около 410 депутатов¹³. В Петроград не приехали многие делегаты национальных районов, которые представляли партии, имевшие сепаратистские стремления, прикрытые требованием аморфной федерации. Так, в Петроград приехали только 11 украинских эсеров и 1 еврейский социалист. Украинские эсеры получили наказ не вмешиваться в российские дела и не участвовать в голосовании¹⁴. Бросалось в глаза отсутствие мусульманских делегатов. В такой ситуации, большевики, встретив отказ правых социалистов рассматривать Декларацию ВЦИК, покинули Таврический дворец. Позже за ними ушли левые эсеры. В зале осталось немногим более 200 депутатов, которые потеряли право от имени всего народа решать вопросы будущего страны.

ВЦИК Советов принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Большевики тут же созвали заранее запланированные III съезд Советов рабочих и

³ Наиболее полные подсчёты итогов выборов в Учредительное собрание произвёл Л.Г. Протасов. См. Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание. М.:1997. С. 164.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Там же. С. 208, 213.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ Там же. С. 242, 243

⁸ Там же. С. 242, 244-245, 366 (Приложение)

⁹ Там же. С. 174-175, 228.

¹⁰ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное Собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976. С. 280.

¹¹ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 295-296, 299-300. (есть другие цифры, но они не меняют общей картины)

¹² Всероссийское Учредительное Собрание». М.: Госиздат. 1930. С.5-6.

¹³ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 309.

¹⁴ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 286, 290-292.

солдатских депутатов и III съезд Советов крестьянских депутатов. Два съезда объединились и приняли Закон о социализации земли в точном соответствии с желаниями крестьянских депутатов. Власть Советов была закреплена. Эсеры не смогли поднять крестьян против власти Советов, сразу давшей тот закон, которые эсеры не решались дать с марта 1917 г.

Роспуск Собрания позволил большевикам сохранить курс на построение социализма в России. Правые социалисты считали такой курс невозможным. Это и определило судьбу Собрания. Роль Ленина в принятии решения о роспуске Собрания была ключевой.

4. Брестский мир

В Февральской революции первым лозунгом восставших был «Хлеба», вторым - «Долой войну». Эсеро-меньшевицкие лидеры Петроградского совета 14 (27) марта приняли Манифест «К народам всего мира» с призывом «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран»¹⁵. Призыв превратился в лозунг «мир без аннексий и контрибуции». В революционной России любое правительство, которое не хотело такого мира, было обречено на свержение.

В апреле Ленин не хотел сепаратного мира. Его тезис гласил: нельзя достичь демократического мира без свержения власти капитала. Ленин хотел революционной войны в Европе, рассчитывая на революцию в Германии. Технический потенциал Германии, помноженный на огромные людские и природные ресурсы России, делал союз двух революционных стран непобедимым. Вся «прогерманская» ориентация Ленина состояла только в этом.

Но Октябрь в России не вызвал революционного пожара в Германии, и Ленин уже в декабре был готов подписать сепаратный мир на компромиссных условиях. Мотив: продолжение войны на Западном фронте предотвратит военную интервенцию в Советскую Россию.

Германские условия, предъявленные в начале января 1918 г., гласили, что война прекращается, временная граница проходит в основном по линии фронта, с отступлением немцев в Волыни до Брест-Литовска, но Германия отказывалась уйти с захваченной части Прибалтики до полной демобилизации русской армии. За этими предложениями скрывалось желание оставить за собой ту Прибалтику, которую немецкие рыцари захватили и освоили в Средние века, но потеряли в Новое время. Однако формально они признавали право народов региона устроить свою судьбу на основе «права наций на самоопределение». Условия требовали демобилизации русской армии, но давали мир и позволяли

большевикам сохранить все вооружение и военное имущество, сосредоточенное в прифронтовой зоне. Ленин был готов принять эти условия¹⁶.

Во-первых, он полагал, что такой мир будет недолгим, так как в Германии зрела революция. Во-вторых, считал, что Германия, подписав мир на восточном фронте, будет вести войну до победы на западном фронте, что не позволит Антанте и Германии договориться о совместном крестовом походе против Советской России.

Однако нарком иностранных дел Лев Троцкий и левой крыло в ЦК большевиков полагали, что сепаратный мир затормозит революцию в Германии. «Леваки» были готовы пожертвовать революцией в России ради революции в Германии. Ленин назвал эту позицию «странной и чудовищной»¹⁷. ЦК решил затягивать переговоры, вопреки мнению Ленина.

Фактор Украины. Это создало возможность Германии использовать фактор, который вначале германскими дипломатами исключался. В Брест приехала делегация Центральной Рады, которая 11(24) января объявила о государственной независимости Украины. Глава советской делегации Лев Троцкий не мог не признать за делегацией Рады право представлять Украину на переговорах. Он знал, что на выборах в Учредительное собрание входившие в Раду украинские социалисты получили большинство голосов. 27 января (9 февраля) украинская делегация подписала сепаратный мир с Германией. Лев Троцкий оказался в сложной ситуации: он не мог отрицать законности германо-украинского договора, и не мог его признать, зная, что в эти дни войска правительства Советской Украины, провозглашённого в Харькове, вели бои за Киев. Была надежда на установление Советской власти на всей Украине. Однако Берлин требовал признания договора с Радой и ужесточил свою позицию на переговорах. На следующий день 28 января (10 февраля) Лев Троцкий, заявив «мы выходим из войны ... отдаём приказ о полной демобилизации наших войск», покинул Брест, полагая, что немцы не решаться наступать¹⁸.

Мирный договор. Троцкий ошибся. 18 февраля¹⁹ германские войска начали наступление и к 24 февраля вышли на линию Нарва – Псков – Минск. Русские войска без боя уходили с нерусских территорий Российской империи, а дальше сопротивление нарастало: Псков три раза переходил из рук в руки.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243-252. Седьмой съезд [РКП(б)]. Март 1918 г. М.- Л., 1928, С. 261.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 400.

¹⁸ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. – М., 1920. Т. 1. С. 207-208.

¹⁹ Здесь и далее даты даны по новому стилю, введённому СНК с 1 февраля, который стал 14 февраля.

¹⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.

Продвижение на русских территориях остановилось. 3 марта большевики подписали мир, который во многих отношениях был «похабным», но не затрагивал русскую территорию.

Формально Брестский мир был подписан на принципах «мир без аннексий и контрибуций». Германия юридически не присоединила к себе ни пяди земли бывшей Российской империи, и обе стороны «взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов» и «военных убытков». Россия отказывалась от «верховой власти» над Прибалтикой, где оставались германские войска; признала суверенитет Украины под властью Рады и обязалась вывести войска из Украины, Финляндии, Восточной Анатолии, Ардагана, Карса и Батума. После полной демобилизации русской армии и достижения общего мира Германия обязывалась вывести войска из Белоруссии. Экономические статьи предусматривали права германских граждан на доверенную собственность²⁰. Такова была цена отказа ЦК сразу поддержать полицию Ленина. Тем не менее, Брестский мир решал главную задачу. Весной 1918 г. Германия начала многомесячное сражение на Западном фронте, в ходе которого обе стороны понесли огромные потери (1,2 млн. убитыми). Эти потери лишили Антанту возможности организовать серьёзную интервенцию в Россию с целью раздела наследства Российской империи. И ещё: уже с мая после начала мятежа белочехов Германия не препятствовала созданию Красной Армии для борьбы с интервенцией Антанты.

«Контрибуция». Декретом от 28 июня Ленин национализировал все акционерные предприятия России с участием иностранного капитала, прежде всего - германского. (Любителям версий о «немецком золоте» для русской революции укажем на некоторую странность этой акции со стороны «немецкого шпиона»). Берлин потребовал компенсации. Ситуация обострилась в связи с убийством левыми эсерами 6 июля германского посла графа Мирбаха. Военная партия в Германии требовала похода на Москву. В начале августа британские интервенты захватили Архангельск и Баку, белочехи и отряды Комуча – Казань, донские казаки Петра Краснова вышли к Волге севернее Царицына. В такой обстановке 27 августа в Берлине был подписан «Добавочный договор» и финансовое соглашение. Россия обязывалась выплатить Германии компенсацию за национализированную германскую собственность в 5 млрд. марок. Выплаты производились бумажными банкнотами царского и Временного правительств, товарными поставками, облигациями займа, а пятая часть - золотом (245,5 т.)²¹. Москва представила эту акцию как военную контрибуцию, чтобы не создавать прецедента, на основе которого другие государства могли требовать свою долю компенсации.

Договор содержал другие важные пункты. В ответ на согласие России «отступить от верховной

власти» в Эстляндии и Курляндии, Германия гарантировала право России на «свободные гавани» в Ревеле, Риге, Виндаве, поставки марганцевой руды из Грузии, поставки металла, угля, кокса из Украины, «соразмерную с экономическими потребностями часть Донецкого бассейна», очищала оккупированную территорию Белоруссии. Договор содержал и другие важные для России обязательства со стороны Германии, которые должны были помочь России изгнать войска Антанты²². Красная армия получала часть оружия, захваченного Германией весной при отступлении русской армии. Это оружие помогло отбросить белочехов и армию Комуча за Урал.

Через два месяца ноябрьская революция в Германии позволила Ленину аннулировать весь комплекс соглашений с Германией, но та успела получить часть платежей (93,5 т золота). В 1922 г. в Генуе эти платежи, несмотря на их конфискацию у побеждённой Германии Францией, были признаны достаточными для того, чтобы Германия и Советская Россия подписали Рапальский договор о полном дипломатическом признании, отказе от взаимных претензий и начал экономического сотрудничества. В период индустриализации большую часть промышленного оборудования СССР получал из Германии, в том числе и в кредит. Так Ленин превратил «похабный» Брестский мир в инструмент промышленного возрождения России. Рапальский договор 1922 г. стал прецедентом для соглашений с Англией и Францией. Советская Россия скинула с себя удавку внешнего долга, который ставил ее в полную зависимость от Запада.

Подводя итоги беглому обзору основных стратегических решений, принятых Лениным в период Русской революции²³, сделаем вывод. Поразительная смелость Ленина, взявшего на себя ответственность за судьбы миллионов, питалась его убеждённостию в том, что только переход к социализму обеспечит экономический, социальный и культурный рывок России. Ленин был единственным русским политиком, который, опираясь на анализ особенностей эпохи империализма, осознал *сверхзадачу* Русской революцией и чётко сформулировал её в знаменитом лозунге: *«Догнать или погибнуть»*. Ленин создал инструмент решения этой сверхзадачи. Другого инструмента в той конкретной ситуации не было.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1 С. 119-124, 173.

²¹ Там же. С. 445-446.

²² Там же. С. 437-443.

²³ Мы не рассмотрели ещё два важнейших стратегических решения, принятых Лениным: переход к НЭПу и изменение точки зрения на социализм, а также создание СССР. Эти сюжеты требуют отдельного разговора.

МАРКС, ЛЕНИН И СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЗИДАНИЯ СОЦИАЛИЗМА

А.И. Колганов

*Доктор экономических наук,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова*

К. Маркс в полном соответствии со своим материалистическим пониманием истории видел в качестве объективных предпосылок социализма такое развитие производительных сил, которое будет уже несовместимо со сковывающей их оболочкой капиталистических производственных отношений.

Что же должны обеспечить новые производительные силы, как же качественные сдвиги в них должны произойти? Они должны создать такие условия, при которых человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение предела для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»¹.

Кроме того, новая техническая основа производства должна обеспечивать прекращение борьбы за индивидуальное существование². В современных условиях это означает не только достаток средств существования, но одновременно и приемлемое состояние окружающей среды. Разумеется, такой переход невозможен до тех пор, пока целью производства остаётся накопление вещного богатства, и, более того, искусственное раздувание стремления к потреблению в погоне за расширением рынка сбыта. Соответственно, предполагается такое изменение характера человеческой деятельности, которое приводит к превращению не вещного богатства, а самой деятельности в первую жизненную потребность (и вместе с этим свободное время как пространство для развития человеческих способностей превращается в мерило богатства)³.

Другое требование, сформулированное классиками, – освобождение человека от функции частично-рабочего (по крайней мере, в большую часть времени) и вообще освобождение его от подчинения обще-

ственному разделению труда⁴. Это предполагает, по меньшей мере, резкое сокращение времени рутинного репродуктивного труда, как за счёт роста производительной, так и за счёт роста потребительной силы человека (рационализация потребления – не за счёт аскетизма в потреблении, а за счёт перехода к менее расточительным способам удовлетворения потребностей, в том числе путём сокращения престижного и иррационального потребления).

Такое развитие производительных сил, возникающее в силу развития внутренних противоречий капиталистического способа производства, начинает проявлять себя ещё в его рамках, и становится основой для возникновения при капитализме таких производственных отношений, которые представляют уже собой частичное отрицание капитализма, и, тем самым, социально-экономическую предпосылку социализма.

Что же это за отношения, представляющие собой частичное отрицание капитализма в его рамках?

Это те отношения, которые формируются под влиянием развития общественного характера производства, тенденции к росту обобществления производства – т.е. углубления общественного разделения труда, связывающего различные частные работы между собой так, что их независимый, частный характер становится иллюзорным. Одновременно растёт сфера нерыночной координации деятельности внутри капиталистических предприятий, масштабы которых с ростом специализации и концентрации производства растут, приобретая в конце концов транснациональный масштаб.

Эти процессы ведут к подрыву товарного характера (а вместе с этим – и стоимостной основы) капиталистического производства. Частное, изолированное, самостоятельное производство все больше заменяется координируемым, регулируемым и даже прямо управляемым в общественном масштабе. Такого рода тенденции не уничтожают капиталистический базис производства, но ведут к возникновению в его структуре таких производственных отношений, которые выражают рост уровня обобществления, развитие тесных связей, охватывающих все звенья общественного разделения труда.

К. Маркс в «Капитале» рассматривал в качестве таких отношений, во-первых, кредитную систему и банки, охватывающие все общественное производство контролем за движением денег, и выступающие как прообраз системы общественного счетоводства⁵.

Во-вторых, это развивающийся на основе кредитной системы акционерный капитал, выходящий за пределы «классической» частной собственности и превращающий её в групповую, расплывая её нередко

¹Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, с. 221.

²См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961, с. 292, 294.

³См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 217, 221.

⁴См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961. С. 305

⁵Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I. С. 483-484.

среди десятков тысяч собственников, но одновременно резко увеличивая концентрацию производства и капитала и контроль над чужими капиталами со стороны капиталистической олигархии⁶.

В-третьих, это кооперативные предприятия, снимающие (только, разумеется, в пределах самого предприятия) противоречие между трудом и капиталом, и выступающие, по словам К. Маркса, как «положительное упразднение частной собственности»⁷.

Марксисты после К. Маркса (в том числе и В.И. Ленин) дополнили изучение этих предпосылок анализом развития монополистических тенденций на основе концентрации и специализации производства и капитала, ведущих не только к возникновению монополий, но и к развитию транснационального капитала, формированию финансового капитала и финансовой олигархии, приобретающих в мировом хозяйстве господствующее положение, к развитию государственно-монополистического капитализма и системы государственного регулирования производства. Эти тенденции расширяют предпосылки формирования общественной системы хозяйства как в национальном, так и в мировом масштабе.

Но перед В.И. Лениным стояла задача не только теоретического обобщения новых явлений в развитии капитализма и формировании предпосылок социализма, но и изучение состояния этих предпосылок в России под углом зрения перспектив социалистической революции. В России, начиная с последней трети XIX века, разворачивалась капиталистическая социально-экономическая революция, остававшаяся, однако, в значительной мере незавершённой. Поэтому в повестке дня стояло продолжение капиталистической социальной революции и использование буржуазной политической революции как рычага назревших социальных преобразований.

Именно эти буржуазно-демократические преобразования и были поставлены целью в программ-минимум РСДРП. Правда, в этой программе была и другая часть – программа-максимум, где говорилось о социализме. Однако социалистические преобразования могли стать целью партии лишь после осуществления программы-минимум.

Рассматривали ли сами большевики назревающую революцию как социалистическую? Поначалу – определённно нет. Никому, скажем, и в голову не приходило выдвигать социалистические лозунги в 1905 г. Да даже и после Февральской революции 1917 г. большевики полагали, что на ближайший период им придётся ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешёнными до конца Февралём. В апреле 1917 г. (когда, согласно канонической «истории КПСС», Ленин провозгласил

курс на социалистическую революцию) вождь большевиков однозначно заявил, отвечая на возражения оппонентов: «Я не только не “рассчитываю” на “немедленное перерождение” нашей революции в социалистическую, а и прямо предостерегаю против этого...»⁸. Для большевиков (так же, как и для меньшевиков) было вполне понятно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие ещё нужно прийти, и путь этот небыстрый. «Неужели не ясно, – писал В.И. Ленин уже после взятия власти, – что в материальном, экономическом, производственном смысле мы ещё в “преддверии” социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое ещё нами, “преддверие”, в дверь социализма не войдёшь?»⁹.

Да и по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач, которые действительно должна была решить Октябрьская революция – аграрная реформа в пользу крестьянства, широкомащтабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры – речь может идти только о буржуазной революции.

Но не все так просто. Ведь о задачах социалистической революции Ленин тоже не раз говорил. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если российская демократическая революция послужит сигналом для социалистической революции на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Однако и при такой перспективе риск совершения в России революции под социалистическими лозунгами оставался весьма высоким.

Классики марксизма, хотя в своё время и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 г. применительно к Германии (и что в ещё большей степени оказалось верно по отношению к России): «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере, ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунисти-

⁶Маркс К. Капитал, т. III/ / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I. С. 481-482.

⁷Там же.

⁸Ленин В.И. Письма о тактике// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 142.

⁹Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 303.

ческие опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹⁰.

Специфика российской революции, социалистическая составляющая которой опиралась на явное меньшинство населения, предопределила вынужденный радикализм мер, к которым прибегали вставшие у власти большевики.

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания социалистического уклада, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги, связь). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес господству буржуазной и мелкобуржуазной стихии. Тем более что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных предпосылок социализма под рабочим контролем – пусть пока и в буржуазно-демократических рамках – и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что ещё до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя ещё полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперёд, не идя к социализму»¹¹.

В 1917–1918 гг. произошёл кратковременный взлёт, а затем упадок органов рабочей самостоятельности, начавшийся с осуществления рабочего контроля над производством и попыток наладить непосредственное рабочее управление. Этот же период был периодом наибольшей активности Советов, опиравшихся на социалистическую многопартийность. Гражданская война нанесла удар как по рабочему самоуправлению, так и по советской демократии. В течение 1918 г. произошли перемены, заставившие В.И. Ленина охарактеризовать Советскую Россию как рабочее государство с бюрократическим извращением. К концу гражданской войны сначала фактически, а затем и формально была ликвидирована советская многопартийность.

Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и бо-

лее эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слоем.

Таким образом, задачи буржуазно-демократической революции, к которым добавились и социалистические задачи, вместо буржуазии стал решать не рабочий класс – эти задачи стала решать бюрократия.¹² Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было ещё вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата и в общем – в его интересах.

В.И. Ленина весьма беспокоили эти проблемы, основа которых была для него ясна – она лежала в недостаточности объективных материально-технических, экономических и социальных предпосылок социализма. Такую же оценку этим предпосылкам давали и меньшевики, но приходили к иным выводам. Разногласия между Лениным и меньшевиками заключались не в оценке предпосылок социализма в России, а в разном решении вопроса о власти. Меньшевизм состоял вовсе не в признании буржуазного по преимуществу характера революции – это признавали и большевики, а в решении вопроса о власти. Меньшевизм предполагал отказ от взятия, а затем и от удержания власти пролетарской партией (а вместе с этим становилась бессмысленной и программа строительства «культурного капитализма» – ибо другие силы придут к власти с другой программой). Ленин не мог согласиться на такую капитуляцию; и тогда становится понятной действительная подоплёка его фразы, брошенной на XI съезде РКП(б): «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать...»¹³

Но раз большевики остаются у власти, то и от решения социалистических задач отказаться невозможно. За счёт чего же их решать?

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. Он ведь понимал, что Россия в социализм непосредственно войти не может, что сначала ей ещё предстоит пройти через капитализм, далеко ещё не ставший до революции преобладающим: «Поскольку мы ещё не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт

¹² Ранее схожую идею – о бюрократии в советской системе как заместителе капиталистов, поскольку материальные условия производства остались те же, что и при капитализме, и кто-то должен был выполнять аналогичные функции – высказал Иштван Мессарош. См.: Meszaros I. *Beyond Capital*. New York, 1995. P. 981. Я пришёл к данному выводу самостоятельно, но научный приоритет остаётся за ним.

¹³ XI съезд РКП(б). Политический отчёт Центрального Комитета РКП(б) 27 марта// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 89.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 28. С. 490–491.

¹¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом...»¹⁴

В конце концов Ленин предлагает выход, в общем не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того как с ростом этого государственного (в смысле – контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо при помощи государственной власти концентрировать ресурсы на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъёме культурного уровня народа, на вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым одновременно с ростом капитализма, и отчасти на основе этого роста, будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлечённого в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства?

И эту проблему Ленин как раз прекрасно видел: «Весь вопрос – кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организовать, – и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчинённый государству и служащий ему?»¹⁵.

При этом Ленин был не склонен преуменьшать опасность. Пересказывая позицию сменовеховцев – «...на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками», – он заключает: «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо»¹⁶. Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹⁷.

¹⁴ Ленин В.И. О продовольственном налоге// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 229.

¹⁵ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 161.

¹⁶ XI съезд РКП(б). Политический отчёт Центрального Комитета РКП(б) 27 марта// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 93–94.

¹⁷ Там же С. 94.

Итак, Ленин понимал всю рискованность и негарантированность того плана социалистического строительства, который должен был осуществляться на основе нэпа. При всей его уверенности, что «из России нэповской будет Россия социалистическая», он не исключал возможность и иного исхода.

Индустриальный способ производства с его разделением труда, создающим из человека «частичного рабочего», с преобладанием вещных продуктов и потребностей, подчинением человека в производственном процессе машине является адекватной базой лишь для капитализма. Поэтому попытка построить «индустриальный социализм», начав с преимущественно доиндустриальной экономики, и сразу облекая только ещё создаваемую индустриальную базу в социалистическую оболочку, имела скромные шансы на успех (даже в случае европейской революции!). И Ленин в статье «О нашей революции. По поводу записок Суханова» ошибался не в своей надежде создать материальные предпосылки социализма уже после захвата власти пролетариатом. Он ошибался в своём понимании необходимого уровня этих предпосылок.

Но стоит заметить, что эту ошибку разделяли с Лениным все представители классического марксизма того периода.

Крупное машинное производство, «способное преобразовать и земледелие», крупные формы производства в сельском хозяйстве, всеобщая грамотность населения – это материальные основы капитализма. Означает ли это, что социалистическая революция возможна только при условии выхода за пределы индустриального способа материального производства?

Строительство «индустриального социализма» – причём индустриальную базу для него ещё только предстояло создать – не могло привести к обществу, качественно превосходящему капиталистическое¹⁸. Однако этот факт не означает какого-то абсолютного исторического «запрета» на начало формирования социалистических отношений на незрелой материальной базе. Постольку, поскольку уже на индустриальной фазе капитализм развёртывает все свои сущностные противоречия, поскольку развивается обобществление труда капиталом, то появляется и формальная возможность освобождения труда, т. е. снятия этих противоречий в социалистических производственных отношениях.

Такая возможность может быть реализована, однако лишь в определённых рамках. А именно, возможным является лишь формальное освобождение труда, но не реальное, поскольку для реального освобождения труда необходимы не только достаточные материальные предпосылки, но и переворот в способе мате-

¹⁸ Соответственно необходима и корректировка представлений об исторической миссии рабочего класса, которая и ведётся в мировой и отечественной литературе уже более полувека.

риального производства¹⁹. Что же касается России, то там степень развития индустриального капитализма была весьма низкой. По оценкам различных специалистов, численность наёмных работников в России перед революцией составляла от 10 до 14,6% от всего населения. Численность же фабрично-заводского пролетариата – 2 – 3% от численности занятых²⁰.

Можно ли было в этих условиях рассчитывать одновременно и на рост капиталистического уклада и на постепенное переход этого уклада в русло государственного капитализма, а затем и социализма?

К сожалению, для этого в России была слишком узкая социальная база, к тому же подорванная семью годами войн, приведших к массовому деклассированию пролетариата. В результате в Советской России не была решена даже самая первая задача, необходимая для движения к социализму, – так и не был полностью сформирован социалистический уклад. Концентрация «командных высот» в руках государства ещё не означала, что на основе этих высот создана целостная система социалистических производственных отношений. Да, отдельные элементы социалистических отношений возникли, но далеко не все. Возникла советская социально-экономическая модель, которая, с одной стороны, продемонстрировала впечатляющие успехи в социально-экономическом развитии, обеспеченные именно содержащимися в этой модели элементами социализма. С другой стороны, неспособность этой модели развернуться в целостную социалистическую систему обусловила её постепенную эрозию, а затем и гибель.

Современное поколение марксистов внесло свой вклад в исследование предпосылок социализма, опираясь на изучение как драматического опыта СССР, так и новейших тенденций в развитии капитализма. Эти новейшие тенденции оказались лежащими в общем в русле тех предвидений, которыми были сделаны К. Марксом полтора столетия назад, хотя он и не мог, естественно, предугадать во всей полноте всех черт современной научно-технологической революции и развития «экономики знаний».

¹⁹ Я употребляю здесь понятия «формальное и реальное освобождение труда» по аналогии с понятиями «формального и реального подчинения труда капиталу», применявшимися К. Марксом в «Капитале» для определения стадий зрелости капиталистических производственных отношений. «Формальное» и в том, и в другом случае означает основанное на изменении только социально-экономической формы производства (т. е. производственных отношений), а «реальное» – основанное ещё и на изменении материального способа производства. Например, при капитализме реальное подчинение труда капиталу развивается вместе с переходом от ручного труда к мануфактуре, а от неё к фабрике.

²⁰ См.: Воейков М.И. К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001. С. 168–169.

Создание материальных условий для развития творческих способностей человека в современных условиях «экономики знаний» подтверждает прогноз Маркса о развитии всеобщего труда²¹, основанного на универсальности (и в пространстве, и во времени) кооперации деятельности и обмена знаниями в ходе творческих процессов. Таким образом, развитие процесса обобществления производства приобретает новый облик. Оно не сводится к концентрации и специализации производства, а в огромной степени усиливает сложившуюся ещё в индустриальную эпоху тенденцию к «обобществлению человека», то есть к его универсальной социальной подвижности, способности к образованию различного рода ассоциаций и союзов, основанную теперь на всеобщем труде – всеобщей кооперации знаний и творческой деятельности. Эта сторона обобществления производства находит в современных средствах информатики и телекоммуникаций адекватную техническую основу.

Именно развитие современных наукоемких технологий, и соответствующие изменение содержания труда, возрастание роли и удельного веса его научно-творческих функций, создают основу для новых явлений и в производственных отношениях капитализма. Эти новые черты затрагивают как интеллектуальную творческую деятельность, так и производственные отношения в секторе производства и распределения материальных благ. Среди таких новых черт – производство интеллектуальных продуктов для всеобщего бесплатного пользования (открытый доступ, copyleft), формирование добровольной кооперации труда для создания таких продуктов (краудсорсинг, викиномика), отказ от приобретения полной собственности и развитие форм временного совместного пользования (коворкинг, каршеринг, таймшеринг, коливинг и т.д.).

Противоречивый характер этих форм, которые капитал старается поставить себе на службу, очевиден. Однако их появление свидетельствует о том, что монолит капиталистической системы постепенно разъедается отношениями, которые противоречат его собственной качественной определённости, но без которых он уже не может обходиться. И вместе с этим становится более ясной возможная конструкция социально-экономической системы нового общества, переходного к социализму – после того, как развитие предпосылок социализма будет освобождено от сдерживающей и ограничивающей их капиталистической оболочки.

²¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969. С. 110.

СУДЬБЫ ЛЕНИНСКОГО НАСЛЕДИЯ В ИТАЛИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ю. Коломбо
Рим

Наследие Ленина в Италии всегда было объектом пристального внимания и теоретиков, и практиков левого спектра, но я в своём докладе остановлюсь только на послевоенном периоде.

До 1960-х годов в отношении к наследию Ленина можно было выделить два основных полюса. С одной стороны, - прочтение Ленина, заимствованное из разных вариантов марксистских теорий, которые условно можно назвать «ересями». Не столько троцкистской ереси, сколько бордигистской ереси. Бордига сыграл важную роль в основании Коммунистической партии в Италии в 1921 году и продолжал оказывать влияние на крайне левых после войны. Согласно Бордиге, русская революция имела «нечистые» и «отсталые» характеристики, поскольку она была «двойной революцией», буржуазной и демократической одновременно. В этом смысле Бордига воспринимал ленинскую стратегию преимущественно как прямую атаку 1917-1920 годов на международный капитализм, а не как вариант «отступления», предложенный Коммунистическому Интернационалу в 1920-е (участие в выборах, единый фронт и т.д.).

С другой стороны, было прочтение Ленина Антонио Грамши, лидером компартии с 1924 года и прошедшего долгие годы в фашистских тюрьмах. Эти разработки стали основой «итальянского пути к социализму», принятого ИКП после Второй мировой войны. «Оригинальное» прочтение Ленина, в котором Грамши определяет русскую революцию как «революцию против «Капитала»», противоречащую традиционной западной социал-демократической интерпретации Маркса. По мнению Грамши, в России велась «маневренная война», в то время как «позиционная война» была необходима на Западе. Грамши пишет: «Мне кажется, Ленин понял: на Востоке в 1917 году удачно применённую маневренную войну необходимо преобразовать в позиционную войну, которая на Западе является единственно возможной». Далее он продолжает: «На Востоке государство было всё, гражданское общество существовало в начальной стадии и было расплывчатым; на Западе между государством, обществом были равные отношения, и когда государство поколебалось, незамедлительно выступила мощная структура гражданского общества. Государство было лишь траншеей, рвом, за которыми стояла могучая система крепостей и казематов». По Тольятти, лидеру ИКП после Второй мировой войны, Грамши создал «новую фазу ленинизма» указывающей на необходимость создания партии, которая боролась бы за мирный и постепенный переход Италии к социализму в рамках международных отношений, определенных в Ялте в 1945-м. Такая политика ограничивается борьбой за культурную гегемонию и выборами и отстаивает стратегию достижения «исторического компромис-

са» между коммунистами и католиками, что политически означало коалицию ИКП и ХДП, как залог политической стабильности.

Этот подход был поставлен под сомнение в Италии в связи с разразившейся в 1968-1969 годах бурной спонтанной борьбой рабочих и студентов, которая, с одной стороны, приближалась к маоизму и геваризму, а с другой стороны, с развитием «новых левых», пересчитывала Ленина в «подрывной» не квиетистский, то-нальности.

По мере того, как борьба выходила из-под контроля и понимания реформистского руководства ИКП и ИСП, интеллектуалы из обеих партий начали изменять своё мышление в попытках найти теоретическую основу новой автономной борьбе. Это мышление приобрело свою форму в течении, известном под именем «операизм», развивавшемся вокруг журнала «Рабочий Класс» (и потом партийных организаций, в том числе «Lotta Continua» - «Продолжительная борьба» и «Potere Operaio» - «Рабочая власть»). Основными теоретиками этого направления были Раньеро Панцери, Марио Тронти, Романо Алкуати и Антонио Негри.

Следовательно, наступление — по выражению Ленина — нужно начать «с другого конца», понимать социальные процессы с рабочей точки зрения.

Воркеристы на самом деле хотели исследовать, как Ленин может иметь дело с новой структурой и составом итальянского пролетариата. Они хотели отличаться и даже отказаться от парадигмы традиционного рабочего движения, которые рассматривали капиталистическое развитие с точки зрения капитала. Короче говоря, речь шла о прочтении развития капитализма с пролетарской точки зрения. Передовая статья первого номера журнала «Рабочий класс» была озаглавлена «Ленин в Англии подчеркнул, что «Слабое звено империалистической цепи располагается там, где рабочий класс самый сильный в своём сопротивлении» и говорила о том, что такие же противоречия, которые Ленин искал на международном уровне, надо искать в сфере производственных отношений на предприятиях и в обществе в целом.

Дистанция между «операистами» и Грамши была сразу очевидна: стратегия Ленина не только «с Капиталом», но и с «Государством и революцией», которая сконцентрирована не на непрерывности государственных структур, а на возможности их разрушения.

После 30 лет спустя Негри вернулся к этому: «Однако «по ту сторону Ленина» не означает просто признание новой реальности, а значит открытие повёрнутой по вкусу времени неотложной потребности организации: необходимо также определить пространственно и темпорально проект освобождения. Для того чтобы быть эффективным, производство субъективности требует определённых пространственно-временных ориентиров. Если взять пример России – в определённом времени и месте – эта пространственно-временная определённость есть условие *sine qua non* для Ленина: Здесь и сейчас, или никогда!»

Итак, если задача ИКП виделась в создании массовой партии, выполняющей роль коллективной левой интеллигенции, которая влияет на все общество, то «операисты» хотели использовать силу рабочих и студентов для того, чтобы развернуть систему. Обе перспективы в 70-х годах на практике закончились поражением. Однако, парадоксом является то, что с теоретической точки зрения они считаются успешными. В англоязычном академическом мире самым исследованным и известным марксистом сегодня является Грамши. И воркеризм, теперь преобразованный в «автономизм», оказался в центре внимания, особенно после выхода книг Хардта и Негри «Империя» и «Мно-

жество», переведённых на многие языки, включая русский. Это течение оказало большое влияние на движения 2000-х годов, поставив проблему повторной разработки ленинской категории империализма на новой фазе транснационального капитализма.

Библиография

Антонио Грамши. Революция против капитала.
http://libelli.ru/magazine/98_3/i.htm

Антонио Негри. Что делать сегодня со «Что делать»? <http://left.by/archives/707>

ЛЕНИН: АКТУАЛЬНОСТЬ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Тезисы

М.Б. Конашев

*Доктор философских наук, кандидат биологических наук
Институт истории естествознания и техники РАН
Санкт-Петербург*

*Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь.*

*Нам ли
 растекаться
 слёзной лужею, —*

*Ленин
 и теперь
 живее всех живых.*

*Наше знание —
 сила
 и оружие.*

*Я себя под Лениным чищу,
 чтобы плыть в революцию дальше.*

*Владимир Маяковский
Поэма «Владимир Ильич Ленин»*

Ленин актуален как никогда, особенно в России, и будет актуален пока есть капитализм, пока не завершится переход от предистории к истории человечества, пока не победит, начавшаяся в октябре 1917 г., мировая пролетарская (=коммунистическая) революция и на нашей планете не утвердится коммунизм.

У Ленина как мыслителя и деятеля мирового масштаба много граней, и все они важны для нас сегодня. Но особенно важен Ленин как революционер. Можно сказать и по-другому, возможно, точнее: Ленин как революционер имел много ипостасей, или граней, в том числе мыслителя, марксиста, гуманиста.

Что же важно, что актуально сегодня и завтра в таком Ленине, Ленине-революционере?

1. Прежде всего, или в первую очередь его призвание – одновременно подвижничество, – революция. Он посвятил, отдал свою жизнь революции, революционной деятельности, революционной борьбе, целью которой было освобождение трудящихся в России и во всём мире. Или переход в новый мир и к новому человеку.

2. Этой практической цели Ленин подчинял все, и в первую очередь теорию, которая интересовала его не сама по себе, а как инструмент правильного революционного действия, средство преобразования бесчеловечного мира в человеческий. Именно потому сделал великие теоретические открытия и практические свершения, был непревзойдённым стратегом и тактиком революционной борьбы, и, в особенности, революции, в том числе вооружённого восстания как искусства.

3. Для него не было авторитетов и он – молодой, не колеблясь, – критиковал апостолов марксизма. При этом был предельно самокритичен и признавал собственные ошибки и ошибки партии (марксистов, как и Маркс и Энгельс).

4. Сам был высочайшим авторитетом, но не был властолюбцем.

5. Всегда, постоянно слушал, понимал и чувствовал массы.

6. Беспощаден к врагам, но человечен (Горький: человечище). Цит. о попах: расстрелять 10 попов, чтобы спасти тысячи трудящихся.

7. Освоил всю мировую культуру и был воплощением этой культуры, продуктом, точнее творением всемирной истории, всей социальной эволюции человека.

Такой новый Ленин может появиться, если в нем будет, возникнет объективная историческая и субъективная человеческая потребность. Как она когда-то возникла в России. Он будет другим Лениным, т.е. другим, современным революционером (или революционерами), и, трудно сейчас предсказать где именно, в какой стране, в какой точке Земли он появится.

LENIN'S SOCIALISM – FROM THE PERSPECTIVE OF THE FUTURE

Some considerations

T. Krausz

«If we are reading Lenin from the perspective of the future, it is not the streets and squares that must be occupied, but the workplaces.»

There is a great variety of theories and discussions on the views of V. I. Lenin on socialism as well as on his revolutionary *praxis*, which often leads to chaos and intellectual-theoretical confusions. In every country of contemporary Eastern Europe, ideologists and propagandists of the power elites tremendously falsify or even criminalize the figure of Lenin, only with one goal: to block the socialist alternative and the efforts for finding one against the second issue of capitalism.

The present paper seeks to make some order in this chaos or at least clarify some contested issues.¹ As a preliminary methodological consideration, I stress that theoretical thinking and political practice follow essentially different “logics”, therefore we have to isolate the various levels during the analysis. Several authors disregard this aspect, which leads to much confusion and misinterpretation.

Lenin's theory of socialism directly derives from the views of Marx and Engels, and it is manifest in his famous work, *The State and Revolution*.² Marx and Engels' theory on socialism was so important for Lenin that he never gave it up, not even in the period of war communism, when for a short time he thought that the measures that war communism had introduced, could accelerate the transition to socialism.

It is obvious that the revolutionaries including Lenin had to change their views after the victory of the revolution when they had to face a changed and unforeseen polit-

¹I used the following works in writing this paper: T. K.: *Reconstructing Lenin*. N.Y. Monthly Review Press, 2015.; with László Tütő, “Lenin a szocializmus ba való politikai átmenet időszakáról” [Lenin on the period of transition to socialism], *Társadalmi Szemle* [Socialreview] 6–7 (1984): 108–16; *Soviet Thermidor* (In Russian/ Budapest, 1997; “A szocializmus vita jelenlegi állásáról” [On the current position of the debate on socialism], in *Államszocializmus: Értelmezések – viták – tanulságok* [Statesocialism: Interpretations—debates—lessons], ed. Tamás Krausz and Péter Szigeti (Budapest: L'Harmattan and Eszmélet Foundation, 2007), 122–44; “‘Stalin's Socialism’— Today's Debates on Socialism: Theory, History, Politics,” *Contemporary Politics* 11/4 (2005): 235–38. In this short article I can not respond to the huge and excellent literature on Lenin – only to mention some, i.e. Lars Lih, Paul LeBlanc, H. Tickin, V. Loginov, and *Alternativi*, the monthly from Moscow and several other Marxist sources from all over the world.

²See about the importance of this small book: Lenin e la rivoluzione d'Ottobre. Introduzione di Tamás Krausz. Vladimir Il'ic: *Stato e rivoluzione*. Edizione del centenario con un saggio introduttivo di Tamás Krausz su : Lenin e la rivoluzione d'Ottobre. Traduzione di Lila Grieco. Roma, Piccola Biblioteca Donzelli, 2017, 7–64.

ical situation: after a bloody civil war and Western military intervention the Soviet Union remained alone and they had to navigate under very unfavorable, “objective” circumstances.

The original problem of socialism in Soviet Russia

Lenin outlined the whole problem of socialism through the historical development of relations of property and production, according to which the new socialist ‘communal society’ appears in modern history including Russia on the semi periphery. Based on Marx' theoretical tradition, Lenin's interpretation outlined a higher form of communal ownership, direct control over workplace through the soviets of workers, the first historical ancestor of which – in the wake of Marx – was the Paris commune (1871).

When following Marx Lenin posited his own “three-step” concept in his *State and Revolution*—in which socialism, as the “lower phase” of communism, is preceded by a “transitional period”— he could not have known that the Russian Revolution would be left on its own. As a result, *theoretical socialism* as a practical issue would be put off in perpetuity and history would actuate the possibility of socialism in peculiarly *Russian form*, something he would very much have wanted to avoid.

Thus, the theoretical considerations and the practical possibilities came into an inevitable conflict already on the second day of the October revolution. After all, all great conflicts and contradictions were rooted in this fact in one way or another. Lenin was conscious of the fact that the “Russian backwardness” (the semi-peripheral development), which facilitated the cause of the revolution, was very far from supporting realization of socialism.

Most of the scholars agree that the Soviet development has different periods on economic-political criteria. The three periods following the October Revolution— the “market economy” that characterized the period until spring-summer 1918, the war communism of 1918–20, and the “state capitalism” of the New Economic Policy (NEP) from March 1921 onward — left substantive and easily outlined theoretical traces in Lenin's thought. At this point we need a short theoretical history digression.

The conceptual origins of socialism

In the height of war communism, in 1919, Lenin actually proposed the publication of the great anarchist, Piotr Kropotkin's works in four volumes. In the first half of the 1890s Lenin, contradicting Mikhailovsky in his *What the “Friends of the People” Are*, rejected all somnolent images of what the future and vision of socialism might be. He made it clear that Marx's work never painted any detailed prospects for the future as such: it confined itself to analysing the present bourgeois regime, to studying the trends of development of the capitalist social organisation, and that is all.³ Theoretical and methodological starting points

³The most important work of Marx as well known drawing the outlines of socialism is Critique on the Gotha Programme (1875)

are far more important than any concrete description of future society, since nobody can foresee subsequent developments in the field of technology and technics, let alone the internet. It is not by chance that Lenin had no debates with the anarchists concerning the „final goals”. The polemics focused on the way leading to the goals: whether there will be a transitional phase needed. If the answer is yes, hope still remains, if it is a definite no, even hope will get lost in the counterrevolutionary storm.

Vladimir Ilyich Ulyanov, a young man from Simbirsk was 23 years old when he arrived at the clear exposition-interpretation of an alternative to capitalism; and it was a realization of great importance, if we consider that until now we have no other, theoretically consequent alternative to capitalism.

Above all and very early Lenin outlined the whole problem of socialism through the historical development of ownership; in his analysis the new communal society appears in modern history after the dissolution of the ancient communities. It was a higher form of communal ownership, the manifestation of new “individual property”:

„The abolition of “individual property,” which since the sixteenth century has been effected in the way indicated above, is the first negation. It will be followed by a second, which bears the character of a negation of the negation, and hence of a restoration of “individual property,” but in a higher form, based on common ownership of land and of the instruments of labour. Herr Marx calls this new “individual property” also “social property,” and in this there appears the Hegelian higher unity, in which the contradiction is supposed to be sublated (aufgehoben—a specific Hegelian term).” There for socialism as a philosophical and historical possibility has its inception with the beginning of modern capitalist society in the primitive capital accumulation.⁴ Lenin quoted Marx at length on individual property coming into existence again, which now meant the shared ownership of the tools of production. That is, the “labour-power of all the different individuals is consciously applied as the combined labour-power of the community” on a socialist basis, as a “community of free individuals”: „Capital becomes a fetter upon the mode of production, which has sprung up and nourished along with, and under it. Concentration of the means of production and socialisation of labour at last reach a point where they become incompatible with their capitalist integument. This integument is burst asunder. The knell of capitalist private property sounds. The expropriators are expropriated.”⁵ In the first volume of *The Capital* Marx goes on like this : „The capitalist mode of appropriation, the result of the capitalist mode of production, produces capitalist private property. This is the first negation of individual private property, as founded on the labour of the proprietor. But capitalist production begets, with the inexorability of a law of Nature, its own negation. It is the negation of negation. This does not re-establish private property for the producer, but gives him individual property based on the

acquisition of the capitalist era: *i.e.*, on cooperation and the possession in common of the land and of the means of production.”

So Lenin interpreted the developments of modern capitalism on this theoretical basis. The Taylor system—without its initiators knowing or wishing it—is preparing for the time when the proletariat will take over all social production and appoint its own workers’ committees for the purpose of properly distributing and rationalizing all social labor. Large-scale production, machinery, railways, telephone—all provide thousands of opportunities to cut by three-fourths the working time of the organised workers and make them four times better off than they are today. And these workers’ committees, assisted by the workers’ unions, will be able to apply these principles of rational distribution of social labor when the latter is freed from its enslavement by capital.⁶ Based on the experiences from colonialism to the First World War, Lenin already knew in the period of the war that there is no such boundary or limit in the process of capitalist reproduction and in general, the process of the endless accumulation of capital, which could automatically lead to the collapse of capitalism. During the debates with Rosa Luxemburg on this subject, it became clear that Lenin attributed an enormous role to the destruction of the political regime of capital as a *social action*. The 1917 October revolution would have had no meaning if the workers and peasants had not seized the ownership of the workplaces and the means of production, including the land, through their Soviets.

Transitional period: from market economy to war communism

Central to Lenin’s thinking after October 1917 was how to preserve the hard-won strength: the power of the soviets. In practice this was never separate from the power of his party, which saw it as the political condition upon which continuing soviet power depended. He surveyed the practical possibility of communal-socialist proletarian ends from this point of view. The contradiction, which strained the tortuous daily battles for survival and the end objectives, increasingly set the discrete problems of the so-called transitional period in the forefront. Such was the mass of problems he confronted at the first congress following October. There, he drew attention to the particularity of the irrevolution: the situation is misrepresented to make believe that some want to “introduce” socialism in Russia by decree, without considering the existing technical level, the great number of small undertakings, or the habits and wishes of the majority of the population; and, over and above, what Lenin underlined many times, 80% of the population was illiterate.

In his pamphlet, *The Immediate Tasks of the Soviet Government*, published as a Pravda insert on 28 April 1918, Lenin once again raised these same questions, and gradually formed his own position in light of the new situation. The reason he attributed such grave importance to the difficulties caused by the “chaotic” situation was that

⁴See more detailed *LCW*, Vol. 1, 169

⁵*LCW*, Vol. 1, 169 and 171–72.

⁶*LCW*, Vol. 20, 154.

“the military party, tempted by Russia’s momentary weakness . . . may gain the upper hand at any moment”⁷ in the West. He intended to establish a concrete economic alternative to market-dominated production in an “anarchically built capitalist society” and the “spontaneously growing and expanding national and international market” system,⁸ but which had not yet overstepped the limitations of the existing “mixed market economy.” True, he had already advocated “the strictest and universal accounting and control of the production and distribution of goods.” Since he spoke about “setting up an extremely intricate and delicate system of new organisational relationships,” whose realization was not merely a technical matter, it is natural that he did not envisage a complete and immediate termination of all market relations as “time is needed” to “convince the people” and “deepen the consciousness.” Nevertheless, just such a termination would shortly be implemented under civil war conditions. As the organization of the new method of production and distribution was not proceeding at the required pace and with the expected reach, Lenin concluded that the capitalist sector would have to remain standing. He said, “If we decided to continue to expropriate capital at the same rate at which we have been doing up to now, we should certainly suffer defeat,” and elsewhere that “the expropriation of the expropriators” is easier than introducing a new system. He believed that the Red Guard attacks on capital had drawn to a close and the period of “utilising bourgeois specialists by the proletarian state power” had begun.⁹ He even strayed from every theoretical premise and declared unequivocally that these specialists must be engaged in the service of the new regime with “high remuneration.” Lenin described this “winning over the ‘stars’ of the intelligentsia” as a “step back” and a “partial retreat”¹⁰ when compared with socialist equality. In the same breath—and with great prescience—he spoke of a certain and inevitable corruption of this system, the weakening of its moral fiber as a sort of natural concomitant of “market economy.” “The corrupting influence of high salaries—both upon the Soviet authorities (especially since the revolution occurred so rapidly that it was impossible to prevent a certain number of adventurers and rogues from getting into positions of authority . . .) and upon the mass of the workers—is indisputable.” Yet he never found a convincing solution to this contradiction, always thinking in terms of “socialist” and “proletarian” consciousness and its persuasion, because they had not been able to establish “comprehensive control and accounting,” and had “fallen behind with the socialist reforms.” “We have introduced workers’ control as a law, but this law . . . is only just beginning to penetrate the minds of broad sections of the proletariat.”¹¹ Essentially,

the expansion of state regulation to capitalist production and turnover of goods (to the cooperatives as well) may become a fundamental question regarding financial and market conditions in the “transition leading to socialism”. A virtually unnoticed shift took place within this political framework toward war-communist restrictions of the market economy. Originally instrumental in defending against foreign capital and establishing independence internally, the state monopoly on grain (introduced by the Provisional Government’s law of 25 March 1917) was followed by plans for both a state monopoly on foreign trade and a property tax, as a way of “supplementing” the budget.¹² At the same time, in *The Impending Catastrophe*, he drew a clear line between state control of the bourgeoisie and the expropriation of private property that applied to the bourgeoisie, even arguing against expropriation in this specific case: „If nationalisation of the banks is so often confused with the confiscation of private property, it is the bourgeois press which has an interest in deceiving the public. . . . Whoever owned fifteen rubles on a savings account would continue to be the owner of fifteen rubles after the nationalisation of the banks; and whoever had fifteen million rubles would continue after the nationalisation of the banks to have fifteen million rubles in the form of shares, bonds, bills, commercial certificates and so on.”¹³

The purpose of nationalization was to oversee the financial and economic processes, the actual collection of personal income taxes, etc. Lenin contrasted reactionary-bourgeois regulation to revolutionary democratic regulation, with bottom-up control, with whose limitations he soon came face-to-face. He had already stipulated that the construction of the most modern heavy industry would require state-of-the-art technical-technological progress, to apply “much of what is scientific and progressive in the Taylor system; we must make wages correspond to the total amount of goods turned out, or to the amount of work done by the railways, the water transport system, etc., etc.” Lenin thought that the feasibility of socialism depended on the successes that could be achieved in the field of “combining the Soviet power and the Soviet organisation of administration with the up-to-date achievements of capitalism.”¹⁴ Apart from the cooperation and competition of economic sectors and modes of production, Lenin also spoke about the “competition of communes,” and etched out its moral driving forces more clearly than its material and economic bases. In contrast to the “allowances” made to market and financial conditions and the “bourgeois cooperatives,” the “socialist state can arise only as a network of producers’ and consumers’ communes, which conscientiously keep account of their production and consumption, economise on labour, and steadily raise the productivity of labour, thus making it possible to reduce the working day to seven, six and even fewer hours.”

Lenin had taken note of this, and by the spring of 1918, famine ravaged the cities. It had now taken six

⁷LCW, Vol. 27, 237.

⁸Ibid., 238.

⁹Ibid., 246, 248.

¹⁰Ibid., 248–50.

¹¹Ibid., 254. It is worth noting that the notion of „consciousness” does not only imply moral content but also knowledge itself, and understanding longterm interests.

¹²See:LCW, vol. 27, 583.

¹³LCW, Vol. 25, 330.

¹⁴LCW, Vol. 27, 259.

months for Lenin to pose the same questions to himself that he had earlier addressed to the Provisional Government. On his initiative, the Council of People's Commissars introduced the "dictatorship of state subsistence," the formation of the poor peasant committees that swept out the attics. Many writers tend to wax theoretical about these spontaneous measures, as if Lenin had ventured upon these in line with a concept he had invented earlier; on some theoretical basis, or even with the assumption that some sort of special socialism or theoretical model could be erected on the basis of these actions. In fact, a political turn was outlined in May 1918, leading from a state-supervised mixed market economy to a dictatorship of state subsistence that swept spontaneously toward war communism. The latter, in the beginning, was determined and validated by the internal armed counterrevolution and interventionist military attacks.

War communism

On the other hand the conditions of war communism brought the notions of "transitional period" and "socialism" too close to each other in theoretical terms. Bukharin and Preobrazhensky's *The ABC of Communism* gave a theoretical basis to the conflation of war communism (as a relatively integrated sequence of economic policy measures) and the realization of socialism as such. The work was a curious mixture of the mutually exclusive ideas of Soviet *workerself-government* and *state socialism*. These two famous Bolshevik writers attempted to "translate" the Marxist conception of socialism into the reality of war communism. It was as if the first stage of communism, the realization of socialism, was coming into a state of full development, and was able to transcend commodity and finance relations thanks to both unprecedented inflation and the forced measures of war communism. But it is perfectly plain that we cannot believe *State capitalism* to be possible unless we also believe in the possibility of the socialist organization of economic life. The only difference between the two systems lies in this, that in one case industry is organized by the bourgeois State, and that in the other case it is organized by the proletarian State,¹⁵ which has several consequences i.e. in the field of distribution.

Left unexplained was that the matter does not simply rest on state power, for in war communism the state as a military force of authority, as a "deterrent to class enemies through dictatorial" power, acted as the mainspring of the economy. This had no roots in any form of Marxist theoretical tradition from Marx's own time, and even contradicted his period's idea of socialism. Lenin was not so naive as to identify war communism with "complete socialism," for he continued to believe that "as long as workers

and peasants remain, socialism has not been achieved."¹⁶ Moreover, he never deduced the concept of equality theoretically from the reality of war communism, using it only to refer to eliminating social class in economic terms, a final and indispensable requirement of the liberation from capital and achieving freedom. Lenin's real theoretical mistake in 1919–20 was that he overestimated the possibilities of socialization, of social supervision within the framework of nationalization, and underestimated the inveteracy of the market and money in a regulating role, a fact he later recognized. The "atmosphere" of the epoch, the romantic attitude of the civil war, was also expressed in war communism's compulsory egalitarianism. The roots of this "primitive" egalitarianism ran deep in Red Army units and partisan brigades engaged in life-and-death combat with the Whites—a phenomenon picked up by innumerable literary works and films. War communism also influenced theory, which interpreted the "system" as socialism, despite that being suggestive of an anachronism—especially in light of the famous thesis of the "semi-state" in *State and Revolution* (which can be traced back to Marx). There, Lenin was already engaged in a polemical attack on what was a conceptual muddle. He used Engels' critique of the draft program of Erfurt, which he had handed over to Kautsky in 1891, who published it a decade later in the *Neue Zeit*. This is interesting because the "opportunist wing" of the social democrats had already suggested that the state, in itself, might in itself be able to consolidate socialism. This line of thought incorporated the increased role of the state in modern capitalism. Lenin mentions the concept of "state socialism," opposed to the revolution and revolutionary socialism, inasmuch as the role of socialism is defined in opposition to the state:

War communism's focus was on the consolidation of the new military-power hierarchy under civil war conditions, even though it simultaneously exacerbated the economic situation. Meanwhile, Lenin held that socialism, as a system that had reached completion, would only be composed of voluntary associations of economic-productive communities organized from below. It was still a state, though, for "there remains for a time not only bourgeois law, but even the bourgeois state, without the bourgeoisie" in order to defend the "equality of labor" and public property.¹⁷ Lenin differentiated between state and social-community property even at its inception; before the introduction of war communism, he believed that the productive classes would themselves have to create socialist conditions. War communism was, however, a consistent system of compulsory state-military measures; according to some writers it carried certain traits of the state economic policy of "German war socialism." Lenin kept the formation theory in sight even while making his most propagandistic political speeches, indicating that until his last day he continued to view the history of the revolution through the lens of Marxist theory (as reconstructed by

¹⁵Nikolai Bukharin and Evgeniy Preobrazhensky, *The ABC of Communism*, translated from the Russian by Eden and Cedar Paul (Harmondsworth, Middlesex: Penguin-Books, 1969), 209; in Russian, Nikolai Bukharin and Yevgeni Preobrazhenskiy, *Azбука kommunizma* (St. Petersburg: Gosizdat Peterburg, 1920), 123–25.

¹⁶LCW, Vol. 30, 506.

¹⁷LCW, Vol. 25, 471.

him).¹⁸ Until March 1919, Lenin did not even use the term war communism, and did so afterward mostly in quotation marks. This means that, not just had Lenin not planned “war communism” in either theory or practical political terms, but also that the war communist measures only “coalesced” into a system much later, by the summer of 1919. The “naturalization” of production and distribution, along with the introduction of the ration system and the persecution of private trade, were not a priori economic measures, but sprang from immediate political and social needs.

Nep vs. war communism — state socialism vs. state capitalism

Just as war communism was not the application of a theory, neither was the NEP the experiment or exercise of one. The Soviet government implemented both war communism and the NEP under the pressure of concrete circumstances, requirements, and needs—without foreseeing its internal or international effects. In both cases their ideologies—the theoretical justification of the “systems”—were developed either parallel to their introduction, or as a follow-up (though war communism incorporated a number of elements from German war economic policy, and the NEP included elements from the “market economy” of the winter and spring of 1918). The NEP meant substituting militarized production—including the ration system, strict state distribution, and the compulsory appropriation of grain—with money and market conditions, reinstating free trade and introducing taxes in kind. Often forgotten is that, at the same time, the partial reinstatement of capitalist conditions entailed a general social transformation, a restructuring of social classes and groups, and a change in their relationships.

The introduction of a market economy and direct democracy—broadening “workers’ democracy”—also proved to be a contradiction that could not be bridged. Significant segments of the laboring masses became tired of the sacrifices they were called upon to make and were demanding a “loosening of the bolts,” but very few were in possession of the skills required for direct democracy. Lenin later expressed the necessity of the NEP, neatly and self-critically summarizing it at the 11th Party Congress in the spring of 1922: “We must organise things in such a way as to make possible the customary operation of capitalist economy and capitalist exchange, because this is essential for the people.”¹⁹

With the ascent of the NEP, the question of socialism in Lenin’s thinking was broadened by new elements

and hypotheses. He made it clear that he was unwilling to become subject to his own party’s propaganda, and he differentiated conceptually between the NEP period and socialism. The NEP came to be defined as an unpremeditated “transitional phase” within the transitional period. Lenin consciously took precautions not to make the same mistake, made during war communism, of attempting to give the conditions of the “war economy” legitimacy in socialist theory. A sort of “restoration” in terms of theoretical and ideological thought took place after the introduction of the NEP, and the concept of the *transitional period* once again gained status, replacing socialism. In theoretical terms, NEP was retreat from the theoretical socialism. *The Economy of the Transitional Period* of Bukharin sought to lay the foundations of the new period’s ideology, that of transition. Yet he brought the two periods, the two stages, far too close together. Bukharin practically identified socialism with “organized society”—which theoretically belonged to the “period of transition” and took the place of the capitalist society of commodity production—qualifying political economy’s categories as “invalid” for the NEP. He did not comprehend that the transitional period was still a commodity producing, market-oriented society.²⁰ This “misunderstanding” was not the only reason Lenin disliked the book, although Bukharin had made an earnest effort to take the “teacher’s” viewpoint into account: for example, he used Lenin’s basic concept with respect to the transitional period, “state capitalism.” But Bukharin constructed a purely political terminology that underscored the difference between the concepts of capitalism and socialism. Lenin had indeed made *state capitalism* central as part of the transition after the spring of 1918, but in a structured manner. The concept had an immediate political meaning. The Soviet state gave preferential treatment to organized large-scale capital and market-oriented state property rather than anarchic private property, the uncontrollably chaotic economy of the petit bourgeois (25 million small estates in the place of a single large one!). The grounds for this were that “a capitalism overseen by the state” was the only solution for an “ordered retreat,” and only state capitalism could replace bureaucratic war-communist centralism, which had also begot chaos. Of course Lenin called this a “retreat” compared with theoretical socialism; in concrete terms, he spoke about a step forward from the practice of economic policy under war communism. Just as he had described the transitional period’s state as a “bourgeois state” without a bourgeoisie, he spoke about a state capitalism without a bourgeoisie coming into being as a consequence of the NEP, as long as (and along with other developments) “the state enterprises will to a large extent be put on a commercial, capitalist ba-

¹⁸Lenin could not have known that under the decades of “state socialist” or “existing socialist” rule hordes of writers who considered themselves Marxists would mix-and-match state and social property together—arm in arm with the (neo)liberals and neoconservatives. Not to mention the false explanations that have come to the fore since the collapse of state socialism, the most typical and common of which is state socialism being called “communism.”

¹⁹See Lenin’s speech at the 11th Congress in March 1922. *LCW*, Vol. 33, 279.

²⁰Nikolai Bukharin, *Ekonomika perehodnogo perioda* (Moscow: Gosizdat, 1920); in English, “The Economics of the Transition Period” in *The Politics and Economics of the Transition Period*, ed. and with an introduction by Kenneth J. Tarbuck, trans. Oliver Field (London and Boston: Routledge&Kegan Paul, 1979), 59–250.

sis.”²¹It is not accidental that the economist theoretician, Yevgeniy Preobrazhensky wildly opposed Lenin's terminology of state capitalism at the XI. Congress of the Party at the end of March 1922, because he thought that this terminology was valid to another social formation, and thus, it spoils the theoretical perspective. ²²Preobrazhenky also did not understand the rich meaning of the notion.

For Lenin Kronstadt and the peasant revolts (notably, the antonovshchina) showed, that the war communism is dead. This was how the “pure form of state capitalism,” which the Soviet government needed to function, came to be considered the opposite of war communism. Lenin marked out the purpose of the NEP in one of his last writings: “to lease out concessions. In the prevailing circumstances, concessions in our country would unquestionably have been a pure type of state capitalism.”²³ For Lenin, as he himself stressed, “the practical objectives were always of primary importance,” and so he could only experiment with a theory that also reinforced the practical objective. Now what was essential to him was precisely that a special type of capitalism had come in to being in Russia, one previously un known to history: „It was important for me to show the continuity between ordinary state capitalism and the unusual, even very unusual, state capitalism to which I referred in introducing the reader to the New Economic Policy.”

The concept of state capitalism is used in two senses here: on the one hand as a sector of a mixed market economy. On the other it is a term from formation theory denoting the economic method and arrangement for the transitional period and seen as a phase of it. It is a type of “state capitalism,” in quotes, that cannot be found in “any textbooks,” “nor in the writings of Marx and Engels”:

„On the question of state capitalism . . . our press and our Party make the mistake of dropping into intellectualism, into liberalism; we philosophise about how state capitalism is to be interpreted, and look into old books. But . . . not a single book has been written about state capitalism under communism.”²⁴

As early as 1918 Lenin suggested that when he used the term “state capitalism” for the relations of *transitional period*.

„State capitalism would be for us, and for Russia, a more favourable form than the existing one. . . . We did not overrate either the rudiments or the principles of socialist economy, although we had already accomplished the social revolution. On the contrary, at that time in 1918 we already realised to a certain extent that it would be better if we first arrived at state capitalism and only after that at socialism.”²⁵ **It is not accidental that it caused a great upheaval amongst the Marxists, when - following Tony**

Cliff -- the term of state capitalism was transferred to the conditions of state socialism, which was established after the Stalinist turn. ²⁶

The theory of socialism and its practical possibilities

Lenin's speech at the 11th Party Congress stressed in particular that during the NEP period Russia would develop in the framework of a multi sectoral mixed economy, in which the various forms of economy compete, and mobilize different social forces: “When I spoke about communist competition, what I had in mind were not communist sympathies but the development of economic forms and social systems.”²⁷ These various forms—small proprietors, the state capitalist, state socialist, and self-governing cooperative sectors—brought about a system of market economy, which meant that the direct realization of socialism as a system was taken off the practical-political agenda. In other words, everything stood to help socialism survive as a sector. Lenin's theory of socialism fit this coherent structure, in which each social-economic sector was composed of further subsectors and organizational forms of production and consumption. This multi sectoral system came to a halt with the Stalin ruled turn sweeping away the sectors of both market-capitalist and direct communal production. In state socialism it came to being in 1929-33 as a system in consequence of the well-known historical circumstances. Then people started to call it socialism as the 1936 Constitution declared it.

During the 1920s the special characteristic of direct communal ownership and production was realized either in the form of voluntary associations or by way of state mediation, though only in a small fraction of agricultural and industrial units or fields.²⁸ Lenin focused much of his attention at the end of his life on “self-governing” and “cooperative socialism”—the historical possibilities of an economic system built on direct democracy—which he called “islands of socialism.” The significance of the experiments with cooperatives was of immense importance to Lenin, because “this political power owns all the means of production, the only task, indeed, that remains for us is to organize the population in cooperative societies. . . . Socialism . . . will achieve its aim automatically.”²⁹ Though the NEP had been “made to last,” theoretical socialism was never struck off Lenin's agenda, even under the everyday circumstances of market restoration. As he explained it: “Formerly the stumbling block for very many socialists”

²⁶ Az állam kapitalizmus-elméletnek már régebb óta Magyarországon is van végiggondolt bírálata: Államszocializmus. (Edit: Krausz T.-Szigeti P. 2004. . .

²⁷LCW, Vol. 33, 287.

²⁸Tamás Krausz, “A ‘sztálini szocializmus,’” in Lenintől Putyinig, 87–106. A rich store of historical material has piled up detailing the coexistence of the community sectors, with research ongoing since. 1970s. See I. Ye. Zelenin, *Sovkhozi v pervoye desyatiletie sovyetskoy vlaszti 1917–1927* [The Sovkhovs in the first decade of Sovietrule] (Moscow: Nauka, 1972).

²⁹On Cooperation, LCW, Vol. 33, 467–75. 467.

²¹LCW, Vol. 42, 376.

²²See: *XI s'ezd RKP(b). Protokoli*. Moskva, 1961. 82-83.

²³Lenin, On Cooperation. LCW, Vol. 33, 472.

²⁴Speech at the Eleventh Congress of the R.C.P.(B.), LCW, Vol. 33, 277–78. For greater detail, see Tamás Krausz, *Szovjet Thermidor*, 123–24.

²⁵LCW, Vol. 33, 420.

was how to first subordinate the “concession to the peasant as a trader, or to the principle of private trade,” “for the sake of common interests” only to come around once again in the process to the cooperative as a solution. Though he knew that thinkers and politicians who had been nursed by the market and state looked down upon cooperatives, even “from the standpoint of transition to the new system by means that are the simplest, easiest and most acceptable to the peasant.” He knew that incorporating the whole population in voluntary cooperatives of production and consumption would take an epoch to realize—precisely on account of the absence of the cultural-civilizational preconditions—and yet he insisted on posing this problem.³⁰ The precise relationship between cooperatives and socialism that Lenin had in mind becomes clear in the light of his whole approach, the complete coherency of his thoughts. The cooperatives, as he wrote, are the products of capitalism; they are “collective capitalist institutions” in which the future of socialism can be glimpsed. Producers have the opportunity to shape the cooperatives in their own image in the course of a revolutionary reform of state power, similarly to how in the NEP, “when we combine private capitalist enterprises . . . with enterprises of the consistently socialist type . . . the question arises about a third type of enterprise, the cooperatives, which were not formally regarded as an independent type differing fundamentally from the others.” He spoke about the possibility of coexisting state socialist and cooperative socialist enterprises, though a differentiation between the two forms of cooperative, state and self-governed, would come due.³¹ By the mid-1920s, nearly 10 million people had been pooled into state-organized and state-subsidized consumer cooperatives. Lenin marked out explicitly that a shift must be made from the interpretation of socialism previously reached (war communist, state powered, and politicized) to the position of “cooperative socialism”:

„Now we are entitled to say that for us the mere growth of cooperation . . . is identical with the growth of socialism, and at the same time we have to admit that there has been a radical modification in our whole outlook on socialism. The radical modification is this; formerly we placed, and had to place, the main emphasis on the political struggle, on revolution, on winning political power, etc. Now the emphasis is changing and shifting to peaceful, organizational, “cultural” work. I should say that emphasis is shifting to educational work, were it not for our international relations, were it not for the fact that we have to fight for our position on a world scale.³²

Of course he treated the outlook for real socialism very cautiously on account of the “ridiculously inadequate

³⁰“The cooperatives must be granted state loans that are greater, if only by a little, than the loans we grant to private enterprises.” (The cooperative order as socialism.) “But it will take a whole historical epoch to get the entire population into the work of the cooperatives through NEP.” *Ibid.*, 469–70.

³¹*Ibid.*, 472–73.

³²*Ibid.*, 474.

elements of knowledge, education and training.” It is interesting that Trotsky came to a very similar theoretical conclusion, rejecting a purely economic critique of war communism, and thus differentiating between the political and economic definition of socialism: “The economic imperative does not always coincide with the political imperative.”³³

A direct replenishment of needs had the advantage of presenting internal needs and “potential output” that could be calculated in advance, without employing an office to do such work. The most comprehensive modern theory of socialism has been published by István Mészáros (*Beyond capital*), who ties his work on capital to the theoretical fundamentals of Marx and Lenin, and links his concept of socialism, not to the concepts of market production, but both looks for and defines these concepts beyond the market and the state—“beyond capital,” in short.. Contrary to Lenin, Bukharin often defined this “state economy” as socialism, in both *The ABC of communism* he wrote with Preobrazhensky, and in his *Transitional Economy*. This definition of socialism as state socialism transitioned directly—leaving Lenin out—to the ideological medium of the Stalinist period, and after. After Stalin’s death “dogmatics” and “revisionists” in each communist party made a compromise in order to retain power. Later, at the time of the change of regime the former “revisionists,” now as liberals, represented and formed the ideological mainstream of the market-capitalist restoration.³⁴

Lenin’s theory of socialism and the main direction of his political activity was targeted at the gradual delinking from the „capital system” (Istvan Meszaros). Instead of the renaissance of self-governing, cooperative socialism it was the power of capital that came back with its semi-peripheral characteristics. Lenin’s life work as a specific historical experience remains actual until the realization of socialism, since there has been no other relevant alternative to capitalism during the last centuries. There “only” that question remains: what kind of socialism and how? Whether to have the second edition of state socialism or to take the direction of self-governing? I think that Lenin would stick to the latter.

³³Trotsky, *Sochineniya*, Vol. 12, 327. Trotsky at the same time argued against the validity of using the concept of state capitalism, for which he would soon put blame on Zinoviev (with Zinoviev being most likely in the right, on this occasion). See G. Zinoviev, *Leninizm: Vvedeniye v izucsenyie leninizma* (Leningrad: Gosz. Izdat., 1925), 254–58. (In December 1924, when Stalin declared his thesis of “socialism in one country,” both considered it a theoretical impossibility.)

³⁴ See on this my critic on János Kornai: An ahistorical Political Economics. *Social Scientist*, Vol. 24, No. 1/3 (Jan. - Mar., 1996), pp. 111-127

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ В.И. ЛЕНИНА: АКТУАЛЬНА ЛИ ОНА СЕГОДНЯ?

Д. Лейн

Аннотация

Мировоззрение Ленина включает в себя всестороннее понимание развития капитализма XIX века. Его подход к революции привёл к успеху во многих странах. Но она потерпела неудачу в основных капиталистических государствах, и ленинский порядок в Советском Союзе распался. Его политический подход требует переосмысления противостоящих сил и классовых союзов в развитых капиталистических государствах. "Возвращение к Ленину" - это не принятие его политики, а пересмотр критериев перехода к социализму. К ним относятся характер классовой идентификации, формы массовой коммуникации, глобализация, а также политические и экономические механизмы преобразований. Видение Лениным социализма, исходящего из ожиданий Просвещения, и марксовского анализа капитализма нуждается в обновлении.

Ключевые слова: Ленин, авангардная партия, рабочий класс, социалистическая демократия, диктатура пролетариата, социальный класс.

В «Революции у ворот» Славой Жижек утверждает, что «время Ленина пришло снова» и призывает «изобретать» призыв Ленина к революции (Zizek, Z. 2002). Как именно и почему Ленин актуален сегодня? Ленин разработал марксистский праксис революции, который определил предпосылки революции, стратегию и процесс достижения революции, и сформулировал видение нового послереволюционного общества.

Ленин совершил решительный поворот в марксистском анализе. Новое социальное образование не будет спонтанно расти из капитализма. Для перехода общества от капитализма к социализму была необходима деятельность человека, организованная через политические партии. Более того, Ленин встроил свои волонтаристские цели в социологический анализ России и мировой политики. Его мировоззрение включает в себя всеобъемлющее понимание развития капитализма 19-го века и альтернативность.

Какие особенности отличают его метод, рассуждения и социальный анализ?

1. Определение человеческих ценностей и целей, методология, вытекающая из исторического материализма: праксис человеческого действия для осуществления перехода от капитализма к социализму; видение бесклассового общества;

2. Анализ меняющейся структуры капитализма: его классовой структуры, форм собственности, роли государства; его территориальные подразделения;

3. Политическое сознание и союз сил политического класса: как социальное/классовое расслоение способствует политическим союзам (рабочие плюс бедные крестьяне);

4. Политическое агентство: форма, которую может принять социалистический вызов; переходный

процесс: революционная партия и диктатура пролетариата;

5. Геополитические структуры власти (империалистическая стадия капитализма): группировки государств, международных организаций; глобального бизнеса и глобализованных государств (империализм высший этап капитализма). Ищите самое слабое звено в империалистической цепи.

В то время как социал-демократические партии в Западной Европе выступали за революционную политику в рамках капитализма, Ленин создал партию, которая должна была привести к социалистической революции. Ее задача состояла в том, чтобы вести рабочий класс, чтобы смести самодержавие, а затем выступить в качестве "диктатуры пролетариата" в период перехода к коммунизму. Эта аргументация как на теоретическом уровне, так и на уровне политической деятельности представляет собой серьезные разногласия между сторонниками и критиками Ленина. Успех Октябрьской революции в России в 1917 году изменил направленность перехода к социализму, центром стали не развитые западные страны, а зависимые страны Востока.

Что сделал Ленин правильно, и в каком смысле история показала, что его мышление было неправильным или неполным? Необходимо учитывать то, что было уместно для России в Октябре 1917 года, необязательно является верным в 2020 году.

Анализ Лениным социальной структуры развития России как примера развивающихся колониальных стран был правильным. Он правильно указал на слабость отечественной буржуазии как революционной силы. Он правильно расширил определение рабочего класса от пролетариата, чтобы включить в демократическую революцию все работающее население – трудящихся. В то время как он считал богатое и среднее крестьянство классовой группой, которая поддержала бы свержение самодержавия и института собственности владеющей буржуазии, он недооценил неблагоприятное отношение средних крестьян к коллективистской экономической структуре. Октябрьская революция привела не только к консолидации крестьянских земель, но и к значительному росту числа средних и бедных крестьян. Их привязанность к землевладению была намного выше, чем их поддержка любой формы коллективной собственности. Следовательно, большевики, когда были у власти, столкнулись с противодействием со стороны сел, что привело к насилию между крестьянством и Советским руководством.

Анализ Лениным необходимости политической организации, необходимой для защиты интересов оппозиции царскому самодержавию, был правильным. В условиях полицейского надзора «партия нового типа» с демократической формой формирования политики и централизованной организации и контроля была практической необходимостью в царской России. Необходимой и эффективной была также роль средств массовой информации в виде Всероссийской газеты как воспитательного и координирующего инструмента.

Ленин был неполным в том, что он не в полной мере понимал дисфункциональные последствия бюрократического контроля, которые стали очевидными в период после захвата власти в России. В то время как

организационные формы, подобные демократическому централизму, были также приняты другими социал-демократическими партиями (такими как СДП в Германии), после 1917 года в России он стал процессом централизованного экономического развития и модернизации. Политические формы царской России были воссозданы в виде социалистической политической бюрократии. Применение демократического централизма как формы организации для всех ассоциаций общества под гегемонией партии было (и остаётся) ошибкой.

Геополитический анализ капитализма как имперского монопольного капитализма правильно обратил внимание на врождённый конфликт между гегемонистским капиталистическим и зависимыми государствами. Он видит противоречия между позитивными последствиями экономического развития одновременно с экономической эксплуатацией зависимых стран. Политическая направленность Ленина, на «слабые звенья» капитализма и успешный захват власти в 1917 году сместили национальные и социалистические революции в колониальный мир. Однако Ленин недооценил национальные политические и социальные отношения между классами в развитых капиталистических государствах. Его вера в октябре 1920 года в то, что Октябрьская революция создала «новую зону пролетарской революции» в Германии и Англии, была крайне неверна (Pipes 1996:104). Ленин недооценил готовность лидеров западных социал-демократических партий к участию в войне и переоценил вероятность мобилизации рабочего класса против войны (и собственных правительств).

Ленин отметил дислокационные последствия Первой мировой войны, которая была следствием капиталистической конкуренции между доминирующими государствами. Это стало решающим фактором в подрыве российской экономики и общества и создало широкий спектр политических слоёв, предрасположенных к революции. Ленин проявил огромное мужество и политическое лидерство в проведении успешной национальной революции. В «Апрельских тезисах» он определил шаги, необходимые для проведения социалистической революции, а в «Государстве и революции» определил альтернативные правила для социалистического движения (CW 25).

Но он ошибся, поверив, что это разрушит мировой капитализм. Имперский капитализм можно сравнить не с непрерывной цепью со слабыми и крепкими звеньями, а с большим деревом: отрезание новых тонких и старых гнилых ветвей не убивает его, а даёт дальнейший рост. Капитализм переживал кризисы; он не рухнул, он продолжал расширяться и расти. В результате, в конце XX века он одолел Советский Союз, а также восточноевропейские социалистические государства.

Ленин допустил ошибку в понимании рабочего класса в передовых капиталистических государствах. Несмотря на системные экономические кризисы, капиталистические общества сохранили высокий уровень социальной и политической интеграции. Даже в начале XX века западные рабочие классы оставались интегрированными в капиталистическое общество, и эта привязанность не была нарушена ни страданиями, пережитыми во время Первой мировой войны, ни побе-

дой большевиков в России. Как утверждал Ленин, их стихийная предрасположенность была к улучшению условий; кризисы войны, экономическая депрессия и большевистский захват власти не создали социалистического сознания.

Монополия политической власти, утверждённая после революции 1917 года, была политически необходима для того, чтобы удержать большевиков у власти. Однако «диктатура пролетариата» отличалась от ожиданий Маркса и Энгельса. «Диктатура пролетариата и крестьянства» была сильнее и длилась дольше, чем можно было ожидать от переходной формы власти. Она стала, как выразился Майкл Бри, «примером, отделённым от воли членов пролетариата и их действий» (Brie, 2019: 123). Это привело к чрезмерным репрессиям из-за количественной и качественной слабости российского рабочего класса, который не был универсальным классом.

Ленин творчески соединил экономический анализ капитализма Маркса с социологией России, с геоэкономикой капитализма, с политикой лидерства и действий. После революции он оценил Октябрьскую революцию в России как успех социалистического дела. Однако его подход был неполным, и он предоставил ошибочный чрезмерно оптимистичный анализ распада имперского капитализма. Социальная и политическая интеграция оставалась намного выше, чем он ожидал. Эта аргументация как на теоретическом уровне, так и на уровне политической деятельности представляет собой серьёзные разногласия между сторонниками и критиками Ленина.

Как же тогда оценивать политику Ленина? Его прогноз далёк от условий мировой политики двадцать первого века, чтобы оправдать любое "повторение". Чтобы "изобретать" свою политику, нам не следует изобретать велосипед в условиях, когда технологии уже внедряют реактивные двигатели (Жижек 2017:11).

Вопрос, на который нужно ответить, заключается в том, есть ли в теоретическом и практическом подходе Ленина что-то, что можно восстановить, что может расширить наше понимание или внести свой вклад в политическую стратегию и политику. Более того, мы должны рассмотреть то, что должно быть изменено, и даже отвергнуто, в методах Ленина. Собственное мнение Ленина было таково, что «новые взгляды» должны заменить старые, когда последние уже неверны («Что делать?» Selected Works vol. 1 (далее SW): 97). Ленин тоже оказывается превзойденным историей.

Ленин обращался к историческому материализму, чтобы обеспечить цели и средства действий. Исторический материализм основан на понимании обществ в движении, он телеологический в том смысле, что политический праксис необходим для создания социалистического общества. Он соединяет политические действия с силами социального класса, с тем чтобы добиться социальных перемен. Он определяет альтернативный тип социалистического общества, способ производства. В «Государстве и революции» он предусматривал бесклассовое общество, которое вышло бы за рамки демократических форм капиталистического общества (SW2: 238-327).

Ленин был прав, предвидя, что социализм может начаться в одной стране, и он возглавил успешное восстание в России. После Октября была создана советская модель модернизации переходной социальной формации. Несмотря на свои недостатки, несовершенства и репрессии, советская власть создала рабочее государство (WORKERS' STATE), которое действовало без частной собственности и рыночных отношений. Планированное общество и государство всеобщего благосостояния качественно отличаются от капитализма и являются его альтернативой. Это была успешная промышленная цивилизация, маяк для восходящих государств.

Это были достижения ленинизма. Советская власть, однако, не победила капитализм как мировую систему. Стратегия Ленина заключается в захвате государственной власти путём восстания, которое возможно только в исключительных обстоятельствах. В октябре 1917 года Россия пережила конъюнктуру кризиса мировой войны, внутренний политический и экономический коллапс, геополитический вакуум. Успех социалистической революции зависел от революции в Европе, от поддержки европейского рабочего класса. Октябрь 1917 года был преждевременным, если говорить о социалистическом характере революции. Понимание Лениным западного рабочего класса было неполным, и он значительно недооценил условия для социалистической революции в европейском масштабе. Сегодня мы должны уделять больше внимания органическим метаморфозам капитализма, которые приближает его к социализму: противоречиям, созданным постиндустриальным разделением труда, подъёму новых форм рабочего класса, особенно подъёму креатариата (Бузгалин и Колганов, 2015).

Сегодня интеллектуальные, политические, экономические и социальные структуры мирового капитализма далеки от преимущественно аграрных развивающихся стран Восточной Европы и Азии, в которых к власти пришли коммунистические партии. Ещё более актуальным в XXI веке стало отстранение от власти правящих коммунистических партий, демонтаж плановой экономики европейских государств и переход к рынку и частной собственности во всех из них, с добавлением Китая. Институтов, формирующих основу достижений СССР, больше не существует.

Политические прогнозы Ленина стремились разорвать самые слабые звенья в капиталистической цепи. Любая ревизия Ленина должна решать то, что держит цепь вместе. Разбитые звенья, которые впоследствии сформировали Советский Союз, были перекованы; Россия снова в капиталистической петле. Сегодня встаёт вопрос: как Ленин рассматривал бы разрыв самых сильных; т.е. где капитализм наиболее развит?

Необходимо рассмотреть вопрос о том, каким образом капитализм может трансформироваться по своей сути, на самом продвинутом уровне. Последние 50 лет мы стали свидетелями движения от «классового перемирия» к классовому миру. Причины этого не могут быть подробно рассмотрены в этой статье: они включают прямое и косвенное подавление критических политических сил через закон и средства массовой информации ("третье лицо" власти); значительные

изменения в экономическом развитии и их географическом положении; недостатки в руководстве встречных противостоящих сторон; и значительное улучшение материального и культурного уровня жизни.

В XXI веке транснациональный характер экономических, коммерческих и медийных корпораций и политических/военных организаций серьёзно ограничивает суверенитет государств. Кроме того, необходимо организовать социалистическую альтернативу, которая была бы эффективной в многонациональном масштабе. Предложение Ленина о создании Партии «нового типа», которая спровоцирует революцию, а затем будет править как «диктатура», было возможно в царской России, но оно применимо не в условиях глобализованного капитализма.

Осмысление этого предложил Карл Каутский сразу после русской революции. Он согласен с Лениным в том, что социализм не возможен ни в одной капиталистической демократии (Каутский, 1918). Но диктатура пролетариата, по его мнению, не только полностью ложна, но и в высшей степени разрушительна. «Если это вообще будет принято, это максимально парализует пропагандистскую силу нашей партии, потому что... весь немецкий, как и весь мировой пролетариат, привязан к принципу общей демократии. Пролетариат гневно отвергал бы каждую мысль о начале своего правления с новым привилегированным классом и новым бесправным классом» (Каутский 1918:112). Какими бы ни были многочисленные недостатки демократии, призыв к «диктатуре рабочего класса» вместо неё в настоящее время не имеет общественного интереса, и это было бы мощным инструментом пропаганды для доминирующих средств массовой информации. Можно иметь формы демократии без социализма (досоциалистические аграрные общины), но без демократии не может быть социализма. Каким-то образом необходимо найти переход к социализму путём продвижения демократии. Китайцы приняли более заслуживающий доверия подход, когда 29 сентября 1949 года было объявлено, что "Китайская Народная Республика является новым демократическим или народно-демократическим государством" (общая программа Китайской политической консультативной конференции). Инструмент преобразования Ленина, авангардная партия и диктатура пролетариата должны быть заменены.

Парламент представляет собой основную политическую форму политической легитимности в современных государствах. Существуют различные формы, которые может принять демократическое правительство, и существуют различные уровни демократической эффективности. Сбивает с толку называть демократические парламенты «диктатурами», даже если условия парламентской системы способствуют капитализму. Некоторые западные парламенты были (и остаются) буржуазными демократиями, хотя другие были (и являются) автократическими диктатурами. Они могут быть неадекватными, но, как Ленин во многих работах указывает, они имеют положительные последствия и призывают к участию. В своих трудах после 1917 года Ленин стал гораздо более реформистским по своему характеру, признавая трудности, с ко-

торами сталкивается переход к социализму. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме», Ленин сообщил, что "...британские коммунисты должны участвовать в парламентской акции... Действовать иначе означало бы препятствовать делу революции, поскольку революция невозможна без изменения взглядов большинства рабочего класса, изменений, вызванных политическим опытом масс, а не только пропагандой». (CW 31: 17-118).

Ленин в «Демократии» и диктатуре» предусматривал «гигантское, всемирное историческое расширение демократии» при социализме («Демократия» и диктатура», 3 января 1919 г., CW28: 368-9). Политическая проблема социалистов заключается в том, не ставит ли участие в парламентах участников в рамки ограниченного «парламентского социализма» и компрометирует социалистические цели. Задача социалистов – победить в борьбе за демократию и распространить демократический контроль над экономическими и транснациональными корпорациями и организациями.

Нынешние вызовы - повышение уровня экономической демократии путём участия работников, расширение государственной собственности, государственный контроль за движением капитала, и проекты по преобразованию сектора финансовых услуг в коммунальное хозяйство. В политическом отношении представительная демократия может быть укреплена путём проведения референдумов и деселекции выборных представителей. Во внешней политике курс, направленный на содействие миру, ядерному разоружению и развитию, мог бы основываться на эффективности Организации Объединённых Наций. (См. обсуждение политики Берни Сандерса и Британской лейбористской партии, обобщённое и подвергаемое критике в Лео Паниче и Грегге Альбо (редакторы) 2019: см. главу 1). Такие события вызовут противодействия. Вновь созданные социалистические режимы должны использовать силу, подкреплённую законами. Предотвращение подрывной деятельности для предотвращения свержения демократически избранных социалистических правительств – это не то же самое, что установление «диктатуры» пролетариата. Законы могут определять ценности демократии и подавлять вполне законно контрреволюционные силы. «Диктатура пролетариата» относится к более ранней политической эпохе и не должна повторяться в XXI веке, когда политическое продвижение может быть достигнуто только демократическими средствами, которые включают дополнительные парламентские формы демократии.

В геополитическом контексте Ленин правильно предсказал, что капитализм не будет копать себе могилу: правящие классы смогли справиться с негативными последствиями конкурентного капитализма. Какой была бы стратегия Ленина сегодня?

Ленин делает достоверный социологический анализ при обсуждении Великобритании в 1920 году: «Фундаментальный закон революции, подтверждённый всеми революциями и особенно всеми тремя русскими революциями в XX веке, заключается в следующем: «Только тогда, когда «нижние классы» не хотят жить по-старому, а «высшие классы» не могут продолжать по-старому, революция может восторжество-

вать» (CW 31: Глава «Левый» коммунизм в Великобритании).

Ни один из этих критериев, как оказывается, не является вероятным в обозримом будущем. Социальная революция в одной стране выглядит крайне маловероятной. В XXI веке транснациональный характер экономических, коммерческих и медийных корпораций и политических/военных организаций серьёзно ограничивает суверенитет государств. Кроме того, необходимо организовать социалистическую альтернативу, которая была бы эффективной в многонациональном масштабе. Предложение Ленина о создании Партии «нового типа», которая спровоцирует революцию, а затем будет править как «диктатура», было возможно в царской России, но оно неприменимо не в условиях глобализованного капитализма.

Капитализму на Западе угрожала Октябрьская революция, но он не был побеждён. Обращение Славоя Жижека «изобрести заново» призыв Ленина к революции «в условиях империализма и колониализма» сейчас остаётся ещё более сложным, чем в октябре 1917 года. С начала XX века капитализм пережил регулярные экономические кризисы, но правящие классы не сдались; гегемонистская мощь Запада, сформулированная США, созрела; постсоциалистические общества Восточной Европы и СССР вновь присоединились к капиталистическому миру. Даже Коммунистическая партия Китая перешла к рынку и принятию корпоративной собственности. Европейские социал-демократические партии находятся в значительном упадке. «Нижние классы» не отвергают капитализм, но стремятся пользоваться благами общества потребления.

Культурная политика и политика идентификации заменили исторический материализм. Конкурирующие элиты заменили антагонистические классы. Есть требования справедливости и равенства, но нет альтернативного видения жизни на новом посткапиталистическом пути. Современные движения, такие как «Белое превосходство», «Чёрные жизни имеют значение» [Black Lives Matter], «Восстание против вымирания» [Extinction Rebellion], не имеют последовательной альтернативной идеологии. Ленин признал эмансипацию зависимых и субальтернативных наций и групп внутри государств, таких как Ирландия (до раздела) и бывшего рабского населения в Соединённых Штатах Америки; он видел в них часть буржуазного демократического освободительного движения. (См. проект тезисов по национальным и колониальным вопросам, CW31: 144 - 151). Призыв современных общественных движений к гражданским правам и справедливости является не призывом к установке социализма, а более приемлемой, простой, либерально-демократической версией капитализма: не социалистической, а «левой» критикой

Если мы «вернёмся» к Ленину, то нынешние предпосылки приведут нас к революционным реформам, а не к социальной революции; к размышлениям о том, могут ли кумулятивные реформы привести к революционным переменам. Ленина нужно обновлять. Мы требуем анализа противоречий все более экономически скоординированного глобального капитализма с сильно интегрированной экономической, медийной, идеологической и политической элитами. С одной

стороны, транснациональная координация капитализма – корпорациями, международными институтами и доминирующим транснациональным капиталистическим классом, – вытесняет империалистическую национальную форму монопольного капитализма. С другой стороны, территориальное перераспределение и большая дифференциация рабочего класса серьёзно ослабляют любое спонтанное развитие классового сознания. На таком этапе любой переход к социализму будет происходить в совершенно иных и более сложных условиях, чем те, которые были известны Ленину. «Что же делать?» – теперь требует пересмотра, сосредоточенного на социологии глобального капитализма и геополитике международных отношений. В этом контексте необходимо разработать политическую стратегию классовых союзов, политику, направленную на победу в борьбе за социалистическую демократию в транснациональном масштабе. Ленин ответил на неправильный вопрос: проблема заключается не в том, как сломать капитализм в самом слабом звене, а в том, как он может трансформироваться при самых сильных связях. Необходимо решить проблему политического механизма демократической парламентской борьбы и разных вариантов перехода к социализму. Социалистические партии должны принимать и осуществлять революционную политику, а не делать революции.

Что должно быть сделано в 21-м веке?

ПЕРВОЙ ЗАДАЧЕЙ, КОТОРУЮ ДОЛЖЕН БУДТ РЕШИТЬ СОЦИАЛИЗМ 21 ВЕКА, ЯВЛЯЕТСЯ ОБНОВЛЕНИЕ классовой политики. Следовать за Лениным означает превзойти нынешний акцент **ЛЕВЫХ ЗАПАДА** на политике идентичности и поощрении многообразия, которые поддерживают права меньшинств и маргинализированных групп. Основное внимание в области культурного неравенства и неравенства в доходах должно уделяться неравенству между классами. Классовый анализ будет включать определение противоположных сил и классовых союзов с учетом **УСЛОЖНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ, НАЛИЧИЯ КРЕАТИВНОГО КЛАССА, прекариата, самозанятых, промышленных работников, служащих, военных и РАБОТНИКОВ ДРУГИХ СИЛОВЫХ СТРУКТУР, безработных и занятых неполный рабочий день; С УЧЕТОМ различий между государственным и частным секторами; союзов с малым и средним бизнесом.**

Вторая задача состоит в том, чтобы **ОТКРЫТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИ И СОЗДАТЬ ПРАКТИЧЕСКИ НОВЫЕ** способы изменения политических настроений людей (сознания), чтобы отойти от политики культурной самобытности и возобновить социалистическую критику. Социальные электронные медиа являются эквивалентом газеты начала 20-го века.

Третья редакция Ленина заключается в учёте **ИЗМЕНЕНИЙ** территориального передела классового пространства. Доминирующие классы не находятся больше в одном национальном государстве, правящие классы являются транснациональными. **НЕОБХОДИМО ВОЗРОДИТЬ, ОБНОВИВ,** концепцию империализма, включить в **АНАЛИЗ** переход к глобализованному капитализму: региональные ассоциации государств, международных организаций, глобального бизнеса и

суверенных государств. Государственные границы **В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВО МНОГИХ СЛУЧАЯХ СЕГОДНЯ СТАНОВЯТСЯ «пористые» (прозрачны).**

В-четвёртых, ЗАДАЧЕЙ СТАНОВИТСЯ переход от разрыва самого слабого звена к разрыву или разделению самых сильных связей капитализма. Необходимо изучить изменения в уровне производительных сил: характер технологических изменений и новые противоречия. Представляет ли Китай восходящую державу, которая могла бы разорвать капиталистическую цепь таким образом, **КАКИМ НЕ СМОГ СССР?**

Пятое переосмысление заключается в восстановлении идеалов социализма. У Ленина было убеждение, рождённое Просвещением, что человеческие действия могут принести прогресс и привести к полностью демократическому социалистическому обществу без экономической эксплуатации. Он подчеркнул, что демократия может **СТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПОЛНОЙ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ ТОЛЬКО** в условиях социализма. Это видение было утрачено и оно должно быть возвращено и реактуализировано.

Возвращение к Ленину заключается не в том, чтобы принять его политику, а в том, чтобы переосмыслить социалистическое видение, вытекающее из идей Просвещения и марксовского анализа капитализма.

Библиография

- Brie, M. (2019).* Rediscovering Lenin. London: Palgrave.
- Buzgalin A. and A. Kolganov (2015).* Critical political economy: the ‘market-centric’ model of economic theory must remain in the past- notes of the post-Soviet School of Critical Marxism. Cambridge Journal of Economics. Vol 40:575-598.
- Kautsky, K. (1909).* The Road to Power. <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1909/power/ch01.htm>
- Kautsky, K. (1918)* The Dictatorship of the Proletariat. <https://rowlandpasaribu.files.wordpress.com/2013/09/karl-kautsky-the-dictatorship-of-the-proletariat.pdf>
- Lenin, V.I.* Selected Works, 3 vols. (Moscow: 1977 English language edition).
- SW1:* What is to be Done?: 92-241.
- SW2:* The State and Revolution: 238-327.
- Lenin, V.I.* Collected Works, in 45 Vols. (Moscow 1960-1970 English language edition). <https://www.marxists.org/archive/lenin/works>.
- CW3:* The Development of Capitalism in Russia: 23-607
- CW 25:* The State and Revolution:381-493
- CW28:* ‘Democracy’ and Dictatorship (3 Jan. 1919): 368-72
- CW31:* ‘Left-Wing’ Communism, An Infantile Disorder: 17-118
- CW31:* Draft Theses on National and Colonial Questions (5 June 1920): 144 – 151
- Panitch, L. and Greg Albo (Editors) (2019).* Beyond Market Dystopia, London: Merlin.
- Pipes, R. (1996).* The Unknown Lenin, From the Secret Archive. [Reprinted documents] New Haven: Yale University Press.
- Zizek, Z. (2002).* Revolution at the Gates. London: Verso.
- Zizek, Z. (2017).* Lenin: The Day After the Revolution. London: Verso.

ЛЕНИН СЕГОДНЯ или Как катастрофа превращается в триумф

С. Михаил-Мацас

1. Что означает «Ленин» сегодня, в наше турбулентное время?

Что означает «Ленин» во втором десятилетии 21 века, в мире, драматически изменившемся за полтора века со дня его рождения; тем более, в мире, который ныне погружается в бездну неразрешимого с 2008 глобального капиталистического кризиса, к тому же обострённого с 2020 всё ещё не контролируемой пандемией?

И, прежде всего: что означают Ленин и наследие Ленина через тридцать лет после распада Советского Союза, то великое достижение социалистической революции, которую он, руководя партией большевиков, привёл к победе впервые в истории?

Именно это последнее обстоятельство, вместе с огромным потрясением и замешательством, продолжающимся [с 1991] до сих пор, создаёт условия для отказа или отклонения от наследия Ленина не только «мейнстримным» дискурсом буржуазных антикоммунистов и консерваторов, но и значительной частью международных левых.

Линейный подход, избегающий все противоречия и зигзаги исторического развития в СССР и в мире, протягивает между 1917 и 1991 годами не существующую прямую линию. Ленина и его революционную политику, включая в первую очередь важнейший инструмент революции - партию большевиков, которую он основал, обучил и организовал, обвиняют в «ответственности» за трагический конец всех ожиданий всеобщего освобождения людей, порождённых Октябрьской революцией, за бюрократизацию Советского Союза, вплоть до его бесславной гибели. Это последнее событие рассматривается как окончательное свидетельство и «эмпирическое доказательство» несостоятельности всего, что связано с Лениным и ленинизмом.

Но этот грубый буржуазный триумфализм и апологетика капитализма и его ужасов встречали и продолжают встречать сопротивление.

Предтечей этого сопротивления явилась серия международных конференций, посвящённых Ленину, в Вуппертале, Афинах и Москве в 1991 году, как раз накануне распада СССР.

В 1990-х и в начале 21-го века группа радикальных интеллектуалов выступила против господствующего дискурса. Их оппозиция, с различных и порой противоречивых точек зрения, была выражена в опубликованной сначала на английском языке книге с характерным названием *Lenin Reloaded*¹ (*Ленин. Перегрузка*), переведённой затем на многие языки.

В течение последних тридцати лет сопротивление возрастало со стороны растущего числа людей, которые не даром сравнивали с ностальгией прошлое, часто романтически идеализированное, с бесконечными бедствиями, которые последовали за крахом 1989-1991 годов так называемого «реального социализма», с

перманентной катастрофой, затрагивающей не только постсоветское пространство, но и весь мир.

Ностальгию можно понять, но она не может объяснить конечный результат - катастрофу 1991 года, указывающую путь к её преодолению.

Хуже того, все ещё сохраняется традиционалистское бюрократическое отношение к изгнанию Ленина из истории, превращая его в искажённую «безобидную икону» и в список несвязных цитат. Это был обанкротившийся метод легитимации при сталинизме консервативной государственно-партийной бюрократии - той самой, которая позже отказалась от любых формальных ссылок на Ленина и ленинизм, чтобы открыто вернуться к капиталистической реставрации.

Но Ленин - не безобидный пережиток прошлого. Если бы это было так, тогда почему к нему столь враждебно относятся до сих пор, в конце второго десятилетия 21 века?

2. Распад СССР был высшей точкой периода неолиберальной глобализации финансового капитала в последние десятилетия 20-го века после кризиса послевоенного бреттон-вудского кейнсианского международного урегулирования в начале 1970-х годов.

Вспышка глобального капиталистического кризиса в 2007/2008 годах, банкротство Lehman Brothers, мировой финансовый кризис и последующая депрессия продемонстрировали сжатие глобализованного капитала, достигающего своих исторических структурных пределов, проанализированных Карлом Марксом в "*Капитале*". Спустя более чем десять лет, несмотря на неотложные, самые «неортодоксальные» меры, принятые центральными банками и правительствами стран глобального Севера (пакеты стимулов, программы количественного смягчения, низкие, даже отрицательные процентные ставки и т. д.), кризис не только остаётся нерешённым, но погружается в новые глубины. Уже в 2018-2019 годах были все признаки предвестника нового, более разрушительного взрыва глобального кризиса - до наступления пандемии Covid-19.

В связи с пандемией в 2020 году происходит резкий разрыв непрерывности; в мировом кризисе имеет место гигантский качественный скачок. Именно с этого настоящего переломного момента мы должны столкнуться со всеми историческими вопросами, связанными и сконденсированными в термине «Ленин». Они, эти вопросы, долгое время подавлялись, изгонялись, потому что понятие «Ленин» совпадает с понятием «*Революция*». Теперь они не могут не возродиться. Если использовать психоаналитический термин «*возвращение вытесненного*», это должно проявиться во множестве противоречивых форм.

3. Ленин снова появляется сейчас, но не как отдалённая фигура истории прошлого. Он принадлежит Настоящему и открывает его как Историю.

Существенной, определяющей чертой ленинского метода является его сознательная, настойчивая попытка *постичь Настоящее*. Не то Настоящее, что искажается правящими классами как неизменное подтверждение статус-кво, а как его отрицание, противоречащее ограничениям, налагаемым статус-кво, дестабилизирующее его, ломающее его путём насильственного выхода за его пределы.

Настоящее - это пустая абстракция или мимолётное впечатление, если его точные *пределы* не отмечены чётко в их конкретных определениях, раскрывающих их *конечную природу в незавершённом процессе*.

¹*Lenin Reloaded- Toward a Politics of Truth*, editors Sebastian Budgen, Stathis Kouvelakis, and Slavoj Zizek, Duke University Press, Durham and London 2007

Другими словами, если оно не воспринимается как момент диалектического перехода.

Много раз Ленина обвиняли в том, что он оппортунистический прагматик, постоянно корректирующий свою политическую повестку с учётом измененной общей политической ситуации. Это поверхностное и вульгарное искажение личности Ленина игнорирует то, как тщательно он подходил и изучал события в их историческом контексте и взаимосвязь в разворачивающемся процессе. Он исследовал противоречивые силы в Настоящем, их появление и исчезновение, динамику их возникновения, определение их границ и тенденций к преодолению этих ограничений, переход в другое качественное состояние.

Настоящее, с этой точки зрения, не является безразличной абстрактной точкой в бесконечном ряду последовательных точек, в «дурной бесконечности» (Гегель), лишённой определённого различия. Внимание Ленина было сосредоточено именно на дифференциации данного момента как переходного момента, движимого противоречием. Он стремился абстрагироваться **от конкретной логики противоречий в конкретной исторической ситуации.**

Историко-материалистическая диалектика Ленина последовательно ищет новое в Настоящем. Он избегает наложения предвзятых схем, идей, закреплённых как «вечные истины», догмы, на постоянно меняющуюся объективную реальность. Он отказывается дать *«законченное определение незавершённому процессу»*, используя выражение Троцкого² (из его книги *«Преданная революция»*)

Ленинская диалектика современности развивает концепцию *Kairos*, *vũkarpós* («правильное время») древнегреческой диалектики, по аналогии с концепцией *Jetztzeit*³ Вальтера Бенджамина в его *Тезисах о концепции истории* в наше время.

Наивысшее достижение этого метода заключено в знаменитом высказывании Ленина в решающий момент октября 1917: *«Вчера было слишком рано, завтра будет слишком поздно, сегодня наступил момент восстания»*⁴.

4. Владимир Ильич Ленин был на высоте в неспокойные времена, в периоды кризисов, конвульсий и быстрых перемен, которые оставляют большинство людей в волнении, замешательстве и дезориентации.

Его наибольший вклад в борьбу за социализм был внесён в решающие три года, с августа 1914, когда мир погрузился в беспрецедентную историческую катастрофу, начало Великой империалистической войны, по октябрь 1917, *annus mirabilis*, "год восхищения", когда мировая социалистическая революция началась в России.

² L. Trotsky, *Revolution Betrayed*.

³ W. Benjamin, *Über den Begriff der Geschichte*, Thesis XIV, and Annex A

⁴ В.И. Ленин. *Большевики должны взять власть* and to the Petrograd and Moscow. Письмо в Центральный Комитет и Петроградский и Московский Комитеты Российской социал-демократической партии (большевиков), об-суждённое на заседании ЦК 15(28) сентября 1917

⁵ W. Benjamin, *Passagenwerk*, N9a, 1. *In the French translation* Paris, *Capitale du XIXemeseecle- Le Livre des Passages* Cerf 1989 p.491.

Как катастрофу удалось превратить в триумф отверженных Земли?

Это было центральным вопросом для Ленина. Он включён в центральную политическую линию, которую Ленин начал, в которой даёт ответ на этот вопрос и за которую (эту политическую линию) боролся, первоначально в абсолютном меньшинстве в международном социалистическом движении: **превратить империалистическую войну в мировую социалистическую революцию!** – то была линия *«революционного поражения»*.

Ленин поднял, смело и без уступок, революционный вызов противостояния политическим условиям крайней шовинистической истерии, когда сам Второй Интернационал разрушался в «социал-патриотизме», в каждой социал-демократической партии (за исключением сербских социалистов и русских большевиков), вступавшей в «священный национальный союз» со своим «собственным» национально-капиталистическим государством и империалистическим правительством.

Вопрос о том, *как превратить катастрофу в победу отверженных на земле*, эксплуатируемых и угнетённых народных масс, был поднят в специфической экстремальной ситуации, когда в 1914 году разразилась катастрофа мировой войны, впервые в истории человечества.

Но центральное место, которое этот вопрос занимает, не является предположением: оно включает **диалектику Революции как таковой** в новую эпоху, открытую в 1914 году катастрофой, которая привела к ней не автоматически, не линейно, не без ожесточённой *политической* борьбы между непримиримыми политическими партиями, программами, лидерами конфликтующих классов, между непримиримыми живыми силами на национальном и международном уровне - до беспрецедентного всемирно-исторического события октября 1917 года.

Катастрофа - это реальная отправная точка, на которой нужно сосредоточить внимание каждого революционера. Её нельзя игнорировать, преуменьшать или изгонять, ожидая, выдавая желаемое за действительное, счастливого конца. Задача состоит в том, чтобы не поддаться слепо катастрофе, не быть парализованным, как перед головой мифической Медузы, стать добровольными сообщниками или оставаться пассивными наблюдателями (и жертвами) Апокалипсиса.

*«Концепция прогресса должна основываться на идее катастрофы»*⁵, - писал Бенджамин в 1930-х годах, в катастрофический период сокрушительных поражений для международного рабочего класса и подъёма фашизма накануне другой, худшей катастрофы в мире 20 века, Второй мировой войны.

Это заявление немецкого мыслителя-марксиста могло показаться пессимистическим, причудливым, абсурдным или скандальным для «прогрессивных» либералов или реформистов, последователей эволюционизма и градуализма в истории. Но не для Ленина!

Вождь большевиков, напротив, после своего первоначального шока от краха Второго Интернационала с падением в социал-шовинизм, решительно порвал именно с эволюционизмом и механистичным взглядом на социальный прогресс, господствовавшим в так называемом *«ортодоксальном марксизме Второго Интернационала»*.

Ленин не ограничивал свою критику и неприятие социал-шовинистической политики немецкой и европейской социал-демократии на политико-программном уровне. Он исследовал *философско-методологические* корни политического краха Второго Интернационала, решительно повернувшись к обновлённому, систематическому изучению философии и диалектики, особенно - *Науки Логике* Гегеля, в 1914-1915 годах, когда он всё ещё находился в изгнании в Цюрихе. Этот поворот задокументирован в его знаменитых *Философских тетрадях*⁶ и имел огромное политическое значение⁷.

Разрыв между реформистским эволюционизмом и революционной диалектикой ясно представлен Лениным в его эссе *К вопросу о диалектике*, в котором резюмируются выводы из философских исследований 1914-1915 годов:

«Две основные (или две возможные? Или две исторически наблюдаемые?) концепции развития (эволюции) таковы: развитие как уменьшение и возрастание, как повторение и развитие как единство противоположностей (разделения единства на взаимоисключающие противоположности и их взаимное отношение)

*В первой концепции движения **самодвижение**, его **движущая** сила, его источник, его мотив остаются в тени (или этот источник делается **внешним** - Бог, субъект и т. д.). Во второй концепции главное внимание направлено именно на познание **источника «самодвижения»**.*

*Первая концепция безжизненна, бледна и суха. Вторая - жизненна. **Только** вторая даёт ключ к «самодвижению» всего существующего; только она даёт ключ к «скачкам», к «разрыву непрерывности», к «превращению в противоположность», к разрушению старого и появлению нового⁸.*

Эссе «К вопросу о диалектике» завершается демонстрацией нелинейных, немеханистичных, противоречивых отношений и перехода от разных философских траекторий к противоположным классовым интересам:

*«Человеческое знание - это не прямая линия (или не следует за ней), а кривая, которая бесконечно приближается к серии кругов, спирали. Любой фрагмент, отрезок, участок этой кривой можно превратить (трансформировать односторонне) в самостоятельную полную прямую линию, которая затем (если за деревьями не видно леса) ведёт в болото, в клерикальный обскурантизм (где он **основан** на классовых интересах правящих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окаменение, субъективизм и субъективная слепота - вуаль **эпистемологические** корни идеализма. И клерикальный обскурантизм (= философский идеализм), конечно, имеет **гносеологические** корни, он небезоснователен; это, **несомненно, стерильный цветок, но стерильный цветок, который растёт на живом дереве живого, плодород-***

ного, настоящего, могущественного, всемогущего, объективного, абсолютного человеческого знания⁹»

Так называемая «марксистская ортодоксия» Второго Интернационала и его ведущих теоретиков, таких как Карл Каутский, была подавлена и стерилизована этой «*векторной линейностью и односторонностью, деревянностью и окаменением*» ...

5. Социал-демократия, возглавляющая массовое рабочее движение, неуклонно растущее в Германии и Западной Европе с конца XIX века, организованное в сильные профсоюзы и парламентские фракции, вооружённое процветающей прессой, образовательными и социальными центрами и т. д., все больше и больше интегрировалась в существующий капиталистический социальный порядок и национальное государство. Адаптация к национальной среде, её давлению, предубеждениям и иллюзиям, вызвала слепую веру в постепенный социальный прогресс, отбрасывающую перспективу социальной революции, рабочей власти и социализма в весьма отдалённое, неопределённое будущее. Несмотря на политико-теоретическую борьбу и предупреждения Розы Люксембург, Владимира И. Ленина или Льва Д. Троцкого и других в левом крыле Интернационала, любые серьёзные мысли, марксистский анализ или сознательная подготовка социалистов к грядущим социальным потрясениям и революциям, к крупному международному кризису, разрушающему статус-кво, или международной военной катастрофе, игнорировались или отвергались как чистый «катастрофизм».

Между тем, ощутимые напряжения и растущие противоречия в уже интернационализованном капитализме были на пути к взрыву, наконец, произошедшему в 1914 году в самых катастрофических масштабах, шокируя и сбивая с толку всех или парализуя и приводя к капитуляции перед националистической лихорадкой тех, кто не ожидал такого ослепления постепенностью процесса нарастания противоречий перед взрывом.

Постепенность механистически разделяет то, что именно Бенджамин пытается диалектически объединить: концепцию *прогресса* и идею *катастрофы*.

Ленин же, напротив, идёт по пути диалектики, ища в катастрофе её внутренний источник, специфические противоречия, специфическую логику этих специфических противоречий, которые в одно и то же разнородное историческое время управляют как разрушением *старого*, так и появлением *нового*.

С этой диалектико-исторической материалистической точки зрения он мог схватить Настоящее, момент начала Великой войны, не только как момент колоссальной катастрофы, но и как *момент перехода*, разрушение старого международного капиталистического порядка и возникновение новой исторической эпохи, а именно - *империалистической эпохи*.

Это был особый и величайший вклад Ленина в международную дискуссию об империализме, которая развивалась до, во время и после Великой войны, с участием Гобсона, Гильфердинга, Розы Люксембург, включая её критиков, Каутского, Бухарина и других (решающая дискуссия, которая продолжается более века, вплоть до наших дней).

В своей брошюре *Империализм как высшая стадия капитализма* и в своих подготовительных *Тетрадях об империализме* Ленин показал, что империализм - это не конкретная экспансионистская *поли-*

⁶ V.I. Lenin, *Philosophical Notebooks*, Collected Works vol. 38 Progress-Moscow 1972

⁷ См, среди другого в богатой литературе, Savas Michael-Matsas. *Lenin and the Path of Dialectics*, in *Lenin Reloaded* op. cit. pp 101-119

⁸ *Philosophical Notebooks*. Цит. соч. стр. 360. Выделено в оригинале.

⁹ Цит. Соч., стр.363. Выделено в оригинале

тика, а конкретная стадия исторического развития капитализма. Анализируя различия с предыдущей эпохой подъёма и апогея капитализма (господство монополий, финансовой олигархии, господство экспорта капитала, интеграция мировой экономики, антагонизмы её переломов), выявляя ее внутренние *противоречивые тенденции* (монополия против конкуренции, конфликт между мировым характером производительных сил и национальным государством, угнетателями и угнетёнными нациями и т. д.), Ленин акцентировал внимание на *паразитизме и упадке* капиталистической системы: началась новая эпоха, эпоха *упадка капитализма*. Следовательно, человечество вступило в *переходную* эпоху, которая, не линейно, а через зигзаги и конвульсии, войны и революции, скачки вперёд и регресса, сможет выйти в результате мирового революционного процесса за пределы распадающегося монополистического капитализма к *мировому социализму и всемирному бесклассовому коммунистическому обществу всестороннего человеческого освобождения*.

б. Именно на основе диалектического схватывания этого переломного момента в истории, на основе марксистского анализа противоречивой *природы эпохи* Ленин смог совершенствовать его собственную (и его партии) революционную теорию и практику; разработать и осуществить (не без враждебности, сильного сопротивления и препятствий вне и внутри своей партии) необходимые, часто резкие изменения в политической стратегии и тактике, программе и партийной организации.

Это стало основой политики превращения империалистической войны в международную социалистическую революцию, а позже, после прорыва Русской революции в 1917 году, – его *Апрельских тезисов*. Резкое изменение и переориентация большевистской стратегии в апреле 1917 года были реализованы после острого конфликта с консервативным сопротивлением, прошлой инерцией и скептицизмом внутри самого центрального руководства большевиков, в чём проявлялось сильное *давление со стороны национальной среды*, меньшевиков, эсеров и самого Временного правительства. Ленин боролся, прежде всего, за преодоление *русоцентричного характера* «старого большевизма», который вёл к примирению с меньшевиками и буржуазным либерализмом под предлогом необходимости *«завершить буржуазно-демократическую революцию, прежде чем двинуться к социалистической революции»*. Стратегическая ориентация Ленина на *примат* мирового развития и его динамики в новой эпохе империализма, а также ориентация на *мировую* социалистическую революцию стала в 1917 - и остаётся актуальной - фундаментальной разделительной линией между большевизмом и меньшевизмом.

Не случайно среди предложений в Апрельских Тезисах было одно, за которое тогда не голосовали, - предложение изменить название фракции большевиков на Коммунистическую партию. Многие «старые большевистские» лидеры выступили против изменений, настаивая на сохранении того же названия партии, Российская рабочая социал-демократическая партия, с тщетной надеждой на восстановление отношений с меньшевиками.

Это не было второстепенным моментом. Он определял *новую* революционную стратегию и *программу* большевиков, их *новую* партийную структуру. Отнюдь не простое это дело - изменение наименования,

ещё одна статья появляется в Уставе большевистской организации, которая определяет сам *принцип* революционной организации, её конкретную идентичность, определяющую её организационный способ существования и действий в новую эпоху, основанный на политическом разрыве с социал-демократией и «трупом Второго Интернационала», защищающий примат интернационалистской борьбы за новый, Третий, Коммунистический, Интернационал, Интернационал *«нового типа»* как ось построения революционных партий в каждой стране.

На карту было поставлено не новое наименование, а смысл существования и подлинная идентичность Партии социалистической революции.

Дебаты внутри большевистского руководства в апреле 1917 были взаимосвязаны с дискуссиями в мае 1917, когда группа межрайонцев во главе с Троцким и Луначарским объединилась с большевиками после возвращения Троцкого из-за границы в Петроград. Троцкий поднял вопрос о необходимом *«разрыве с русоцентризмом»* и *«интернационализации»* перспектив радикализованного большевизма в новых исторических условиях, и с принятием этого принципа слияние стало возможным и состоялось - *«и с того момента не было лучшего большевика, чем Троцкий»*, как подчёркивал Ленин.

Это объединение ведущих революционных марксистов, принёсшее *«сознательное выражение бессознательного исторического процесса»* и, во главе масс, - победу Октябрьской революции, было продуктом долгого и сложного процесса. Будет чрезмерным упрощением, что многие делают, сводить этот процесс к тому, что *Апрельскими тезисами* Ленин показывает принятие теории перманентной революции, а Троцкий – приверженность организационным принципам большевизма присоединением к большевикам и кооптацией ими в Центральный Комитет партии.

Воссоединение Ленина и Троцкого, после многих лет напряжённости и конфликтов, в качестве лидеров партии большевиков и второй, решающей фазы Русской революции, приведшей к приходу Советов к власти в октябре 1917 года, сократило долгую траекторию борьбы и, в частности, путём прохождения и взаимодействия с опытом *«двух революций и мировой войны»* (Троцкий), что создало условия для качественного скачка в теории и практике для них обоих¹⁰. Этот скачок сделало возможным смелое, антиавторитарное видение будущего общества при переходе к коммунизму в *Государстве и революции*, написанном скрытно Лениным и оставшимся тогда не завершённым из-за ускорения самого революционного процесса. Прежде всего, он стал возможным, когда наступил решающий момент, своевременно уловленный Лениным. Он убеждал в своих исторических Письмах в ЦК, Петроградский и Московский комитеты, что *«Большевики должны взять власть»*, организуя *«Восстание как искусство»*. Потому что решающий момент, как сказал вождь большевиков, был не вчера и будет не завтра, он СЕЙЧАС!

¹⁰ См. также Savas Michael-Matsas. *Lenin e Trotskicos-moteóricos revolucionários in Historia e Revolução, Simposio realizado no Departamento de História da FFLCH-USP, Brazil, Novembro de 1997. org. Osvaldo Coggiola, Hama Editora, 1998 pp 117- 132*

7. Из нашего времени СЕЙЧАС, из сегодняшнего беспрецедентного глобального кризиса, безотлагательно необходимо совершить то, что тот же Бенджамин назвал «тигровым прыжком в прошлое»¹¹ – назад, к Ленину

Необходимость такого поворота вытекает из сегодняшних условий и вызовов. Она не исчерпывается повелением вновь вникнуть в великие достижения Ленина, прослеживая их актуальность сегодня, не избегая рассмотрения ограничений и ошибок. Это не может быть ни формальным «возвращением» к безжизненному объекту бюрократического идолопоклонства, ни внеисторическим «повторением» «ленинского жеста» в том смысле, который предлагал Жижек¹².

«Прыжок тигра в прошлое», по Бенджамину, должен избегать приземления на «арене, где господствует правящий класс». Это должно быть выполнено «под открытым небом истории» и «диалектично, как Маркс понимал революцию»¹³.

Другими словами, следует раскрыть реальную динамику истории, диалектически схваченную Лениным, как это было на самом деле проявлено в его революционных переменах стратегии, программы и организации в 1917 году, а также все еще не реализованный потенциал этой исторической динамики, следует диалектическим методом понять, что историческая спираль, открытая в 1917 году, НЕ была закрыта в 1991 году.

В историческом водовороте, разразившемся в 1914 году, Ленин сумел уловить происходившие эпохальные изменения, вступление человечества в бурную эпоху упадка империалистического капитализма. Со времён Ленина в мире многое изменилось. Но основные противоречивые тенденции, составляющие природу эпохи, не исчезли; напротив, они чрезвычайно усилились в течение всего 20 столетия, достигнув кульминации более чем через десятилетие, в 21 веке. Кто может всерьёз сказать, после нерешённого глобального системного кризиса 2007-08, что капиталистическая система вышла из упадка и нашла эликсир «вечной молодости»?

Наиболее вдумчивые элементы правящих классов видят угрозу капиталистическому правлению.

В марте 2020, когда пандемия Covid-19 парализовала всю планету, двухпартийный аналитический Центр стратегических и международных исследований (CSIS) США, анализируя как «глобальный тренд» массовые мобилизации последнего десятилетия, напомнил о предупреждении, срочно выпущенном Збигневом Бжезинским после банкротства Lehman Brothers. Бжезинский (хорошо известный советник президента США по национальной безопасности, архитектор войны в Афганистане как средства покончить с самим Советским Союзом, тот самый стратег американского империализма, который после распада СССР считал центральной стратегической целью США - фрагментацию Российской Федерации и всего постсоветского пространства) озвучил тревожный сиг-

нал о «глобальном политическом пробуждении», угрожающем глобальным революционным наводнением: «Впервые в истории все человечество действует политически, политически осведомлено и взаимодействует политически»¹⁴.

Пандемия COVID-19 чрезвычайно усугубила и обострила глобальный капиталистический кризис, вызвав то, что называют «настоящим штормом»¹⁵.

Как точно написал профессор Массимилиано Сасали де Бьянки (Центр междисциплинарных исследований, Vrije Universiteit, Брюссель): «Covid 19 - это хакер, созданный природой, чтобы выявить уязвимость системы до того, как она полностью рухнет»¹⁶.

В течение последних десятилетий капиталистической глобализации, огромного разрушения экосистем и изменения климата следует эпидемия эпидемий (СПИД, Sars1, H1N1, Mers, Ebola и т.д.). Капиталистическая форма того, что Маркс называл «социальным метаболизмом между природой и человеческим обществом»¹⁷, находится в конфликте, оказываясь теперь уже несовместимой, с содержанием социального метаболизма, прямыми и насущными потребностями реального жизненного процесса.

После первоначальной паузы в глобальном тренде восстаний из-за шока от пандемии и локдаунов теперь взаимосвязь быстро углубляющегося глобального социально-экономического кризиса с пандемией становится движущей силой эскалации классовой борьбы во всём мире, как и геополитических взрывов, особенно - на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и на Кавказе.

Человечество переживает нарастающую катастрофу исторического масштаба. Ленинский путь диалектики показывает, как можно превратить катастрофу в торжество мировой социалистической революции. Международный рабочий класс и его авангард должны завершить незавершённый процесс глобальной революционной трансформации человеческого общества, начатый в октябре 1917, воссоздав своё незаменимое оружие: революционный Интернационал, - ко времени настоящей бури!

Париж, Ленинград 17-25 сентября 2020,
Афины 5 октября 2020

¹⁴ Цитировано by Samuel Brannen, Christian Haig, Katherine Schmidt в *The Age of Mass Protests- Understanding an Escalating Global Trend*, CSIS, March 2020.

¹⁵ См. Savas Michael-Matsas, *Pandemic and Crisis: the Perfect Storm*, NeaProoptiki July 2020 (publication in Greek. There is an English translation available)

¹⁶ См. сайт Brain Circle and Enzo Soresi, Professor of Lung Diseases in Milan, Italy Neuroblog#Confessioni Cervelo Mente Corpo, accessed March 16, 2020

¹⁷ Karl Marx, *Capital*, vol. I, Part III, Chapter 7 p. 173, Progress-Moscow 1986

¹¹ W. Benjamin, op. cit Thesis XIV

¹² См. Slavoj Zizek, *A Leninist Gesture Today: Against the Populist Temptation in Lenin Reloaded* op.cit pp74-98 and in his 1 Postface in *La Revolution Aux Portes-SurLenine*, Le Temps des Cerises, 2019 particularly pp.402-411

¹³ W. Benjamin, цит. соч., Thesis XIV

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

А.И. Михайлов

*Кандидат физико-математических наук,
научный сотрудник Научно-образовательного центра
Математического института имени В.А. Стеклова
РАН, соискатель кафедры социальной философии и
философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

22 апреля 2020 года исполнилось 150 лет со дня рождения В.И. Ленина. Роль Ленина в русской и мировой истории трудно переоценить. Атеист Ленин был одним из немногих исторических деятелей, которым удалось одновременно основать «царство на небе и на земле»: создать учение, захватившее умы миллионов людей и построить государство, реализующее эти идеалы на практике с той или иной степенью успешности. По масштабу влияния на ход исторического процесса с точки зрения сочетания этих двух критериев с Лениным, пожалуй, может сравниться только пророк Мухаммед, основавший одну из мировых религий, и положивший начало волне арабских завоеваний, изменивших политическую и лингвистическую карту мира.

В XX веке мир стремительно менялся. Возник новый тип общественного воспроизводства, соединяющий в замкнутом инновационном цикле науку как непосредственную производительную силу, обобществлённую промышленную инфраструктуру и социальную сферу¹. Доля нового уклада колебалась в разных странах в достаточно широких пределах, но после Второй Мировой войны развитие капитализма было попросту невозможно без посткапиталистических элементов², так же, как и завершивший развитие аграрного общества абсолютизм опирался на элементы раннего торгового капитализма. Трансформация общественных отношений произошла в результате глобальной антиимпериалистической и антиколониальной революции первой половины XX века. В течение пятидесяти лет с 1910-х по 1960-е гг. колониальные империи были полностью демонтированы. До Первой Мировой войны каждая метрополия была независимым центром накопления капитала, присваивающим ренту со своих колониальных владений в ходе несимметричного товарообмена. И только в результате Второй Мировой войны сложилась система глобального экспорта капитала с

центром в США, а в двух макрорегионах - России и Китае – господство империализма было свергнуто на десятилетия. Кейнсианская модель капитализма, в рамках которой был достигнут наивысший уровень индустриального и социального развития Европы и Северной Америки, оказалась возможной при сочетании двух факторов — эволюционной конкуренции с социализмом при инкорпорации его элементов и реформативного капиталистического мир-системы. Революция 1917 в России была точкой бифуркации исторического процесса. И именно В.И. Ленин стал тем политиком, чьи решения расширили горизонт возможного.

Ключ к пониманию исторической ситуации Ленину дала разработанная им теория империализма. Открытие пространственной неоднородности капитализма, и построение объясняющей модели, связывающей монополизацию производства с экспортом капитала, стало крупнейшим вкладом в критику политической экономии после «Капитала» Маркса. Очерк «Империализм как высшая стадия капитализма»³ можно считать самой влиятельной работой Ленина, дальнейшим теоретическим развитием которой стали концепции мир-системного анализа⁴. В начале XX века капитализм в развитых странах уже достиг кризиса перенасыщения, в то время как в колониях индустриализация даже не начиналась. Стремление монополистического капитала компенсировать падение нормы прибыли, ростом её массы за счёт перераспределения колоний между национальными государствами неизбежно вели к мировой войне, предсказанной ещё Энгельсом в «Анти-Дюринге»⁵, а мировая война создавала предпосылки мировой революции. Россия, будучи одновременно и метрополией, знакомой с высшими техническими и культурными достижениями, и колонией, подвергающейся эксплуатации со стороны как своего собственного, так и иностранного капитала, оказалась слабым звеном в цепи империалистических держав — наивысшая острота противоречий делала революцию неизбежной.

Ленин, вопреки догматическим представлениям тогдашней социал-демократии, довольно рано понял, что революция будет носить не буржуазный, а проле-

¹ Михайлов А. И. Вековые тренды социального отчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 94–107.

² Бузгалин А.В. Колганов А.И. Глобальный капитал. М.УРСС 2015.

³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС т.27 стр. 299-426 М.: Политиздат. 1969

⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч т. 20, стр. 1—338.

тарский характер с социалистической повесткой. Исчерпание потенциала капиталистического развития заставило искать альтернативные пути модернизации. Институты, снимающие основные противоречия капитализма — неравенство, безработицу, циклические кризисы и тенденцию нормы прибыли к понижению — позволяют осуществить индустриализацию и урбанизацию быстрее и эффективнее, чем капитализм. Такой способ построения «в обход капитализма» был намечен Лениным в поздних работах^{6 7}, детализирован архитекторами советской системы планирования — Кржижановским⁸, Струмилиным⁹ и др. обоснован применительно к одной отдельно взятой стране Сталиным¹⁰, а, главное, был реализован на практике в виде плана ГОЭЛРО и последующей индустриализации. В течение 50 лет энерговооружённость возросла в 20 раз с 60 мегатонн условного топлива в год (1927/13), до 1,2 гигатонны (1970 г.)¹¹, а ожидаемая продолжительность жизни с 30 до 69 лет¹², что вполне соответствовало уровню развитых стран. Социалистическая модернизация России, продемонстрировавшая миру возможность быстрого индустриального развития без института частной собственности, стала основным долгосрочным результатом Октябрьской революции.

Способность отказаться от догм прямо обусловлена материалистическим методом Ленина. «Материализм и эмпириокритицизм»¹³ написан языком, доступным для любого грамотного рабочего начала XX века, но гораздо глубже путанных построений русской религиозной философии. Религиозная философия не порождает исследовательских программ, а из констатации и того факта, того что материя существовала задолго до мыслящего субъекта немедленно возникает эволюционизм как исследовательская программа — как

⁶ Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии). ПСС— 5 изд., т.45, 383—388; М. Политиздат. 1970.

⁷ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. ПСС. — 5 изд., 45, 389—406 М. Политиздат. 1970.

⁸ Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. — 1-е изд. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. — 541 с.

⁹ Кржижановский Г.М. Сочинения. Социалистическое строительство. М. ОНТИ. 1936

¹⁰ Сталин И.В. К вопросам ленинизма. Собр. соч. Т. 8. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 13–90.

¹¹ Промышленность СССР (Статистический сборник) М. "Финансы и статистика". 1988

¹² Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб. / Госкомстат России. - М., 1998. - 222 с.

¹³ Ленин В.И. Материализм, и эмпириокритицизм. — ПСС. 5-е изд., т.18 стр. 7-384 М.: Политиздат. 1968

мышление возникло из не мышления и как живое возникло из не живого? Ленинская теория отражения актуальна не только биологических наук — генетический код как соответствие последовательностей нуклеотидов и аминокислот, пожалуй, самая яркая иллюстрация концепции — самая познаваемость мира в конечном счёте обусловлена взаимодействиями и причинно-следственными связями, позволяющими восстановить целое по части.

В.И. Ульянов стал Лениным потому, что смог превратить марксизм из теоретической концепции в прикладную науку, в политическую инженерию. Организация партии большевиков как политического субъекта позволила завоевать власть и изменить ход истории — критика капитализма стала практикой социализма. Партия нового типа как фундаментальная политическая инновация открыла дорогу новой социально-экономической реальности. Большевизм в России пережил три трансформации, помимо собственного рождения: превращение революционной партии в правящую (1917), превращение правящей партии в административно-управленческий институт (1952), утрата власти (1991) с переходом в оппозицию к имитационным формам политической субъектности. Инструментом изменения институтов всегда выступают другие институты. В рамках капитализма таким институтом является гражданское общество как место конкуренции сугубо эгоистических интересов индивидов и групп — в конце концов современное гражданское общество по большей части состоит из профессиональных лоббистов корпоративных интересов, и лишь меньшинство агентов представляет интересы трудящихся. В обществах советского типа функции гражданского общества брала на себя коммунистическая партия как особого рода институт по производству институтов, осуществляющий свою власть через контроль над ключевыми назначениями и организацией управленческого аппарата. Партия нового типа и фордовский конвейер были изобретены в одну эпоху, сейчас же новый уровень развития производительных сил требует нового, пока ещё неизвестного типа организации политического субъекта. Именно поэтому размышления Ленина о противоречиях между управленческим аппаратом и управляемыми массами¹⁴ сохраняют актуальность и в XXI веке.

¹⁴ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. ПСС— 5 изд., 33, 1—120; М.: Политиздат. 1969

УМЕТЬ БЫТЬ МАРКСИСТОМ...

В.В. Мухачев

*Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН*

*Я всё ещё «влюблён» в Маркса и Энгельса,
и никакой хулы на них выносить не могу спокойно.
Нет. Это – настоящие люди! У них надо учиться.
С этой почвы мы не должны сходить»*

Ленин, январь 1917

Короткая, длиной всего в 53 года, жизнь товарища Ленина вместила в себя столь громадный, с его именем тесно переплетённый, массив исторических событий российского и международного масштаба конца XIX – первой четверти XX столетий, столько эпизодов яростной борьбы между различными классами общества, активным участником которой он был, такое количество разных, встречавшихся ему на пути пролетарского революционера, ярких имён и судеб, что из представителей его и последующих поколений рядом с ним поставить некого.

Накануне Первой мировой войны Ленин писал: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казённой, и либеральной) науки, - которая видит в марксизме нечто вроде “вредной секты”. Иного отношения нельзя и ждать, ибо “беспристрастной” социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовый борьбе. Так или иначе, но вся казённая и либеральная наука *защищает* наёмное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству»¹. С октября 1917 г., приведшего к установлению в России Советской власти трудящихся, их *освобождению* от наёмного рабства и всякой эксплуатации в интересах частных собственников средств производства, когда «вредная секта» пролетарских революционеров превратилась в первую социалистическую страну, буржуазия всего мира, от владельцев капиталов до ее идеологического Левиафана из разнокалиберных либеральных политиков и теоретиков, ненавидит и страшится имени Ленина. Эти ненависть и страх продиктованы тем, что, вслед за создателями марксизма, он не только ещё раз *теоретически* доказал неминуемую гибель капитализма, но и *практически* показал, как - не в мыслях и книгах, а на деле, - можно приблизить конец господства буржуазии и добиться освобождения наёмного труда, человечества, от эксплуатации и угнетения. Слова Энгельса «Имя и дело его переживут века», произнесённые им на похоронах Маркса, в равной степени относятся и к нему самому, и, конечно, к товарищу Ленину.

В своей многогранной деятельности пролетарского революционера Ленин стал и до конца жизни оставался *выдающимся* марксистом, который до сих пор заметно выделяется на фоне всех прочих привер-

женцев этой теории. Именно благодаря ее глубокому знанию, точному пониманию и умению ею пользоваться он достиг выдающихся результатов в социалистической политике по освобождению трудящихся от наёмного рабства. Опираясь при решении встававших перед ним теоретических и практических задач на учение Маркса и Энгельса, он, невзирая на «авторитет» имён отдельных деятелей современного ему социалистического движения, решительно и последовательно защищал *основы* марксизма от любого их пересмотра, попыток чем-то добавить (и, соответственно, разбавить и исказить) *цельное* учение великих пролетарских мыслителей.

Сегодня, спустя почти столетие после Ленина, большая часть тех, кто как-то увлечён марксизмом и, более того, полагает себя последователем этого великого учения, на мой взгляд, далеки как от воззрений этого выдающегося марксиста, так и от учения самих Маркса и Энгельса, марксизма в целом. Большая часть современных почитателей учения Маркса и Энгельса находится, в лучшем случае, в том же положении, в каком находился один из большевистских вождей Советской России Н. Бухарин, которого за год до ухода из жизни Ленин, признавая того крупным теоретиком и любимцем партии, вместе с тем охарактеризовал как человека, чьи взгляды «с большим трудом можно отнести к вполне марксистским», поскольку он «никогда не понимал диалектики»².

Учение Маркса и идеалистическая «гниль» в социалистическом движении

«Казус Бухарина» с его «не вполне марксистскими» взглядами и «непониманием (им) диалектики» не единственный случай, а - широко распространённое явление в истории социалистического и коммунистического движения. Ленин с ним сталкивался не раз. В том числе после поражения первой русской революции, когда некоторые его соратники по партии большевиков (Богданов, Базаров, Луначарский и др.) впали в депрессию, зашатались в материалистическом решении *основного* «вопроса философии», без чего невозможен марксизм, увлеклись неокантианской философией эмпириокритицизма и, опершись на неё, попытались «обновить» учение Маркса.

Уже в статье «Марксизм и ревизионизм» (1908) Ленин расценил эту попытку как стремление «провести старый и реакционный хлам», назвал этих теоретиков «новыми» неоямистскими и необерклианскими ревизионистами и пообещал написать в этой связи особую брошюру³. Такой «брошюрой» стал его фундаментальный труд по гносеологии марксизма «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), где, опираясь на работы Энгельса, без знания которых, считал Ле-

¹ Ленин. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 40.

² Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 345.

³ Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 20.

нин, «нельзя понять и цельно изложить марксизм»⁴, он обстоятельно, по всему спектру теории познания, подверг суровой материалистической критике идеализм теоретических взглядов большевиков-эмпириокритиков. Их *действительное*, не субъективное, а объективное отношение к учению Маркса и Энгельса, он описал так: «Читать – читали и переписать – переписали, а что к чему, не поняли»⁵.

Материалистически критикуя большевиков-эмпириокритиков, Ленин указал им на немецкого социалиста Ф. Меринга (1846-1919) как «человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом»⁶. Это замечание Ленина имеет важное гносеологическое значение, оно указывает на значительную, полную теоретических и житейских препятствий, дистанцию между *желанием* и *умением* «быть марксистом». Оно требует отличать *объективное* от *субъективного*, учение Маркса и Энгельса как *объект* познания от его *отражения* в сознании других индивидов, выступающих в данном случае *субъектами* познания.

Сталкиваясь с различными попытками ревизии учения Маркса и Энгельса в международном социалистическом движении и вызванное ими деление социалистических писателей на «ортодоксальных марксистов» и иных, якобы, мысливших «по-новому», не догматически, а творчески, Ленин всегда стоял на том, что марксизм – это «система взглядов и учения Маркса»⁷, в создании и развитии которого активное участие принимал Ф. Энгельс. Поэтому марксистом для него был лишь тот, кто стоял «в существенном на точке зрения Маркса»⁸, а самым существенное в этой точке зрения он видел в «материализме» *создателей* марксизма.

Марксизм стал наукой не потому, что выступил в защиту интересов пролетариата, а, наоборот, он стал теоретическим обоснованием точки зрения этого класса людей благодаря своей, в научном отношении безупречной, гносеологии. В середине 40-х гг. XIX в. Маркс и Энгельс *синтезировали* двухтысячелетнюю материалистическую традицию «от Демокрита до Фейербаха» с диалектической логикой идеалиста Гегеля, изложенной у того в спекулятивной форме. Энгельс об этом говорил: ««Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели её в материалистическое понимание природы и истории»⁹. Гегелевское «саморазвитие идеи»

было заменено создателями марксизма *диалектическим материализмом*, признающим первичность *саморазвивающейся материи* перед сознанием. А поскольку саморазвитие материи происходит *диалектически*, постольку самым надёжным методом изучения природы, общества и самого человека вместе с продуктами его сознания могла стать только *материалистическая* «диалектика». Этот метод применим ко всем формам и видам материи и потому имеет *общенаучное* значение.

Будучи *осознанным* отражением *диалектического* характера *движущейся* материи, диалектика была сведена Марксом и Энгельсом «к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, – а до сих пор большей частью и в человеческой истории – они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей»¹⁰.

Материалистическая диалектика – *структурообразующий* элемент во всём учении Маркса и Энгельса, именно она связывает воедино все части этого учения и придаёт ему *цельный* характер. Неоднократно характеризуя теорию Маркса в фундаментальных сочинениях, написанных им в 70-е – 80-е гг., Энгельс менее чем за полгода до смерти выделил в марксизме главное и сказал так: «Но все миропонимание [Auf-fassungsweise] Маркса – это не доктрина, а метод. Оно даёт не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»¹¹. Пользуясь материалистической диалектикой как методом исследования Маркс создал своё экономическое учение. В «Послесловии» ко второму изданию «Капитала», отметив, что его метод исследования «был плохо понят», Маркс сам назвал его «диалектическим, имеющим материалистическую основу»¹². Энгельс в этой связи писал: «Заслугой Маркса является то, что он впервые извлёк снова на свет, ...забытый диалектический метод, указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также и на его отличие от последней и в то же время дал в «Капитале» применение этого метода к фактам определённой эмпирической науки, политической экономии»¹³.

Материалистическая диалектика – прямое следствие диалектического материализма как основного мировоззренческого принципа *научного* познания во-

⁴Ленин В.И. Карл Маркс // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 93.

⁵Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 195.

⁶Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 377.

⁷Ленин В.И. Карл Маркс // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 50.

⁸Ленин В.И. Карл Маркс // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 87.

⁹Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 10.

¹⁰Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 302.

¹¹Энгельс – В. Зоигарту, 11 марта 1895 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 352.

¹²Маркс К. Капитал. Том первый // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 19-22.

¹³Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 371.

обще и марксизма в частности. Начиная с «Немецкой идеологии» (1845-1846) все важнейшие работы Маркса и Энгельса написаны с опорой на диалектический материализм и применением материалистической диалектики. Именно опора на диалектический материализм, вобравший в себя *материалистическое понимание истории*, неизбежно приводит анализ общественной жизни и социальной структуры буржуазного общества к пониманию того, что интересы лишь одного «пролетариата» как класса, который своим трудом *обеспечивает существование всех и каждого*, отвечают потребностям дальнейшего развития человечества, в силу чего *подлинная наука* обязана стоять на точке зрения *этого* класса.

Именно так воспринимал и осознавал марксизм Ленин. Именно так он изложил это учение в статье «Карл Маркс» (1914). Отсюда и его непримиримое отношение к *любым* ревизиям марксизма, поскольку те всегда связаны с отходом от диалектического материализма, материалистического понимания истории и непониманием роли материалистической диалектики в учении Маркса и Энгельса.

С идеализмом в сознании *немецких* социал-демократов и, соответственно, *искажённым* восприятием и изложением ими марксизма постоянно сталкивались и сами его создатели. В октябре 1877 г. в письме к Ф. Зорге (1828–1906) Маркс так описывает положение в социал-демократической партии «эйзенахцев»: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привёл к компромиссу и с другими половинчатыми элементами... и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачу дать социализму более «высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьёзного объективного изучения) - современной мифологией с её богинями справедливости, свободы, равенства и братства»¹⁴.

Содержание и материалистическая логика этого наблюдения Маркса заслуживают пристального внимания всех желающих «быть марксистами». Во-первых, очевидно, что слово «гниль» имеет у Маркса в данном случае не биологическое, а духовное (нравственное и теоретическое) значение. Во-вторых, эта «гниль» во многом определяется общественным бытием определённых индивидов как ее материальных носителей и потому присуща она не столько пролетарской массе, обычным наёмным рабочим, сколько «вождям», выходцам из «высших классов», а также тем «рабочим», которые в результате социал-реформистской политики буржуазии находятся в разных экономических условиях и на социальной «лестнице» стоят *ближе* к «высшим классам», возвышаясь над основной массой наёмных рабочих. В-третьих, что

для *науки* как *особой формы познания* крайне важно, эта «гниль» - следствие *мировоззренческого*, в данном случае нравственно-политического и теоретического, *компромисса* «вождей» с «половинчатыми», т.е. мелкобуржуазными, элементами. Как теми, что существуют *внутри* рабочего движения, так и представителями т.н. «образованного общества» («незрелыми студентами и преумнейшими докторами»), желающими дать «грубому» социализму более «высокое», «идеальное», по сути *абстрактно-гуманистическое*, направление. В-четвертых, изначально (и по сути) *идеалистическое* желание «возвысить», «гуманизировать» социализм, придать ему, как стало принято говорить со второй половины XX века, «человеческое лицо», неизбежно оборачивается *заменой* (!) «материалистической базы» социалистической теории, социальной науки в целом, мифологией. В-пятых, «материалистическая база» истории людей (не только социализма, но и любого другого изучаемого социального явления), требует от людей *науки*, чей профессиональный долг заключается в установлении «истины», *до* того, как начать оперировать данным историей эмпирическим материалом, *серьёзного* к ней отношения, что означает учёт и изучение всех сколь-либо существенных, имеющих отношение к предмету исследования и эмпирически установленных, фактов.

У марксизма *материалистическая* природа, его создатели были *пролетарскими* революционерами. Они никогда не занимались наукой из платонической любви к ней. Им была нужна «истина» для того, чтобы точное знание о мире использовать в революционной практике человечества. Родившись подданными прусского короля, Маркс и Энгельс с юных лет видели свое призвание в служении благу *всего* человечества и потому их переход – сначала на сторону революционной демократии, а затем и пролетариата для них был логичен и вполне естественен. При этом они оба не были кабинетными, оторванными от революционной практики демократических кругов и рабочего движения, учёными. К ним обоим в полной мере относится та характеристика, которую Энгельс дал крупным фигурам эпохи *перехода* от феодальной формации к капиталистической - эпохи, которая «нуждалась в титанах» и «породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности». «Титаны» XVI-XVIII вв., писал Энгельс, могли быть кем угодно, но только «не были людьми буржуазно-ограниченными»¹⁵. Эти люди «почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные учёные являлись тогда исключением; это были люди второго и третьего ранга, или благородные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы»¹⁶.

¹⁴Маркс – Ф. Зорге, 19 октября 1877 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. С. 234.

¹⁵Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 346.

¹⁶Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 346-347.

Эпоха перехода от капиталистической формации к коммунистической, к обществу *социального* равенства, не менее, чем переход от феодализма к капитализму, нуждалась в *своих* титанах «по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности», которые, также живя в гуще интересов *своего* времени, встали бы на защиту интересов пролетариата и, не боясь «обжечь себе пальцы», «пером и мечом» участвовали бы в его практической борьбе за своё освобождение. Первыми здесь были великие утописты начала XIX в. – Сен-Симон, Фурье и Оуэн, но подлинными Титанами эпохи классовой борьбы пролетариата за освобождение человечества от капиталистического рабства стали, безусловно, Маркс и Энгельс, которые росли и воспитывались в то время и в тех условиях, когда революционные войны буржуазии против феодализма дополнялись и сменялись революционными выступлениями пролетариата. Такое время выпадает не всем. Условия *распространения* марксизма в европейских странах в период деятельности Интернационала, когда увидел свет первый тома «Капитала» (1867) были значительно иными, чем 40-е годы XIX в., когда Маркс и Энгельс закладывали его мировоззренческие и методологические основы своего учения. Ко второй половине XIX в. вектор политического развития европейской, в том числе немецкой, буржуазии сменился на противоположный, с революционного на консервативный.

До этого времени на протяжении четырёх столетий европейская буржуазия была революционным классом. Самая радикальная буржуазная революция конца XVIII в. окончательно пробила брешь в крепостных стенах феодализма, а войска Наполеона разнесли запах (буржуазной) свободы по всей Европе. Его успели почувствовать даже те русские дворяне, которых, гоня наполеоновские войска из императорской России, пришлось в 1813 г. дойти до Парижа и из которых к 1825 г. выросли дворянские революционеры. Но европейская буржуазно-демократическая революция 1848-1849 гг., охватившая в той или иной степени целый ряд стран, ознаменовалась открытым и яростным вступлением пролетариата в классовую борьбу за свои интересы против буржуазии. Если отдельные политические выступления пролетариев первой половины XIX в. (чартизм в Англии, восстания лионских ткачей во Франции в 1834 г. и силезских ткачей в Германии в 1844 г.) выглядели для буржуазии лишь неприятными эпизодами, то в массовом вооружённом восстании парижских рабочих в июне 1848 г. она увидела своего «могильщика». Увидела, испугалась и, произведя переоценку своих классовых императивов, стала проводить по отношению к нему социал-реформистскую политику «классового мира».

«Мысли господствующего класса являются господствующими мыслями» - одно из материалистических суждений авторов «Немецкой идеологии», которое было хорошо известно из собственного опыта классовой борьбы с духовенством и феодальной аристократией. Поэтому смена буржуазией политического

вектора развития была дополнена соответствующими изменениями в области науки и образования. К середине XIX в. закончился «классический» период в развитии буржуазной науки и наступило время её прощания с ограниченным естествознанием и натурфилософией (стихийным) материализмом и спекулятивной по форме, но революционной по содержанию, диалектикой. Позади остались «немецкая классическая философия» от Канта до Фейербаха и «английская классическая политэкономия» от Смита до Рикардо. Завоевав, вслед за экономическим, политическое господство в обществе и превратившись в консервативную, дальнейшему ходу истории противостоящую, силу, буржуазия вместе с тем утеряла всякую историческую перспективу. Началось разложение её (официальной и либеральной) науки, которое сопровождалось геометрическим ростом в ней идеалистической «гнили».

Приобретая исторически-ограниченный капитализмом и буржуазным обществом, метафизический, характер, наука буржуазии превратилась в *наукообразную* идеологию, или, говоря словами создателей марксизма, «иллюзорное» и «превратное» сознание. Материалистически рассматривая развитие теоретических взглядов буржуазных экономистов нового времени, Маркс сделал в «Капитале» диалектически точное замечание: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»¹⁷. В качестве примера этого, для экономической науки буржуазии общего, явления Маркс сослался на Германию. «С 1848 года, - писал он, - капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим профессиональным учёным судьба остаётся по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора»¹⁸.

Энгельс оставил нам ряд стилистически сочных и одновременно точных описаний итогов разложения науки в буржуазной Германии. Поскольку из XXI в. столь теоретически и стилистически точно, как это делали Маркс, Энгельс или Ленин, никогда и никому о том времени не написать, мы в отношении работ этих авторов придерживаемся правила, что *оригинал* всегда

¹⁷Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 14.

¹⁸Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 14.

лучше, чем его *отражение* в других головах, и потому осознанно и с удовольствием исполняем функцию ретранслятора. Получи и ты, читатель, удовольствие от содержания мыслей Энгельса и стиля их изложения.

В «Людвиге Фейербахе...» Энгельс пишет: «После революции 1848 г. «образованная» Германия дала отставку теории и перешла на практическую почву... Но в той же мере, в какой спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе храм на фондовой бирже, в той же мере и образованная Германия теряла тот великий интерес к теории, который составлял славу Германии в эпоху её глубочайшего политического унижения, - интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, противоречит он полицейским предписаниям или нет. Правда, официальное немецкое естествознание стоит ещё на высоте своего времени, особенно в области частных исследований... Что же касается исторических наук, включая философию, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу. И только в среде рабочего класса продолжает теперь жить, не зачахнув, немецкий интерес к теории. Здесь уже его ничем не вытравить. Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху»¹⁹.

Эта общая картина разложения немецкой науки в буржуазной Германии в «Анти-Дюринге» описана Энгельсом следующим образом: «С некоторых пор системы космогонии и натурфилософии вообще, системы политики, политической экономии и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный доктор философии, даже студент, не возьмётся за что-либо меньшее, чем создание целой «системы»... Свобода науки понимается как право человека писать обо всем, чего он не изучал, и выдавать это за единственный строго научный метод. А г-н Дюринг представляет собой один из характернейших типов этой развязной псевдонауки, которая в наши дни в Германии повсюду лезет на передний план и все заглушает грохотом своего высокопарного пустозвонства. Высокопарное пустозвонство в поэзии, в философии, в политике, в политической экономии, в истории, высокопарное пустозвонство с кафедры и трибуны, высокопарное пустозвонство везде, высокопарное пустозвонство с претензией на превосходство и глубокомыслие, в отличие от простого, плоско-вульгарного пустозвонства других наций, высокопарное пустозвонство как характернейший и наиболее массовый продукт немецкой

интеллектуальной индустрии, с девизом: «дешёво, да гнило», – совсем как другие немецкие фабрикаты...»²⁰.

В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу», включённом им в «Диалектику природы», Энгельс сделал ещё ряд содержательных замечаний, имеющих отношение к *эволюции* «идеалистической гнили» в немецкой философии XIX века. Отметив, что после 1848 г. в Германии «нация решительно отвернулась от затерявшейся в песках берлинского старогегельянства классической немецкой философии», он добавил: «Берлинское старогегельянство вполне это заслужило. Но нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления. Вместе с гегельянством выбросили за борт диалектику – как раз в тот момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли и когда, следовательно, только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из теоретических трудностей. В результате этого снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики получили с тех пор широкое распространение, с одной стороны, приноровленные к духовному уровню филистера плоские размышления Шопенгауэра, впоследствии даже Гартмана, а с другой – вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фогтов и Бюхнеров. В университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, у которых общим было только то, что они были состряпаны из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны. Из остатков классической философии сохранилось только известного рода неокантианство, последним словом которого была вечно непознаваемая вещь в себе, т.е. та часть кантовского учения, которая меньше всего заслуживала сохранения. Конечным результатом были господствующие теперь разброд и путаница в области теоретического мышления»²¹.

В последних рассуждениях Энгельса обращает на себя внимание характеристика им состояния (буржуазной) науки в немецких *университетах* второй половины XIX в., господство *эклектизма* из «отбросов старых философских систем» и замена «старогегельянства» неокантианством, его *непознаваемой* «вещью в себе». Иначе и быть не могло: официальное образование всегда следует за казённой «наукой», какой-бы они ни была, и чтобы с ней не происходило. Энгельс, который из-за прихоти отца-фабриканта не смог закончить даже полный курс гимназии, но, благодаря жажде знаний и редкой работоспособности стал крупнейшим энциклопедистом XIX в. имевшим фундаментальные знания в самых разных областях науки, пользовался более двадцатью готскими, романскими и славянскими языками, хорошо знал настоящую цену университетского образования в буржуазных странах. Ещё

¹⁹Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 316-317.

²⁰Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Предисловие к трём изданиям // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 6-7.

²¹Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 368.

в «Святом семействе» (1844) он пришёл к выводу, «наука как источник дохода и свободная наука, свобода преподавания и факультетские статусы противоречат друг другу»²².

В этой связи сошлёмся на ответ Энгельса Г. Фольмару, который, будучи ещё социал-демократом, обратился к нему за советом: в какое высшее учебное заведение следует поступить одной его знакомой, проявлявшей интерес к социализму и социальным наукам. Ответ Энгельса актуален и для нашего времени: «На вопрос, который Вы поставили передо мной, ответить нелегко, или же ответ может быть лишь отрицательным. В наше время во всех университетах мира ни одна наука не извращается больше, чем политическая экономия. ... При таких обстоятельствах я не вижу никакой существенной разницы между различными высшими школами. Само главное – это серьёзное самостоятельное изучение классической политической экономии от физиократов и Смита до Риккардо и его школы, а также утопистов – Сен-Симона, Фурье и Оуэна – и, наконец, трудов Маркса; при этом нужно всегда стараться составить своё собственное мнение. Я полагаю, что Ваша приятельница будет изучать первоисточники и не позволит ввести себя в заблуждение чтением кратких изложений и других источников из вторых рук. Для ознакомления с самими экономическими условиями Маркс указывает в «Капитале» наиболее важные источники. Как пользоваться официальной статистикой различных стран, как определить, что в ней пригодно и что нет, – это лучше всего познаётся в процессе самого изучения и сопоставления»²³.

Широкое распространение среди немцев второй половины XIX в. «идеалистической гнили» в результате разложения немецкой классической философии не могло не отразиться на сознании «образованных» социалистов. И это не прошло мимо внимания Энгельса, который в том же «Анти-Дюринге» заметил: «Даже немецкий социализм... весьма усердно промышляет в наши дни высокопарным пустозвонством и выдвигает разных субъектов, кичащихся «наукой», в области которой они «действительно так ничему и не научились». Мы имеем здесь дело с детской болезнью, которая свидетельствует о начинающемся переходе немецкого студента на сторону социал-демократии и неотделима от этого процесса, но наши рабочие при своей замечательно здоровой натуре несомненно её преодолеют»²⁴.

Преодоление «детской болезни» немецким «студентом» в период его перехода на сторону социализма шёл трудно и зачастую сопровождался *ложным* восприятием и пониманием марксизма, что порой вело к его открытой ревизии. Но, главное, никогда, ни в XIX

– XX вв., ни в наше время, ни в одной капиталистической стране мира, влияние *левой* «образованной» мелкой буржуазии, вступавшей в ряды борцов за социализм, не преодолевалось полностью и окончательно. Публичный оптимизм Энгельса о преодолении «идеалистической гнили» примыкавшими к социалистическому движению студентами и писавшими о социализме и марксизме молодыми выпускниками буржуазных университетов порой в его частных письмах сменялся минорными суждениями. Здесь уже порой звучала его тревога из-за плохо усваиваемой новобранцами социализма диалектико-материалистической методологии марксизма, их теоретической неготовности продолжать начатое им с Марксом дело.

Весной 1883 г. Энгельс отказался от предложения А. Бебеля (1840-1913) переехать после смерти Маркса из Англии на континент, мотивируя свой отказ также тем, что в Лондоне у него есть возможность спокойно продолжать теоретическую работу, в которой, по его словам, заменить его и Маркса *некому*. Он писал: «То, что в этом направлении пытались делать более молодые, стоит немногого, а большей частью даже меньше, чем ничего. Каутский – единственный, кто усердно занимается, – вынужден писать для того, чтобы зарабатывать на жизнь, и уж потому не в состоянии сделать ничего»²⁵. Ко всем этим «молодым», хоть и в разной степени, можно отнести слова Энгельса о немецком социализме, который выдвигал «субъектов, кичащихся «наукой», в области которой они «так ничему и не научились». Все это ещё раз говорит о том, что «желать» и «уметь быть» марксистом – разные вещи.

Процесс «переваривания» мелкобуржуазной идеалистической гнили в немецкой социал-демократии Энгельс ставил в зависимость от обратного влияния «здоровой натуры» пролетариата на вливающиеся в социалистическое движение мелких буржуа из «образованного общества». В ноябре 1894 г. он писал В. Либкнехту: «...увеличение мелкобуржуазного элемента в растущей рабочей партии неизбежно, и в этом нет беды, точно также, как и в увеличении числа «академиков», провалившихся студентов и т. п. Несколько лет тому назад они ещё были опасны. Теперь мы в состоянии их переварить. Но необходимо дать ход этому процессу. Для этого требуется соляная кислота; если её недостаточно (как показывает Франкфурт), надо поблагодарить Бебеля, когда он её подбавляет именно для того, чтобы мы как следует переварили непролетарские элементы»²⁶. [Т. 39. С. 275]. Как показали дальнейшие события «соляной кислоты» у Бебеля на всех не всегда хватало.

Приведённые суждения Энгельса из разных его работ дают ясную картину состояния науки и образования в Германии второй половины XIX века. Они же предлагают задуматься нам над вопросами: «Чем,

²²Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 103.

²³Энгельс – Георгу Генриху Фольмару, 13 августа 1894 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36.

²⁴Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Предисловие к трём изданиям // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 7.

²⁵Энгельс – Августу Бебелю, 30 апреля 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 17.

²⁶Энгельс – Вильгельму Либкнехту, ноябрь 1894 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. С. 275.

например, «интеллектуальная индустрия» постсоветской России отличается от Германии второй половины XIX века? Не растут ли в ней, её продуктах («политологии», либеральной политэкономии и пр.) бесчисленные «новые», замешанные на старом неокантианстве и его агностицизме, теоретические системы и не являются ли они примером *отечественного* «высокопарного пустозвонства»? С какой, кроме коммерческой, целью «кормят» население страны государственные каналы российского телевидения разнообразными политическими шоу, являющимися «плоско-вульгарной» разновидностью все того же, сколь раздутого, столь и пустого, самомнения и «высокопарного пустозвонства»? Наконец, не ведёт ли все это к проникновению «идеалистической гнили» в ряды тех, кто сегодня в постсоветской, по-капиталистически организованной буржуазной России, выступает от имени марксизма в защиту социализма и коммунизма?

«Воображаемые марксизмы» в сюрреалистических гербариях псевдомарксистов

«Воображаемые марксизмы» - так называлась изданная в 1968 г. в Париже книга французского теоретика-социолога Р. Арона (1905-1983) - большого почитателя Маркса и в то же время *буржуазного* критика его *революционных* идей. Книга была направлена против имевших место попыток крупных французских интеллектуалов того времени – экзистенциалистов М. Мерло-Понти (1908-1961), Ж.-П. Сартра (1905-1980) и теоретика компартии Франции Л. Альтюссера (1918-1990) - *соединить* учение Маркса с экзистенциализмом или структурализмом. Или, как в таких случаях у нас говорят, «ежа с ужом».

Название книги Арона было значительно шире ее содержания. Вопрос о «воображаемых марксизмах» как *ложных* интерпретациях «реального» марксизма возник в среде европейских интеллектуалов после осуждения культа личности Сталина на XX съезде КПСС и последующего осуждения как практики социалистического строительства в СССР, так и официальной советской идеологии, «марксизма-ленинизма». В то время во Франции, где, как и в послевоенной Италии, существовала крупная, пользовавшаяся большим авторитетом у рядовых избирателей компартия, начались поиски левыми теоретиками «подлинного» Маркса и «реального» марксизма. Тогда же возник метафизический миф о «двух Марксах», который противопоставлял «раннего» Маркса, Маркса-гуманиста, Марксу «позднему» - стороннику классовой борьбы пролетариата с буржуазией и диктатуры пролетариата. Вскоре этот миф проник в сознание некоторых, увлечшихся модой на экзистенциализм, руководителей французской компартии, в частности Р. Гароди (1913-2012), который с 1956 г. до 1970 г., когда его исключили из ФКП как ревизиониста за «диссидентские» взгляды, был членом политбюро и считался ведущим идеологом партии.

Для социалистического движения ничего нового в этой истории нет. Это - проявление старой идеалистической гнили, о которой в 1877 г., анализируя по-

ложение внутри немецкой социал-демократии, писал Маркс Ф. Зорге. На этот раз это произошло в рядах французских коммунистов. Как во времена Маркса «незрелые студенты и преумнейшие доктора» после революций 1848-1849 гг. поставили себе задачу, апеллируя к идеалам справедливости, свободы, равенства и братства, «облагородить» революционный порыв немецких рабочих, так в середине XX в. французские экзистенциалисты и их коммунистические сторонники решили после недавно пережитой, полной зверств и человеческих мук, Второй мировой войны *по-своему* гуманизировать классовую борьбу пролетариата с буржуазией.

Против проникновения в ряды французских коммунистов под флагом экзистенциального гуманизма «идеалистической гнили» выступил Л. Альтюссер. В книгах «За Маркса» и «Читать «Капитал»» он выдвинул альтернативную «экзистенциальному марксизму» концепцию марксизма как «теоретического антигуманизма».

В споре экзистенциалистов с коммунистами-марксистами или Альтюссера с симпатизировавшим Сартру Гароди прав оказался Р. Арон. Результатом поиска спорящими сторонами «подлинного» Маркса становились *воображаемые* «марксизмы», которые не соответствовали диалектико-материалистической гносеологии Маркса и Энгельса и уже потому были *ложными* интерпретациями великого учения и имманентной ему науки о социализме. «Воображаемые марксизмы» - это не только результат брожения французских умов 50-х и 60-х годов XX века. «Воображаемые марксизмы» - это фактически все, *не соответствующие* *существенному* в «точке зрения» Маркса и Энгельса, а потому *искажающие* их взгляды как «объект познания» *субъективистские версии* реального, оставленного ими нам в наследство, марксизма. *Воображаемые* «марксизмы» возникали во всех капиталистических странах, где складывалось организованное движение наёмных рабочих, возникала борьба за социализм, в которую порой включались мелкобуржуазные элементы из т.н. «образованного» общества. Были они и в императорской, буржуазно-помещичьей, России, на что указывают письма Энгельса своим русским корреспондентам.

В мае 1893 года Энгельс пишет И.А. Гурвичу: «Если Вы следили за русской эмигрантской литературой последнего десятилетия, то сами знаете, как например, отдельные места из произведений и переписки Маркса толковались различными группами русских эмигрантов самым противоречивым образом, совершенно так же, как если бы это были изречения классиков или тексты Нового завета»²⁷. В его письме Н. Ф. Даниельсону в ноябре 1894 года читаем: «Мои русские друзья денно и ночью осаждают меня просьбами выступить с возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора (Маркса – В.М.) не только ложно толкуются, но и неправильно цитируются... Повсюду имеются люди, которые, чтобы

²⁷Энгельс – И.А. Гурвичу, 27 мая 1893 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 65.

защитить однажды занятую позицию, ничуть не стесняются прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то боюсь, что и со мной поступят не лучше...»²⁸.

«Воображаемые марксизмы» - это часть общей истории *распространения* учения Маркса в мире капитала. А где, когда и как происходил этот процесс, кто умел выделить главное и существенное в суждениях Маркса и Энгельса и усваивал их воззрения «точь-в-точь», а кто ошибался и заблуждался, а затем, пребывая в своём заблуждении, требовал *ревизии* великого учения, ставшего образцом *научного* познания и социальной науки - всё это *каждый раз* нуждается в изучении и отдельном разговоре.

Ко второй половине XX в. в *левой*, в том числе социалистической, литературе накопилось значительное число писателей с «не вполне марксистскими взглядами», «никогда не понимавшими (материалистической) диалектики», но выступавшими «под знаменем марксизма», апеллировавшими к работам Маркса и Энгельса и представлявшимися публике марксистами. Все они называли Маркса своим великим *предшественником*, но никто и никогда из них не умел быть его *верным* «последователем». *Воображение* именно этих писателей создавало искажённые, *псевдомарксистские*, образы учения Маркса и Энгельса, которые затем могли превращаться в целые школы и идеологические течения. Среди них – бернштейнизм, австромарксизм, «марксизм-ленинизм» идеологов ВКП(б)-КПСС, оппозиционный ему пёстрый неомарксизм как «западный марксизм» разных европейских интеллектуалов, чьё воображение рождало фрейдомарксизм, экзистенциальный, структуралистский и пр. «марксизмы». Значительная часть псевдомарксистов была университетскими работниками, имевшими с рабочим движением более формальную, нежели реальную, практическую, связь, что дало повод говорить об «академическом марксизме» как отдельно направлении *марксистской* мысли.

В результате масштабной деятельности *псевдомарксистских* умов, писавших «под знаменем марксизма», ссылавшихся на работы Маркса и Энгельса, но при этом так или иначе искажавших их учение, его суть, термин «марксизм» утратил своё первоначальное и единственно верное значение. При этом была утрачено его классово-определённое, пролетарское, содержание. Под этим словом стали понимать все, что было *похоже* на учение Маркса и Энгельса. Стали говорить о «классическом» и «неклассическом» марксизмах. Значительная часть «неклассического марксизма» далека была от того, чтобы представлять классовые интересы наёмных рабочих. «Марксистами» стали считать тех, кто никогда никакого отношения к организованному рабочему движению и социалистическим (тем

более – коммунистическим) организациям не имели. Со временем из всего этого *конгломерата* различных, порой друг другу противоположных имён и идей стали создавать эклектические, близкие к *сюрреализму*, гербарии, в которых вслед за Марксом и Энгельсом выстраивался длинный ряд теоретиков с «не вполне марксистскими взглядами» и даже с вполне *немарксистскими* воззрениями.

Сомнительная «пальма первенства» принадлежит здесь, скорее всего, британско-американскому историку и политологу П. Андерсену (род. 1938). Выпускник Оксфорда, много лет являющийся профессором истории и социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, начинал с активного участия в движении «новых левых», эпицентр которого находился во Франции и Германии конца 50-х – начала 60-х годов прошлого столетия. Поскольку «новое левое» движение выступало против устоев буржуазного общества, постольку оно имело социалистическую ориентацию и соответствующую ей лексическую окраску. Новой борьбе за социализм на место «могильщика» буржуазии вместо рабочего класса капиталистического общества они ставили левую часть «образованного» общества – студенчество, молодых «интеллектуалов» и пр.

Оказавшись среди создателей и к тому же главным редактором международного журнала “New-LeftReview”, который многими критиками капитализма долгое время рассматривался в качестве «марксистского», Андерсен довольно быстро приобрёл репутацию социалистического теоретика, которого в «образованных» кругах стали воспринимать как одного из «ведущих марксистских интеллектуалов современности». В середине 70-х годов Андерсен решил восполнить пробел в сознании англичан о малоизвестной тогда им странице из истории *левого* движения в *континентальной* Европе, которое в XX веке развивалось в виде теоретической оппозиции «марксизму-ленинизму» «неомарксизма». В работах «Размышления о западном марксизме» (1976) и «На путях исторического материализма» (1983) то, что он определил, как «историю марксизма», было им поделено на два периода: а) «классическую традицию» и б) «постклассические направления».

В *свою* «классическую традицию» марксизма Андерсен включил *три* поколения *пролетарских* теоретиков: 1) самих создателей марксизма; 2) их «непосредственных идейных наследников» (А. Лабриола, Ф. Меринг, К. Каутский и Г. Плеханов) и 3) «поколение марксистов..., когда европейский капитализм начал соскальзывать в пропасть первой мировой войны» (Ленин, Р. Люксембург, Р. Гильфердинг, Л. Троцкий, О. Бауэр, Е. Преображенский и Н. Бухарин)²⁹.

К представителям *постклассического* «западного марксизма», или т.н. «неомарксизма», автор «Размышлений...» отнёс известных в XX веке критиков капитализма ряда европейских стран (Г. Лукач, К. Корш,

²⁸Энгельс – Н.Ф. Даниельсону, 24 ноября 1894 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 272.

²⁹Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 11-36.

А. Грамши, В. Беньямин, М. Хоркхаймер, Г. Делла Вольпе, Г. Маркузе, А. Лефевр, Т. Адорно, Ж.-П. Сартр, Л. Гольдманн, Л. Альтюссер и Л. Коллетти), которые после большевистской революции в России не разделяли догм господствовавшего в СССР «марксизма-ленинизма»³⁰. По мнению Андерсена, все представители «западного марксизма» составляют «общую интеллектуальную традицию»³¹, которая, в свою очередь, опирается на «классическую традицию» в марксизме.

В собранном Андерсеном, охватывающем период времени в 130 лет, «гербарии» теоретиков, каждый из которых, живя в разных исторических условиях и при разных политических обстоятельствах, имел *свою*, «личную», биографию и *собственные* отношения с учением Маркса, *больше различий, чем общего*, а потому то, что он представил в виде «общей интеллектуальной традиции» никак не могло быть историей *одного*, сколь-либо *единого*, теоретического течения, к тому же называемого (западным) «марксизмом».

Английский историк даёт довольно точную характеристику неомарксизма. К его сущностным чертам он относит: а) «структурное отделение от политической практики»³², выразившееся в том, что теоретики неомарксизма «уединились в университетах, оторвавшись от жизни пролетариата своих стран, а теория ушла из политики и экономики в сферу философии...»³³, в силу чего «основным полем практического приложения методологических исследований стала эстетика или культурная надстройка в более широком смысле»³⁴, что «всем новым прорывам в теории вне эстетики... сопутствовал последовательный пессимизм»³⁵. Общий портрет «западного марксизма» у Андерсена выглядит так: «Метод как бессилие, искусство как утешение и пессимизм как покой – все эти черты нетрудно найти в облике западного марксизма»³⁶.

Казалось бы, при такой характеристике им «западного марксизма» Андерсен должен был признать, что предмет его интереса *противоположен* учению Маркса и Энгельса и представляет собой *не* марксизм, а *нечто иное*, ему глубоко *чуждое*. Но этого не произошло. Он продолжает рассматривать «западный марксизм» - этот конгломерат разных теоретиков и идей - как *продолжение* классической традиции. Такое возможно лишь при искажённом восприятии *учения самих Маркса и Энгельса*, игнорировании вопроса о

мировоззренческой основе этого учения и полном непонимании его сути, коей являются диалектический материализм как основной мировоззренческий принцип и материалистическая диалектика как *общенаучный* метод познания.

В представлении Андерсена марксизм это – прежде всего, «исторический материализм», или «теория истории»³⁷, а также «живая культура в Европе»³⁸, «течение внутри социализма»³⁹ и в то же время «всеобъемлющая теория общества»⁴⁰. Но если отталкиваться от работ самих Маркса и Энгельса, определения ими сути своего учения, то любое из этих определений марксизма британским историком может быть оспорено и без особого труда опровергнуто.

Появление *андерсеновской* «истории марксизма», созданной теоретиком «новых левых», стало своеобразным вызовом для английских коммунистов. Выпускник Кембриджа, профессор истории Лондонского университета и член Группы историков Коммунистической партии Великобритании (Communist Party Historians Group) Эрик Хобсбаум (1917-2012), известный российскому читателю по целому ряду книг⁴¹, «Эхо Марсельезы: взгляд на Французскую революцию два столетия спустя» организовал в конце 70-х – начале 80-х гг. издание «Истории марксизма»⁴², в подготовке которой, по его словам, кроме членов компартий Италии, Англии и Франции, приняли участие также «левые социалисты» и даже буржуазные авторы. Эта «История...» вышла в 4-х томах: «Марксизм во времена Маркса», «Марксизм в эпоху II Интернационала», «Марксизм в эпоху III Интернационала» и «Марксизм сегодня».

Как редактор «Истории марксизма» Хобсбаум написал «Вступление» ко всему изданию, которое опубликовано в первом томе издания. О понимании и трактовке Хобсбаумом марксизма можно судить по его следующим словам: «марксизм – это структура по-

³⁰Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 37-61.

³¹Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 6.

³²Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 41.

³³Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 103.

³⁴Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 104.

³⁵Там же.

³⁶Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 104.

³⁷Андерсен П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 7, 8, 11, 16.

³⁸Там же. С. 57.

³⁹Там же. С. 235.

⁴⁰Там же. С. 237.

⁴¹Хобсбаум Э. Эхо марсельезы. Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет М., 1991; Он же. Век революции. Европа 1789-1848. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1999; Он же. Век капитала. 1848-1875. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1999; Он же. Век империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1999; Он же. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., Изд-во Независимая газета. 2004.

⁴²В 80-е годы эта работа переводилась и переиздавалась на нескольких европейских языках. Первый русский перевод «Истории марксизма» под редакцией Э. Хобсбаума вышел в 1981-1986 гг. под грифом ДСП тиражом менее 500 экземпляров и в свободную продажу не поступал. В настоящее время существует электронная версия русского перевода первых двух томов этой «Истории марксизма».

стоянно живой мысли, и её преемственность в основном сохраняется со времён Маркса и Энгельса и даже после завершения их деятельности»⁴³. Заявленная здесь им мировоззренческая позиция в отношении марксизма рождает противоречивость его последующих суждений. С одной стороны, он считает, что «марксизм – это теория, имеющая самые глубокие практические корни, которая более других на деле повлияла на историю современного мира, и в то же время – это метод объяснения и изменения мира». Все правильно, но здесь не хватает главного – характеристики этого «метода объяснения и изменения мира», указания на особенности *диалектико-материалистической* гносеологии Маркса и Энгельса. И не хватает не случайно, поскольку сам Хобсбаум, что видно из многих его исторических работ, ею не владеет. Поэтому, с другой стороны, в понимании и трактовке марксизма он, подобно Андерсену, придерживается точки зрения, признающей «множественность марксизмов» и заявляет, что «не существует единого марксизма, а имеется много марксизмов, зачастую, как это прекрасно известно, остро полемизирующих друг с другом до такой степени, что они не признают друг за другом право называться марксизмом», и потому настаивает на необходимости включения в *его* «Историю марксизма» *всех* концепций, «которые объявляют себя исходящими от Маркса или находящимися под влиянием его работ, включая и более отдалённые влияния, уводящие далеко за пределы деятельности самих мыслителей, называющих себя марксистами, движений и институтов, провозглашающих себя марксистскими».⁴³ При такой общей методологической установке редактора издания не удивительно, что в этой «Истории...» ревизионисты-бернштейнианцы отнесены к марксистам.

В конце концов, подготовленная Хобсбаумом и приглашёнными им авторами «История марксизма» получилась столь же эклектичной и сюрреалистичной, как и у П. Андерсена. Статьи, посвящённые разным теоретикам прошлого, как тем, кто утверждал, что «исходил от Маркса», так и тем, кто просто находился «под влиянием его работ», написаны авторами этой работы с какой угодно, но только не с мировоззренческой позиции Маркса и Энгельса. Позиции, на которой всецело стоял такой выдающийся марксист, как Ленин. И, видимо, не случайно, что во втором томе «Истории марксизма», который охватывает историю марксизма во времена II Интернационала и где мы встречаем статьи о Каутском, Плеханове, Р. Люксембург, Бернштейне и даже русском народничестве и «легальном марксизме», нет ни одной статьи о большевизме и Ленине. Отношение к идейно-теоретическому наследию создателей марксизма, что у Андерсена, что у большинства авторов статей из «Истории марксизма» Хобсбаума, аналогично отношения к нему большевиков-эмпириокритиков. То есть, говоря словами Ленина «читать – читали и переписать – переписали, а что к чему, не поняли».

С распадом СССР теоретическое пространство на его территории очистилось от официальной, также носившей по отношению к учению Маркса и Энгельса *ревизионистский* характер, «марксистско-ленинской» идеологии и повеление о «многих и разных марксизмах» нашло себе место в постсоветской России в среде левых интеллектуалов, полагающих себя «тоже-марксистами». Подобно Андерсену или Хобсбауму, эти люди, в основном, принадлежали столичной, прежде всего московской и питерской, университетской и академической среде. Они были и остаются представителями «академического марксизма».

В 2005 г. *последовательно* «левый» всегда и во всем, что ему, безусловно, делает честь, и в политических поступках, и взглядах Б. Ю. Кагарлицкий, который ещё в советском прошлом сотрудничал с редакцией журнала “NewLeftReview” и, возможно, поддерживал личные отношения с П. Андерсеном, издал нужную сегодня книгу «Марксизм: не рекомендовано к обучению». Нужную именно потому, что в постсоветской, внешне либерально-буржуазной, а по содержанию буржуазно-консервативной, России марксизм «не рекомендован к обучению». В то же время в понимании марксизма Кагарлицкий следует, в основном, П. Андерсену.

В первый раздел книги под названием «Классический марксизм», кроме Маркса и Энгельса, с именами которых всегда ассоциировалось выражение «классический марксизм», Кагарлицкий без всяких необходимых в данном случае пояснений включил не только «эпигонов и новаторов» (К. Каутский, Э. Бернштейн, Г. Плеханов), Ленина, но сверх того – ленинизм в лице Сталина, Бухарина и Зиновьева, «советский марксизм» и, конечно, «западный марксизм», составленный им из троцкизма, Г. Лукача, А. Грамши, «франкфуртской школы», Ж.-П. Сартра и Л. Альтюссера. Затем свой «гербарий марксизмов» Кагарлицкий дополнил разделом «Восточноевропейский «ревизионизм», в который он поместил ряд левых восточноевропейских оппонентов «марксизма-ленинизма» в лице поляка Л. Колаковского, венгра Я. Корнаи, чеха О. Шика, группу «Праксис» из Загреба, а также отечественный «критический марксизм» из «советских «шестидесятников» (Э. Ильенков, М. Гефтер, Г. Водлазов, М. Лифшиц) и следующего за ними поколения «критических марксистов», назвав такими А. Тарасова, А. Бузгалина, А. Колганова и самого себя.

Как и историк Андерсен, выпускник ГИТИСа Кагарлицкий хорошо, вплоть до эмпирических подробностей, знает историю социалистического движения и биографии связанных с ним политических деятелей и теоретиков. Будто солидаризуясь с Лениным, он говорит, что поколение «эпигонов марксизма» в лице Каутского, Бернштейна, Плеханова и их учеников, «очень хорошо прочитали, но не всегда поняли то, что написали Маркс и Энгельс»⁴⁴. Ему также известна оценка Лениным Бухарина как такого «марксиста», который «никогда не учился, никогда не понимал диа-

⁴³<https://coollib.com/b/422021>

⁴⁴Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано к обучению. М., 2005. С. 42.

лектики»⁴⁵. Он, как и Андерсен, считает, что «метод анализа, постановка вопроса и тематика исследования у «франкфуртцев» разительно отличается от того, что было привычным для классического марксизма»⁴⁶. Но он не заостряет вопроса о мировоззренческой сути марксизма и не даёт определённого ответа о наиболее существенном в точке зрения Маркса и Энгельса. Поэтому при отсутствии чётко очерченного мировоззренческого основания для *отделения учения Маркса от его многочисленных и ему чужеродных интерпретаций*, где это учение *существенно* искажено и превращено в «марксизм», его эклектичный набор из «многих и разных марксизмов», как и в других случаях, оказывается *конгломератом* очень разных и зачастую друг другу противоположных теоретических систем, большая часть которых имеет *поверхностное* отношение к учению Маркса.

Заимствованное Кагарлицким из «западного марксизма» поветрие о существовании «многих и разных марксистов» было воспринято другими представителями поколения «критических марксистов». В рецензии на книгу «Марксизм: не рекомендовано к обучению» А. Колганов в полном согласии с ее автором утверждает, что «наряду с классическим марксизмом, более или менее знакомым тем из нас, кто учился в советское время, существует и развивается широкий поток постмарксистской социалистической мысли, образующий множество школ и направлений. И этот марксизм, к сожалению, неизвестный большинству из тех, кто считает себя марксистом (и даже образованным марксистом), совершенно необходимо знать, чтобы разбираться в социалистической теории на современном уровне»⁴⁷.

Всем, не только *желающим* «быть марксистами», но обязанным по роду своей профессиональной деятельности быть *объективным* в своей работе исследователя, прежде чем кого-либо записывать в «марксисты», в последователи учения Маркса и Энгельса, необходимо чётко установить реальное отношение между мировоззрением «желающего» и миропониманием создателей марксизма. И это нужно делать каждый раз не оптом, а в розницу, поштучно и персонально.

Для иллюстрации сказанного возьмём двух крупных деятелей международного рабочего движения – социалиста Каутского и коммуниста Лукача – и попробуем определить объективное отношение между диалектико-материалистическим мировоззрением создателей марксизма и взглядами этих теоретиков.

Итак, Каутский. Энгельс пишет Бебелю о том, что Каутский (1854-1938) «не в состоянии сделать ничего» тогда, когда тот уже был главным редактором первого теоретического журнала европейской социал-демократии “Die Neue Zeit” («Новое время») и для

многих приобрёл статус видного «теоретика марксизма». Однако Энгельсу, который до конца своей жизни всячески поддерживал усилия своего молодого ученика в освоении марксизма, ради этого читал и рецензировал его некоторые работы, внешний имидж того как успешного «марксиста» не мешал видеть теоретические *изъяны* в мировоззрении Каутского. Весной 1883 г. он пишет Бернштейну (1850-1932): «Каутский прислал мне вторую часть своей работы о браке, в которой он опять хочет протащить контрабандой общность жён как вторичное явление. Но это не пройдёт... Несчастье Каутского в том, что вместо того, чтобы сложные вопросы превращать в простые, он, наоборот, усложняет простые. И потом, если так много пишешь, нельзя дать ничего путного»⁴⁸. Последняя фраза Энгельса здесь не случайна, поскольку Каутский рос в *той* Германии, где уже процветало «высокопарное пустозвонство», и, идя «в ногу со временем», в занятиях наукой он был более плодовит, чем добросовестен.

Теоретическое легкомыслие Каутского проявлялось как в его собственных трудах, так и тех авторов, чьи статьи он печатал в «Neue Zeit». Внимательно следивший за всем, что происходило в немецком рабочем движении, его социал-демократической партии, Энгельс летом 1884 г. пишет Каутскому: «В «Neue Zeit» все ещё происходит нечто странное. иначе, наверное, не позволили бы мудрому Шиппелю говорить о «теории Родбертуса - Маркса», а также о вещах, которые «стали известны со времени Родбертуса», и все это без редакционного примечания. Немцы в самом деле уж очень опустили, если до сих пор не понимают, что все, что Маркс имеет общего с Родбертусом, - это только «уравнительное применение рикардовской теории», о чем Маркс говорит в «Нищете»...»⁴⁹. Спустя неделю узнав от Каутского о трудностях с изданием «Neue Zeit», Энгельс отвечает ему: «В том, что “NeueZeit” перестает выходить, для партии нет никакой беды. Чем дальше, тем яснее становится, что подавляющее большинство *писательствующих* членов партии в Германии состоит из оппортунистов и пролаз, которые при законе против социалистов – как бы он ни был неприятен для них в денежном отношении – в *литературном отношении* чувствуют себя превосходящими... Люди, принципиально не желающие ничему учиться и только фабрикующие литературу о литературе и по поводу литературы (девять десятых современных немецких писаний сводится к писанине по поводу других писаний, производят, конечно, больше печатных листов в течение года, чем те, которые хотят кое-чему научиться и писать о чужих книгах лишь в том случае, если они: 1) изучили их и 2) если в них вообще содержится что-либо стоящее»⁵⁰.

Не справившись с материалистическим пониманием истории и материалистической диалектикой, Каутский относился к марксизму как «догме», которую достаточно заучить. Летом 1884 г. он прислал Энгель-

⁴⁵Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано к обучению. С. 57.

⁴⁶Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано к обучению. С. 63.

⁴⁷Колганов А.И. Неизвестный марксизм // «Альтернативы», 2006, № 3. С. 165.

⁴⁸Энгельс – Э. Бернштейну, 1 марта 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 35. С. 375.

⁴⁹Энгельс = К. Каутскому, 11 июля 1884 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 151.

⁵⁰Энгельс – К. Каутскому, 19 июля 1894 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 152 – 153.

су для просмотра начало своей статьи «Капитал» Родбертуса». Письмом от 26 июня Энгельс сделал ряд замечаний, которые фактически указывали на неумение Каутского *материалистически* объяснить предмет своего научного интереса. Среди прочего Энгельс писал тогда: «(1) Нельзя так отрывать *земледелие* и *технику* от политической экономии, как это получается у тебя на страницах 21 и 22. Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина механический ткацкий станок неразрывно связаны с капиталистическим производством, как и орудия дикаря и варвара – с *его* производством. Орудия дикаря обуславливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия – капиталистическое общество. Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только *теперь* определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства... Но вот что следовало бы показать: каким образом средства производства, которые в более ранние периоды, включая простое товарное производство, господствовали лишь в очень незначительной мере по сравнению с нынешними, дошли до современного деспотического господства; твоё объяснение мне кажется недостаточным, потому что ты не упоминаешь об одном полюсе: об образовании такого класса, который сам не имел более никаких средств производства, а значит – и никаких средств к жизни, и, следовательно, должен был продавать себя в розницу»⁵¹.

Туманное представление Каутского о материалистическом понимании истории, его неспособность *материалистически* объяснять рассматриваемые им предметы, проявились в его работах по истории социалистической мысли. Затевая *втайне* от Энгельса исследование «Предшественники новейшего социализма», пригласив для участия в нем Бернштейна и Лафарга, Каутский, из-за вставших перед ним трудностей методологического порядка, вынужден был, все-таки, обратиться за помощью к Энгельсу и сделать ему *запоздалое* приглашение быть соавтором в этой работе. В марте 1895 г. он выслал Энгельсу для просмотра свою часть книги «От Платона до анабаптистов».

Отказавшись, разумеется, от сделанного ему «задним числом» и потому неприличного предложения стать соавтором, Энгельс добросовестно, как всегда и во всем, прочёл присланный ему труд. Оценив его как «первоначальный набросок», на основе которого в последующем будет необходимым «подготовить переработанное издание, отвечающее всем требованиям», Энгельс указал Каутскому на его *две* «главные» теоретические ошибки.

1. Недостаточное исследование развития и роли деклассированных элементов эпохи феодализма, из которых позднее формировался «тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества». Энгельс писал: «Такое

исследование является нелёгким делом, но это *главная основа*, потому что постепенно, с распадом феодальных связей из этих элементов образуется тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию... Ты говоришь о пролетариях – выражение неподходящее – включаешь сюда ткачей... но ты можешь причислить их к своему «пролетариату» только после того, как появились деклассированные, стоящие вне цехов ткачи-подмастерья и лишь *поскольку* таковые появились»⁵². Здесь Энгельс фактически указал Каутскому на отсутствие у него *достаточного* объёма конкретно-исторических, эмпирических, знаний и замене их *общим, абстрактным* представлением о пролетариате, что уже означало отход от материалистического понимания истории, предпосылками которого являются живые и эмпирически наблюдаемые индивиды, а также условия их жизни.

2. Недостаточный учёт международного экономического положения Германии в конце XV века на мировом рынке, объясняющее почему «буржуазно-плебейское движение в религиозной форме, которое в Англии, Нидерландах, Богемии потерпело поражение, могло в XVI веке в Германии иметь *известный* успех: это успех его *религиозной формы*, тогда как успех буржуазного содержания относится к следующему столетию и к странам, расположенным на возникших к тому времени новых направлениях мирового рынка, – Голландии и Англии»⁵³. Здесь Энгельс обратил внимание Каутского на его неумение отличить «религиозную форму», сознание (!) революционных плебеев в Германии 1525 г. от политической практики (содержания) *буржуазных* революций XVII века. Взявшись писать историю социалистической «мысли», Каутский не изучил в достаточной мере её *материалистическую* базу и привнёс, тем самым, в изучение этого предмета изрядную порцию «идеалистической гнили».

К этому нужно добавить, что Каутский не последовал совету Энгельса переработать первое издание своей работы. Более того, при публикации своей переписки с Энгельсом он опустил в письме от 21 мая 1895 г. замечания того на книгу, в результате чего этот, по определению Энгельса, «первоначальный набросок» стал считаться *классикой* марксизма и образцом марксистского исторического исследования. В СССР от этой работы Каутского вместе с её методологическими ошибками, обусловленными влиянием на него «идеалистической гнили», на протяжении полувека оттачивались академик В.П. Волгин и его школа историков социалистической мысли. Это заблуждение было преодолено лишь в 80-е гг. прошлого столетия⁵⁴.

⁵¹Энгельс – К. Каутскому, 26 июня 1884 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 146.

⁵²Энгельс – К. Каутскому, 21 мая 1895 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 397-399

⁵³Энгельс – К. Каутскому, 21 мая 1895 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 399-400.

⁵⁴ Штекли А.Э. Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках» (1895) // История социалистических учений. М., 1981. Мухачев В.В. Домарк-

Как можно после всего этого *безоговорочно* связывать Каутского-теоретика с учением Маркса и Энгельса?

Довольно точная и объективная оценка личности Каутского, в т. ч. отношения его теоретических взглядов к марксизму, содержится в комментариях Л. Троцкого, написанных им к опубликованной в 1935 г. Каутским его переписки с Ф. Энгельсом. В них Троцкий писал о социалисте-рenegате: «...его марксизм имел по существу академический, созерцательный характер... Его операционным полем оставался всю жизнь письменный стол. Уличные события он воспринимал как помеху. Популяризатор доктрины, истолкователь прошлого, защитник метода – да; но не человек действия, не революционер, не наследник духа Маркса и Энгельса». В другом месте этой статьи Троцкий делает ещё одно справедливое замечание: «Из переписки совершенно очевидно, что не только в политической, но и в теоретической области между учителем и учеником всегда оставалась незримая перегородка. О работах Франца Меринга или Георгия Плеханова Энгельс, вообще скупой на похвалы, отзывался иногда с восторгом (“Ausgezeichnet!”). Каутского он одобряет всегда сдержанно, а под критикой его чувствуется отенок раздражения»⁵⁵.

«Незримой перегородкой» между учителем и учеником было то, что защита Каутским метода, о чем пишет Троцкий, носила формальный характер, поскольку сам Каутский им пользоваться не умел. Последнему в значительной степени мешала торопливость и связанная с этим недобросовестность при сборе фактического материала, подлежащего анализу материалистической диалектикой.

Теперь кратко остановимся на действительном отношении к марксизму крупного пролетарского теоретика, коммуниста, Д. Лукача (1885-1971), которого российский исследователь С. Земляной представляет как «гениального марксистского теоретика XX века, ставшего одним из основоположников т.н. «неомарксизма», или «западного марксизма», а его статьи 1919-1922 гг., собранные Лукачем в книге «История и классовое сознание» (Берлин, 1923) – как «ключевое для всей левой мыслительной традиции XX века произведение», в котором содержится «метамарксистская концепция марксизма, составившая эпоху в осмыслении теоретического наследия Маркса»⁵⁶.

Наверняка, сам Лукач, широко образованный человек и по-настоящему крупный мыслитель, который не нуждается в излишнем славословии, вряд ли, согласился бы с такой пафосной оценкой его стремления «стать марксистом», которое возникло у него ещё

в гимназические годы и не исчезало до самой смерти. По крайней мере, в «Предисловии (1967)» к «Истории и классовому сознанию» он честно и открыто говорит о свойственной ему в военные и первые послевоенные годы «внутренне противоречивой амальгаме в теории»⁵⁷, о «внутренне противоречивом дуализме» его политических и философских воззрениях того времени⁵⁸, наконец, о том, что эта его книга в целом была «направлена против оснований онтологии марксизма», поскольку отражала «тенденцию к пониманию марксизма исключительно как учения об обществе, как социальной философии, к игнорированию или отбрасыванию присущего марксизму отношения к природе»⁵⁹. Почему Земляной все это не услышал (или не захотел услышать) – отдельный вопрос, который, скорее всего, связан с его представлением о существовании некоей, от материалистического понимания истории и, следовательно, учения Маркса и Энгельса далёкой, «метамарксистской концепции марксизма».

Что же касается Лукача, то его признание в том, что «История и классовое сознание» была объективно, независимо от его стремления «стать марксистом», направлена против *оснований* «онтологии марксизма», поскольку сводила марксизм исключительно к учению об обществе и игнорировала присущее взглядам Маркса и Энгельса (материалистическое!) отношение к природе, говорит лишь о том, что в те годы он был ещё на «пути к Марксу», о чём он сам и пишет в первых строках «Предисловия» 1967 года. Очевидно, что автор «История и классовое сознание» имел «не вполне марксистские взгляды». Понятна и основная тому причина – Лукач долгое время до того, как начать свой «путь к Марксу», под влиянием идеалистических мыслителей, от Гегеля до Г. Зиммеля и М. Вебера и поэтому на первых порах воспринимал марксизм через идеалистические «очки», от которых долго и с трудом избавлялся.

Известно, что в последние годы жизни Лукач работал над важной для его миропонимания работе «К онтологии общественного бытия»⁶⁰. Избавился ли в ней полностью от идеалистических «грехов» своей молодости – вопрос, на который следует дать обстоятельный, хорошо аргументированный, ответ прежде чем сказать, что он не только желал, но и сумел стать марксистом.

Приведённых примеров с Каутским и Лукачем вполне достаточно, чтобы признать теоретическую ценность замечания Ленина, адресованного им большевикам-эмпириокритикам, что, в отличие от них, Ф. Меринг не только «желал, но и умел быть марксистом». Этим замечание должны руководствоваться как те, кто в наше время «желает быть марксистом», так и те, кто готов без должных к тому оснований всех *желающих* принять и объявить «марксистами».

совский социализм: сущность и генезис. Свердловск, 1987.

⁵⁵<https://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1935/19351015.html>

⁵⁶ Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 8, 12-13.

⁵⁷ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 71.

⁵⁸ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 75.

⁵⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 77.

⁶⁰ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.

КЛЕРИКАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СВЕТЕ ИДЕЙ В.И. ЛЕНИНА О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

В.П. Огородников

*Доктор философских наук, профессор,
почётный профессор Петербургского
университета путей сообщения*

В статье «Социализм и религия» (1905) раскрывая и вместе с тем развивая учение К. Маркса о сущности религии, В.И. Ленин, писал:

«Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленной вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на скольконибудь достойную человека жизнь»¹

Мысли эти, написанные 115 лет тому назад, как нельзя актуальны для современной России уже 30 лет томящейся под гнетом криминального компрадорского капитала.

При этом, если капитализм с момента его зарождения в Европе был новой и, несомненно более прогрессивной формой производства, то российский вариант реставрации капитализма не стал даже и капитализмом в собственном смысле этого слова, ибо с самого начала наши «предприниматели» обогащались не за счёт развития производства, а за счёт разграбления, «приватизации» национальных богатств, всего того, что было создано народом за 74 года Советской власти. Мало того, после разрушения СССР Россия превратилась в колонию по основным ее признакам — вывозу из страны природных богатств, разрушению собственных производств и ввозу товаров (колониальных) из-за рубежа.

В связи с этим, собственно капиталистических отношений в рамках национального производства практически не возникло. Существующие в современной России внутренние отношения гораздо более напоминают феодализм с центральной царской властью, князьями-вассалами, «отстёгивающими» царю часть ренты...

История всех государств показывает — возвышение церкви, усиление её власти, происходит именно

в период становления феодальных отношений в производстве. В это время церковь и государство образуют единую машину подавления и эксплуатации трудящегося населения, прежде всего - крестьянства. В средневековой России церковная власть стояла выше светской, руководила ею, духовенство участвовало во всех важнейших государственных делах.

Но в позднем феодализме возрастание производительности труда за счёт совершенствования техники и технологии дошло до той граничной меры, за пределами которой дальнейшее развитие производительных сил уже не могло осуществляться в рамках старых производственных отношений. Качественно возросла и независимость человека от природы. Эти обстоятельства подготовили первые буржуазные революции, сопровождающиеся объективным снижением роли церкви в управлении государством, секуляризацией церковных земель, Реформацией католицизма.

Нечто похожее происходило и на Руси. Уже первый царь, Иван Грозный (1530—1584) — весьма отрицательно относился к вмешательству духовенства в государственные дела. В письме Курбскому он заявил: «Ты считаешь светлостью благочестивою, когда государство обладает попом невеждою? Но царство, обладаемое попом, разорется ...»².

Российское государство окончательно подчиняет себе Церковь в лице Петра Великого (1672 — 1725). При Екатерине II церковные вотчины были отобраны в казну (1784 г.), перечислены в собственность казны. Была произведена секуляризация церковных имуществ.

Однако реакционные круги, ясно понимая, что единство царского государства и Церкви есть оплот самодержавия, вплоть до Октября 1917 производят попытки вернуть церкви и религии ведущее место, восстановить их былое единство с государством. Вспомним, к примеру, знаменитый девиз «общенациональной идеи» министра народного просвещения при Николае I С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность».

Сегодня русская православная церковь пытается осуществить ренессанс веры и церкви как путь возвышения духовности населения.

В чем же приметы этого? Может быть, в растущей по экспоненте преступности? По данным МВД РФ, в России ежедневно совершается 7 500 преступлений. От преступников погибают более 50 000 человек в год и ещё 100 000 гибнет от наркотиков! Это данные официальной статистики, а по самым осторожным оценкам, число латентных (скрытых) преступлений более чем в 7 раз превышает число зарегистрированных.

Патриарх всея Руси Кирилл в своём Рождественском послании к православным 2013 г. вынужден был признать, что «общество, построенное на принципах наживы, вседозволенности, неограниченной свободы, пренебрежения вечными истинами, отрицания автори-

¹В.И. Ленин «Социализм и религия». Полн. собр. соч., 5 изд., т. 12, с. 142—147.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. III М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков, «Фолио», 2001. С. 67

тетов, нравственно нездорово и ему угрожают многие опасности».

Здоровье душевное, как известно, находится в прямой связи со здоровьем телесным. По качеству жизни (потребление, здоровье, образование, безопасность) Россия скатилась на 75 -е место в мире (данные ООН). Тогда как по данным той же ООН, народы СССР по уровню и качеству жизни в 1985 году находились на 10-м месте в мире.

Проводящиеся реформы образования и науки кажется специально ориентированы на ликвидацию и того и другого. Клерикализация всей системы образования и воспитания ярко проявляется во всё более глубоком проникновении не любых конфессий а, прежде всего, русской православной церкви в систему светского образования. Начинается всё с 1 сентября, пришедших в школу детишек обязательно приветствует и наставляет священник. На выпускном школьном торжестве – опять священник. Он же один из первых поздравляет молодёжь, пришедшую в институт. Летний отдых детей также не обходится без служителя церкви. Дело доходит до того, что в некоторых государственных «пионерских» лагерях новоприбывших первым делом крестят.

В феврале 2008 года было опубликовано Открытое письмо представителей научной общественности к президенту РФ с протестом против плана введения в школах курса «Основы православной культуры». К середине апреля письмо подписали более 1 700 человек, из которых более 1 100 имеют учёные степени (кандидаты и доктора наук).

Протесты возымели некоторое действие - с 1 сентября 2012 года — во всех регионах России читается курс «Основы духовно-нравственной культуры народов России», включающий:

- «Основы православной культуры»
- «Основы исламской культуры»
- «Основы буддийской культуры»
- «Основы иудейской культуры»

А как же «Адвентисты Седьмого дня», «Свидетели Иеговы», «Мормоны», «Церковь Третьего Завета», церковь «Новое поколение», «Новоапостольская церковь», «Российская церковь сатаны», культ Кастанеды Карлоса и ещё 91 религиозное объединение действующее на территории Санкт-Петербурга? Где же плюрализм как главный Фундамент демократии, господа?

Вместе с тем, наряду с введением нового курса в школах пересматривается (под явно клерикальным курсом) содержание и сущность классических школьных курсов. Дело касается не только гуманитарных предметов, но и биологии, физики, химии.

В одном из своих выступлений Патриарх Кирилл заявил, что современная синтетическая теория эволюции «входит в противоречие с христианским мировоззрением». И вот уже вышел новый учебник по

биологии для 10-11 классов («Общая биология» для 10-11 классов (М.: Свято-Троицкая Лавра. 2008), где утверждается (естественно, без всяких аргументов), что Земля и все биологические виды были созданы лично Богом за шесть дней.

И неважно, что это противоречит данным современной геологии и археологии, теории и практике генетики популяций. Аргументы автора учебника С.Ю. Вертьянова (по странности он - кандидат физико-математических наук) непререкаемы: "Косвенным доказательством того, что в безгрешном мире взаимоотношения между существами были мирными, являются жизнеописания святых. Преподобному Герасиму Иорданскому в пустыне служил лев, к преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому без страха приходили лесные звери. Согласно Писанию, в будущей жизни, которая наступит после второго пришествия Христа, хищники обретут первозданное состояние «и пастись будут вкупе волк со агнцем, и рысь почитет со козлищем... и вол и медведь вкупе пастись будут, и вкупе дети их будут, и лев аки вол есть будет плевы (травы — С.В.)» (Ис. 11,7).» Интересно, что учебник трижды проходил рецензирование экспертами РАН и получил отрицательное заключение как не соответствующий современным научным представлениям в области биологии. Однако он был опубликован большим тиражом и используется в качестве учебного пособия в частных и государственных школах по сей день.

Клерикализм поглощает и вузы страны. Вот некоторые приметы этого процесса:

В Академии ракетных войск стратегического назначения открыт факультет православной культуры. Декан факультета — священник, прославился призывами громить секс-шопы и конкурирующие церкви. В Иркутском государственном университете уже девять лет действует факультет религиоведения и теологии.

В середине октября 2012 г. в ядерном университете МИФИ была открыта Кафедра теологии. Кстати, незадолго до этого в МИФИ произошла очень символическая история. Там перед визитом Патриарха поспешно демонтировали символ университета, памятник «Дорогу осилит идущий», и поставили вместо него православный крест, называемый сегодня «Крест на российской науке».

Апофеозом клерикализации науки выступает внесение в 2015 г. специальности «теология» в перечень научных дисциплин ВАК РФ...

По поводу клерикализации всех сфер социальной жизни России можно привести великое множество примеров, но уже приведённые показывают, что мы имеем дело с организованным, хорошо продуманным,

целенаправленным процессом. Каковы же цели организаторов?

Об этом также более ста лет назад хорошо сказал В.И. Ленин: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетённых. Поп должен утешать угнетённых, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без речательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»³.

Отсюда следует и задача борьбы не с религией, ни с церковью, а с основанием того и другого в обществе – с эксплуатацией человека человеком, с классовым господством. Необходимо, отмечал В.И. Ленин, - низвергнуть власть капитала, которая питает социальные корни религиозного одурманивания людей. Борьба с этой властью – вот первое условие борьбы против религии. «Из этого следует, – писал Ленин, – что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена её основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров»⁴.

Всеобщие мировоззренческие установки становятся методологией действия. Теологические установки – не исключение. И вот уже председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Попов («Единая Россия») считает, что треснувшую икону можно восстановить, если позволить верующим её целовать («Так вот, восемь сантиметров, это примерно мы посчитали, более миллиона приложенный было к этой иконе... Вот эта трещина срослась! Никто объяснить не может. Съездите, посмотрите эту уникальную икону...»). Мы лишимся значительной части нашего культурного наследия, если за сохранностью реликвий будут следить такие вот «специалисты».

Совсем недавно были приняты поправки в Конституцию РФ. Одна из поправок справедливо указывает на необходимость борьбы со всякого рода попытками исказить историческую истину, извратить логику истории.

В этом контексте и в связи только что прошедшим славным юбилеем – 75-тилетием Победы советского народа в Великой отечественной войне 1941–1945 гг., особое место занимает интерпретация сущности и самого процесса этой кровавой войны.

А как РПЦ интерпретирует эту историческую веху? Патриарх Кирилл ещё в 2009 году заявил, что Великая Отечественная война была наказанием за грех, «за страшный грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь, за кощунство и издевательство над Церковью, над святынями, над верой»⁵.

Выходит, что гитлеровские головорезы, прошедшие огнём и мечом по нашей земле, истребившие миллионы мирных жителей, были карающей десницей Бога?!

Но Патриарх на этом не остановился, и заявил, что советские воины шли в бой не со словами "За Родину, за Сталина!", а со словами "Господи, спаси и сохрани!" У автора этих строк дорогами Великой войны прошли и отец, и мать. Ни от них, ни от других ветеранов я, ребёнок Войны, воспитанный ещё молодыми её участниками, никогда такого не слышал.

Теология выступает сегодня основанием множества паранаучных «концепций». Одним из ярких примеров того, как можно соединить научные взгляды и религиозную догматику, выступает «метод развития невостребованных способностей человеческого организма» разработанный В.М. Бронниковым, уроженцем города Феодосии, ныне президентом созданной им и группой последовавших за ним единомышленников в 1994 году в Москве Международной академии развития человека (МАРЧ). Приведём лишь несколько цитат из одной его книги. "Бог триедин. Во всем надо искать триединство. Мы знаем неорганическое вещество, органическое вещество. А что вы знаете о третьем веществе? Такие явления, как информация, энергии, плазменные процессы и другие относятся к третьему веществу. <...> Все начинается с божественного триединства: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Бог Отец - это структурное вещество. <...> В человеческом организме есть три функции - подсознание, сознание и сверхсознание. <...> Сверхсознание – представитель плазменных процессов в человеке. Это свойство управления тонкоматериальными явлениями". "В настоящее время наукой открыты продольные волны, хрональные, лептонные, торсионные поля, созданы новые технологии и приборы механики третьего поколения, химии второго поколения. Познаны закономерности сверхсознания человека, биокомпьютера мозга и многое другое, но множество людей и не слышали об этом".⁶

Цитаты представляют концепцию Бронникова как эклектическую смесь религиозных догм и «научных» терминов, за многими из которых никаких научных открытий не стоит. Взять к примеру «торсионные поля». Постулировав их существования, некоторые шулеры от науки изобрели «вихревые генераторы» и даже как-то продали за немалые деньги проект Болгарии... В Интернете до сих пор гуляет статья трёх представителей так называемого «Международного научно-технического центра полезных нагрузок космических объектов» из подмосковных Мытищ, где рассказывается «о состоянии дел по разработке и про-

Божией Матери/ <http://www.patriarchia.ru> – Официальный сайт Московского Патриарха (дата обращения 13.10.2020)

⁶Начало. Информационный вестник Феодосийского Центра Развития Человека. 2000, №2, с.2

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 237

⁴ Там же. Т. 17. С. 421

⁵ Слово Святейшего Патриарха Кирилла за Божественной литургией в день праздника Владимирской иконы

изводству в СНГ так называемых вихревых теплогенераторов, которые обладают эффективностью (отношением вырабатываемой тепловой энергии к потребляемой электрической, или КПД) больше единицы. Сообщается о создании теплогенератора нового поколения, который проще, компактнее, мощнее и дешевле предшественника. Любой человек, осиливший школьный курс физики, без труда поймёт, что разработчики чудо-генератора «опровергают» ни больше ни меньше как один из основных законов природы – закон сохранения энергии. Это им известно, и они сетуют, что долгое время признанию их продукции мешало отсутствие теоретического обоснования, в результате чего устройство называли «вечным двигателем», что «подрывало доверие покупателей». Воистину «Информационное общество» на марше! Печально, что известный наш учёный, академик Н.П. Бехтерева на склоне лет, будучи больным человеком, «благословила» и поддержала изыскания Бронникова. Впрочем, Наталья Петровна выступала за научное изучение феноменов Ванги и Кашпировского, весьма лояльно относилась к откровенной мистике. Ничего тут не поделаешь – слаб человек, «на всякого мудреца довольно простоты» ...

Вообще-то все это – откат к Средневековью. Если наше школьное, да и вузовское образование пойдёт этим путём, то недалеко до того дня, когда молодёжь будет считать, что Земля в виде плоского диска покоится на трёх китах (вариант для дискуссии – на трёх слонах), а девизом образования станет известное изречение одного из отцов римской католической церкви Тертуллиана (160–220): «Нам после Христа не нужна никакая любознательность, после Евангелия не нужно никакого исследования». Это заявление представляло откровенную антисциентистскую позицию церкви. При этом отвергались и все разработанные античными мыслителями идеалы, нормы и методы научного познания. Главными «методами» познания на века становятся «откровение», ниспосланное «прозрение», религиозный экстаз и тому подобное.

Однако современные апологеты Тертуллиана пытаются интерпретировать его, например, таким образом: «Тертуллиан исходит из того, что, если мы говорим о Боге, мы не можем мерить Его нашими земными мерками, оценивать Его нашим человеческим умом. Бог превосходит наш ум. Сибирский валенок не может использовать свою простоту как инструмент для постижения компьютера. Если бы валенок мог мыслить, он должен был бы допустить, что компьютер не всегда ведёт себя так, как валенок. Между человеком и Богом разница несколько побольше, чем между валенком и компьютером». Автор этих строк, – баптистский проповедник родом из СССР, с 2005 года живущий в США, Новочехов (Цюкало), претендует на аутентичность понимания Бога. Но он нам рассказал о

той пропасти, которая разделяет Бога и человека. Значит, автор познал сущность Бога, перешагнул через пропасть? Но по его логике на это не может претендовать никто, кто «ниже» Бога! Как он вообще может рассуждать о сущности и существовании Бога, будучи человеком – «сибирским валенком»? Одно из двух: либо автор человек, и тогда он (по его же «доводам») не имеет права писать и рассуждать о Боге и даже судить о его существовании, либо автор равен или, страшно сказать, выше Бога, и тогда он нисходит к нам, "сибирским валенкам", чтобы объяснить (хотя это, по его мнению, абсолютно невозможно) свою божественную парадоксальную сущность. Практически все теологические писания и всевозможные онтологические, гносеологические и логические доказательства бытия Бога от Тертуллиана до наших дней заполнены подобными алогичными рассуждениями. Воистину «Верую, ибо абсурдно»!

Вера и аскеза – путь в пещеру, а не к человеческой целенаправленной и целесообразной деятельности. Идеал-цель науки – объективная истина. Идеал-цель веры – Бог, как его представляет человек. Поэтому напрасны были усилия Фомы Аквинского (1226–1274) и его современных последователей – неотомистов примирить веру и науку.

Теологизация образования – существенный детерминант деградации научного мировоззрения, свёртывания научно-технической революции и социального прогресса в России. А кому это нужно? На этот вопрос также дал ответ В.И. Ленин: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть только одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению должны — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетённые классы»⁷.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47

ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА В.И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА): АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ XXI ВЕКА

Г.С. Сергеев

*Соискатель кафедры политической
экономики экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Сегодня становится все более очевидным, что процессы 1) углубления международного разделения труда и интернационализации производства, под действием которых сформировался единый мировой рынок, и 2) технологических трансформаций, в результате которых наука превратилась в главную производительную силу человечества, не сопровождаются адекватными изменениями в глобальной системе социально-экономических отношений.

Более того, за последние несколько десятилетий реализация экономической политики рыночного фундаментализма в форме неолиберальной глобализации привела к тому, что в странах «ядра» капиталистического мирового хозяйства произошла деиндустриализация, а некоторые крупнейшие страны (полу)периферии (прежде всего Китай) приобрели значительное геополитическое и геоэкономическое влияние. Тем самым в глобальной капиталистической системе складывается ситуация, во многом схожая с ситуацией перед Первой мировой войной, что делает обращение к ленинской теории империализма сугубо актуальным¹.

Мы не ставим перед собой задачу дать здесь исчерпывающий анализ происходящей сегодня трансформации и реконфигурации мирохозяйственного устройства с позиций ленинской теории империализма. Основной акцент в данной статье будет сделан на теоретико-методологическом подходе В.И. Ленина к исследованию исторически развивающейся социально-экономической системы – глобального капиталистического хозяйства, сформировавшегося к началу прошлого века.

Напомним пять признаков империализма начала прошлого столетия, сформулированные Лениным: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового» капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами».²

Отметим, что важнейшей особенностью ленинской методологии является использование историко-генетического подхода, в рамках которого В.И. Ленин показывает «становление и развитие основных признаков и свойств империализма как генетический про-

цесс»³. Тем самым в ленинской теории империализма монополистический капитал выступает исходным и генетически-всеобщим производственным отношением «перезрелого» капитализма, что отражено Лениным в конкретно-всеобщем определении империализма как «монополистической стадии капитализма». Монополистический капитал приобретает ведущий, а затем и господствующий характер в системе производственных отношений, определяя направление и формы развития исторически и логически предшествующих категорий товарно-капиталистического производства (товар, стоимость, цена и др.). Происходит диалектическое переворачивание причины в следствие, которое, как отмечал Э.В. Ильенков, «характерно для всякого действительного развития»⁴. Здесь В.И. Ленин диалектически отрицает Маркса, точнее – продолжает там, где Маркс был вынужден остановиться. Впрочем, для В. И. Ленина суть марксизма всегда была не в том, чтобы не противоречить Марксу, а в том, чтобы не противоречить окружающей действительности.

На основании анализа громадного массива статистических данных Ленин доказывает, что к началу XX века происходит трансформация капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. Далее В.И. Ленин берёт классический тезис марксистской политэкономии о взаимодействии между производительными силами и производственными отношениями и анализирует, как это взаимодействие меняется в условиях развёртывания монополистического капитализма.

К началу XX века со стороны производительных сил происходит гигантское обобществление производства и труда. Такое обобществление характеризуется не только концентрацией и централизацией капиталов и производства, но и растущей взаимозависимостью между отдельными звеньями капиталистического хозяйства, которое приобретает глобальный характер. Тысячи предприятий в разных частях Земного шара начинают работать не на неизвестный им рынок, а по заранее обдуманному плану. Начинают развиваться отношения планомерности (пусть и в форме неполной планомерности, или «планомерности трестов», по выражению самого В.И. Ленина).

При этом уже Гобсон в начале XX века отмечал, что империализм выражает интересы капиталистических классов, причём не только и столько промышленников и торговцев, сколько «финансирующих капиталистов».⁵ Ленин прямо пишет, что прибыли от гигантского обобществления присваиваются финансовым капиталом («гениями финансовых проделок»). Таким образом, со стороны производственных отношений развитие монополистического капитала приводит к господству отношений финансового капитала как результата сращивания промышленного и банковского капитала.

По сути, в своих работах, посвящённых империализму, Ленин показывает, что в основании разделе-

¹ Бугалин А.В. Целостность ленинской теории и практики // Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. Под общ. ред.: А. В. Бугалина, Л. А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011. Стр. 438.

² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1973.

³ Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Издательство Московского университета, 1968.

⁴ Ильенков Э. В. Абстрактное и конкретное. Собр. соч. Т.1. М.: Канон+, 2019.

⁵ Гобсон Дж. Империализм: Пер. с англ. / Предисл. В.Б. Беленко. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

ния стран на «ядро» и «периферию» лежит диалектическое единство центростремительного процесса гигантского обобществления производства, в результате которого формируется единое мировое хозяйство, и центростремительного процесса монополизации производственных отношений в капиталистической форме, углубляющих разрыв между «горсткой» наиболее развитых империалистических держав и периферией мирового капиталистического хозяйства

Таким образом, Ленин показывает, что, с одной стороны, капиталистическое обобществление стягивает локальные экономические пространства в единое целое, втягивая их в орбиту капиталистического хозяйства. Однако господство финансового капитала неизбежно приводит к тому, что геоэкономическое пространство в резко очерченной форме поделено на «горстку» империалистических держав (теоретики мир-системного анализа много позже обозначат их «Центром» или «ядром» капиталистической мир-системы) и (полу)колониальную периферию. Тем самым Ленин развивает тезис классического марксизма: с развёртыванием отношений монополистического капитала противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения не только обостряется, но и принимает глобальный характер.

При этом внутри «горстки» империалистических держав существуют острее противоречия, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития в условиях капиталистического способа производства. Поэтому, несмотря на «тенденцию к солидаризации интернациональных капиталистических интересов»⁶, эти противоречия в конечном итоге приводят сначала к Первой, а затем и ко Второй мировой империалистической войнам за делёж (передел) геоэкономического пространства между национальными монополистическими группировками.

Рассматривая процесс развёртывания неолиберальной глобализации с позиций ленинской теории империализма, отметим, что неолиберальная глобализация также характеризуется диалектическим единством развития производительных сил и производственных отношений.

Прогресс производительных сил, прежде всего в сфере информационно-коммуникационных технологий, привёл к глобальному обобществлению производства и труда в форме глобальных производственных сетей, которые начали стремительно развиваться в результате массового переноса промышленного производства из стран «Центра» в страны периферии с низким уровнем оплаты труда.

Однако, со стороны производственных отношений, происходит усиление и углубление отношений глобального финансового монополистического капитала в форме процесса финансиализации.⁷ При этом стремительное «разбухание» финансового сектора во многом происходило за счёт сверхприбылей, получаемых транснациональными гигантами через различные

механизмы (сверх)эксплуатации трудящихся в странах периферии.^{8 9} Таким образом, формирование глобальной производственной системы (на основе глобальных производственных сетей, посредством которых осуществляется 80% мировой торговли) в результате качественно более высокого уровня обобществления производства привело к глобальной гегемонии стран «Центра» («коллективный империализм» в терминологии С. Амина¹⁰). По сути неолиберальная глобализация оказалась формой экономического раздела мира между крупнейшими монополистическими производственно-финансовыми конгломератами (ТНК), странами базирования которых являются наиболее развитые экономики мира во главе с США. По выражению В. Т. Рязанова, центр сегодня – «это глобальные финансы и чрезмерное потребление, а периферия – это глобальное производство и недостаточное потребление»¹¹.

Однако оборотной стороной формирования глобальной производственной системы стала стремительная индустриализация ряда крупных периферийных стран (Китай, Индия, Бразилия и др.), которая привела к «раскрестьяниванию» более одного миллиарда человек⁹. Противоречие между возросшей в результате глобального обобществления производства ролью КНР, ставшей по многим параметрам крупнейшей экономикой мира, и других (полу)периферийных стран в международных экономических отношениях, с одной стороны, и усилившимся в процессе становления и развития неолиберальной глобализации доминированием финансового капитала «триады» США, ЕС и Японии – с другой, приводит к возрастающей подвижности в расстановке сил внутри существующих международных политико-экономических блоков и вновь ставит на повестку дня вопрос об экономическом переделе геоэкономического пространства.

Тем самым обострение противоречия между всемирным обобществлением производства и его подчинением глобальному финансовому капиталу вновь возвращает мир к состоянию, близкому к состоянию перед Первой мировой войной. Глобальная капиталистическая система продолжает воспроизводить основанную на отношениях подчинения и эксплуатации центр-периферийную систему производственных отношений, характерную для империализма прошлого века. «Отношения господства и связанного с ним насилия, – пишет В. И. Ленин в начале прошлого века, – вот что типично для «новой фазы в развитии капитализма», вот что с неизбежностью должно было произойти и произошло из образования всемогущих экономических монополий»². Актуальность этого утверждения сегодня трудно переоценить.

⁸ Milberg W., Winkler D. Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

⁹ Smith J. Imperialism in the Twenty-First Century: The Globalization of Production, Super-Exploitation, and Capitalism's Final Crisis. Monthly Review Press, 2016.

¹⁰ Amin S. The Law of Worldwide Value. New York: Monthly Review Press, 2010. С. 32.

¹¹ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. С. 72

⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017.

⁷ Kotz D. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Harvard University Press, 2015. С. 32.

О ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ЛЕНИНА

Б.Ф. Славин

*Доктор исторических наук, профессор
Москва*

Исполнилось 150 лет со дня рождения Ленина - настоящего русского интеллигента, творческого марксиста и великого революционера, возглавившего в Октябре 1917 года самый радикальный поворот в истории человечества к новой жизни без лжи, эксплуатации и унижения людей труда. Ленин был основателем Российской социал-демократической рабочей партии большевиков и первого в мире Советского государства, провозгласившего строительство социализма в России. Эти факты давно стали достоянием истории и их невозможно из неё вычеркнуть, несмотря на бешеное злопыхательство современных политических пигмеев, считающих что Ленин был не «государственником», а революционером — разрушителем.

В истории России к Ленину относились по-разному. Было время, когда его ненавидели и на него клеветали верноподданные царя. Сразу после Октябрьской революции его "ученики" стали непомерно восхвалять Ленина, превращая великого революционера в икону. Это вызывало его частые публичные протесты. После падения СССР память о Ленине пытаются опорочить различные клерикалы, антикоммунисты, либералы и националисты. Они организуют и поощряют вандалов, низвергающих его памятники, снова и снова ставят вопрос о выносе его тела из Мавзолея. И хотя сам Ленин был против культа религиозного поклонения мёртвым, следует понимать, что его Мавзолей уже давно стал памятником мировой культуры, к которому идут миллионы людей отдать долг памяти человеку, положившему свою жизнь за интересы трудящихся, за осуществление идеалов свободы, правды, справедливости и гуманизма.

Что было характерным в личности Ленина?

Он был учёным в революции и революционером в науке и жизни. Эти качества выгодно его отличали от других лидеров, стоявших во главе РСДРП. Почти на всех его работах лежит печать неортодоксального, творческого марксизма. Если Георгий Плеханов был ортодоксом, распространителем и охранителем марксизма, то Ленин каждый раз по мере изменения действительности совершенно по-новому ставил и решал известные вопросы, будь то понимание исторической роли русской общины, рынка, империализма или революции.

Что же определяло творческую сторону ленинской мысли?

Думаю, свойственный ему диалектический метод анализа действительности, унаследованный от Маркса и Гегеля. Его известные афоризмы о конкретности истины и о том, что нельзя понять логику «Капитала», не поняв логики Гегеля, можно отнести и к творчеству самого Ленина. Нельзя понять его труды, не зная метода на основе которого они писались. Этот метод, сжато описанный им в работе «К вопросу о диалектике», ставил во главу угла не схемы и мифы,

которыми во многом сегодня грешат некоторые лидеры "левой оппозиции", а практику живой жизни. Ленин, как никто другой, умел находить и выделять в окружающей обстановке тот единичный элемент, который в будущем становился доминирующим и всеобщим. Так Ленину удалось открыть в первых Советах рабочих депутатов прообраз будущей политической системы. Он увидел новые качества кооперации и госкапитализма в условиях Советской власти, а также настоял на использовании буржуазных чиновников и специалистов в интересах рабочего государства.

Антидогматизм Ленина, порой, поражает. Даже из собственных ошибок, он извлекал научную пользу. Так из ошибочного бойкота царской Думы он сделал вывод о необходимости использования буржуазного парламента как трибуны, связывающей революционную партию с массами, из неудачного наступления Красной Армии на Варшаву он развивает концепцию о невозможности экспорта революции, из тупиковости политики «военного коммунизма» рождает и осуществляет идею НЭПа. Вся его работа «Детская болезнь левизны в коммунизме» построена на творческом осмыслении подобных ошибок в стратегии и тактике большевиков.

Современные «критики» Ленина пытаются его представить апологетом насилия, эдаким кровожадным монстром. На самом деле, будучи волевым человеком, он видел в насилии далеко не единственное средство политики. Мало того, как в случае с Брестским миром, он считал «странным и чудовищным» прибегать к насилию в тех случаях, когда мирные средства, в частности переговоры и дипломатия, могут дать действенный результат. Да, Ленин требовал высылки учёных и философов из страны, но это относилось только к тем деятелям, которые вели после 1917-го года активную идейную борьбу с Советской властью. Да, он отдавал приказы о конфискации церковных ценностей, но делал это ради ликвидации голода в Поволжье, ради спасения от смерти миллионов простых людей. Но разве аналогичные действия не предпринимали другие политики? Разве Пётр I в своё время не отдавал приказы о снятии церковных колоколов для нужд войны, разве Николай II не ссылал в Сибирь российских социал-демократов только за то, что они отказывались вотировать за военные кредиты и вели пропаганду социализма среди солдат?

Конечно, Ленин не был пацифистом, но не был он и человеком, исповедующим культ силы. Он никогда не считал, что конечная цель оправдывает любые средства её достижения. По его мнению, в политике цель всегда должна иметь адекватное, а не любое средство достижения.

Не отвлечённые идеи, а практика была для Ленина критерием истины. Она подсказала ему, в частности, необходимость создания профессиональной Красной армии в годы гражданской войны, отказ от методов политики «военного коммунизма» в условиях мирного времени, она помогла ему под влиянием Кронштадтского мятежа и личных встреч с крестьянами прийти к важ-

нейшему теоретическому выводу о сохранении рыночных отношений в условиях неразвитости страны.

В конечном итоге, диалектический разум Ленина сумел разрешить, казалось, неразрешимую историческую загадку: как в отсталой капиталистической стране строить и построить социализм.

В этом отношении существовали две идейно противоположные позиции: одна из них предлагала фактически вернуться назад к политическому господству буржуазии и только затем, постепенно цивилизуясь, создавать технический и экономический фундамент будущего социалистического общества, другая — предлагала создавать предпосылки нового общества на основе уже существующей Советской власти. Наиболее образно первую точку зрения в своё время выразил Г. Плеханов, сказав, что «русская история ещё не смогла той муки, из которой будет испечён пшеничный пирог социализма». Произнося эти слова, он фактически по-своему «умывал руки». Ему вторил известный историк революции 1917 года левый меньшевик Н. Суханов, писавший в своей книге «Записки о революции» о том, что Россия ещё не доросла до социализма «высотой» своих производительных сил. Аналогичную мысль высказывал и известный лидер меньшевиков Ю. Мартов.

Противоположную точку зрения последовательно отстаивал Ленин. В частности, соглашаясь с Сухановым в том, что для построения социализма в России нужны более развитые производительные силы, он считал, что этого можно добиться не возвращением назад к капитализму, а решительным движением вперёд к социализму, используя для этого такую его реальную историческую предпосылку как Советская власть. Говоря это, Ленин фактически подходил к данному вопросу не с узко национальной точки зрения, а с мировой. Это означало, что Россию следует рассматривать не изолированно, а как часть мировой системы капитализма. По его мнению, «поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму». С его точки зрения, общий вектор движения мировой истории не может измениться от того, каким конкретным образом и в каком порядке будет происходить рост производительных сил и формирование культурных предпосылок социализма в той или иной стране.

Однако, данное общее решение вопроса о возможности продвижении Советской России к социализму, тем не менее, не давало знания того, какую конкретно политику следует избрать в создании и становлении нового общества. У Маркса и Энгельса, как уже отмечалось, на этот счёт не было нужных ответов. Поэтому, исходя из самых общих теоретических соображений, и увлекаемое революционным энтузиазмом масс руководство страны решило приступить сразу к созданию коммунизма в отсталой и разрушенной войной стране. Отсюда родилась политика «военного коммунизма».

Однако в ходе такой политики уже вскоре возник всеобщий политический кризис, проявившийся особенно сильно в Кронштадтском мятеже с его лозунгом «Советы

без коммунистов» и вооружённом восстании крестьян в Тамбовской губернии. В этой связи Ленин заговорил о самом большом общенациональном кризисе после Октябрьской революции, о крупной «ошибке» и даже «поражении» большевиков в этой политике. В итоге, он предложил решительно от такой политики отказаться, то есть отменить непродуманную «кавалерийскую атаку» на капитализм, и осуществить своими руками своеобразный «термидор» в стране.

К «термидору» тогда призывали многие меньшевики в России и оппоненты Ленина за рубежом, предлагавшие, по сути дела, вернуться назад к капитализму. Но Ленин решает провести «термидор» таким образом, чтобы сохранить общее направление и главный критерий социалистических преобразований — удовлетворение интересов трудящихся и, прежде всего крестьянства, составлявшего тогда абсолютное большинство народа.

Так началось осуществление новой экономической политики (НЭП), которая исходила из признания примата многоукладной экономики в России. Её суть сводилась к борьбе таких экономических укладов, как социализм и госкапитализм, с одной стороны, и мелкотоварное производство и частнохозяйственный капитализм, с другой. В этой борьбе вопрос стоял остро: кто кого? Либо Советская власть сумеет овладеть мелкобуржуазной стихией, либо ею овладеют капиталисты и тогда будет конец Советской власти. В социальном плане эта дилемма выглядела так: либо крестьяне пойдут за рабочим классом к социализму, либо они повернут назад к прежним буржуазным порядкам.

В этих условиях Ленин приходит к совершенно нестандартным, даже парадоксальным идеям: бороться против мелкотоварного производства с помощью его оживления и развития, бороться с капитализмом с помощью его подчинения госкапитализму, наконец, создавать социализм, объединяя усилия госкапитализма и Советской власти. Решение этих вопросов облегчалось тем, что в собственности Советской власти находились основные средства производства и обращения: земля, крупные фабрики и заводы, железнодорожный транспорт, банки и финансовые рычаги. Но в первую очередь надо было ликвидировать голод, оживить сельское хозяйство и на этой основе восстановить мелкую и местную промышленность, а затем и промышленность крупную, на которой был сосредоточен в массе своей рабочий класс. Для решения этих насущных вопросов и была разработана Новая политика (НЭП). Наиболее эффективной мерой этой политики стала замена продразвёрстки, присущей периоду «военного коммунизма», продналогом, который в абсолютных величинах был вдвое меньше, чем требовала продразвёрстка. Тем самым он резко повышал заинтересованность крестьян в производстве, позволяя крестьянину после уплаты налога обменивать излишки произведённой продукции на рынке.

Можно спорить, кому впервые принадлежала идея НЭПа: меньшевикам, Троцкому или Ленину, но ясно одно, Ленину удалось её не только выдвинуть, не

только теоретически обосновать, но и блестяще осуществить на практике. На самом деле Новая экономическая политика в короткие сроки решила многие экономические и социальные проблемы. Постепенно страна ушла от голода, залечила раны и разрушительные последствия мировой и гражданской войн, установила прочный союз между рабочим классом и крестьянством. В итоге, уже во второй половине 20-х гг. был восстановлен довоенный уровень экономического развития страны и начал создаваться материальный и финансовый задел для постепенного, но реального продвижения к социализму.

На мой взгляд (и не только), новая экономическая политика стала во многом исторической предтечей экономических реформ в современном Китае, который осуществляет их сегодня в более радикальных и результативных формах, чем это осуществила неповская Россия.

НЭП для Ленина был, конечно, «всерьёз и надолго». Вместе с тем, «надолго, но не навсегда». По мере его практического осуществления, на мой взгляд, все яснее проявлялись и основные черты ленинской модели социализма. Их концентрированное выражение находим в последних выступлениях и работах В.И. Ленина. Кратко назовём черты такой модели. Это, прежде всего усвоение технических достижений капитализма и создание наивысшей по миру производительности труда, это добровольная кооперация в деревне, это создание планового ведения хозяйства и овладение массами лучшими достижениями культуры, науки и образования. Это, наконец, последовательная

ПОЛЕМИКА ЛЕНИНА И ГОРТЕРА О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Ю.В. Шахин

Как известно, в своё время в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин выступил в защиту парламентской тактики коммунистов и с призывом работать в профсоюзах, не исключая реакционных. Часть коммунистов с этим была не согласна. Среди них оказался и левый коммунист Герман Гортер. Он вступил в полемику и ответил на «Детскую болезнь» «Открытым письмом к товарищу Ленину». Там он отверг и парламентаризм, и работу в профсоюзах. Суть спора сводилась к выбору оптимальной революционной тактики для исторических условий Западной Европы того времени. Вопросы профсоюзной политики и парламентаризма, в которых Гортер, на первый взгляд, разошёлся с Лениным, были второстепенными выводами из вопросов совсем другого плана и не составляли стержня их полемики. Poleмика вертелась вокруг другой проблемы: может ли западноевропейский революционный пролетариат найти себе союзников за пределами собственного класса? Ленин говорил – да, Гортер отвечал – нет. Как таковая эта проблема актуальна и для современного левого движения, поэтому сравнение то-

борьба с бюрократизмом, широкое развитие демократии и "живого творчества масс" во всех сферах общественной жизни.

К сожалению, после смерти Ленина, многие из этих черт его модели социализма были извращены, что привело позднее к появлению причин падения советского социализма. Однако опыт создания и падения социализма в одной стране, не означает конец классовой борьбы, опыта создания и функционирования его в других странах и континентах.

Из сказанного следует простой вывод: значение Ленина и его творческих идей со временем будет не падать, а расти. Об этом свидетельствуют успехи создания социализма в Китае и Вьетнаме, освободительные революции в странах Южной Америки, антиолигархическая борьба на Украине и в других странах. Эти и другие революционные процессы в мире подтверждают во многом пророческую мысль Ленина, высказанную в его последней работе "Лучше меньше, да лучше". Существо этой мысли сводится к следующему: капиталистические страны рано или поздно "завершат своё развитие к социализму". Причём завершат его не равномерным "вызреванием" в них социализма, а путём эксплуатации одних государств другими", в том числе путём эксплуатации "всего Востока", который уже "втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения". "Исход борьбы", по Ленину, зависит, в конечном счёте, от того, что "Россия, Индия и Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения... В этом смысле окончательная победа социализма вполне обеспечена".

чек зрения двух коммунистов может быть полезно даже спустя сто лет.

Гортер указывает Ленину, что тот считает двумя решающими факторами революции рабочих и бедных крестьян, причём во всём мире. А Гортер говорит, что для Западной Европы это неверно, и в этом видит источник разногласий в тактике по другим вопросам. Отчасти это обвинение вытекает из плохого знания Гортером работ Ленина. В.И. Ленин никогда не считал западноевропейское крестьянство решающим фактором победы западноевропейской революции и вовсе не основывал на этом всю свою тактику. Более того, Ленин неоднократно отмечал, что у западноевропейских рабочих нет такого широкого круга классовых союзников, как в России. Об этом он говорил в марте 1918 г. докладе на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде советов, в марте 1919 г. на I Конгрессе Коммунистического интернационала, в июне 1920 г. в «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Тем не менее, в разногласиях Ленина и Гортера обнаруживаются более глубокие причины, чем простая неосведомлённость одного из оппонентов о взглядах другого. Соглашаясь, что западноевропейский пролетариат не имеет надёжных союзников за пределами своего класса, Гортер и Ленин по-разному предлагают решения проблемы. Ленин стремится найти таких союзников, а Гортер пытается выстроит

всю свою тактику на одиночестве пролетариата. Это и есть водораздел двух коммунистов.

«Нельзя серьёзно относиться к серьёзной войне, не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперёд, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвёт» здесь или там тот или иной склад пороха. Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса», - пишет в 1916 году Ленин.

«Пролетариат Западной Европы стоит один. Это абсолютная правда: и на этой правде должна основываться наша тактика. Вся тактика, которая на этом не основана, ложна и ведёт пролетариат к ужасному поражению», - провозглашает в 1920 году Гортер. Гортер себе верен и на протяжении всего «Письма» повторяет фразу об одиночестве пролетариата как ритуальное заклинание. Почти во всех спорных вопросах этот аргумент он рассматривает как коронное доказательство. Между тем, стоило бы задуматься, насколько этот тезис справедлив?

Прежде всего, сам Гортер себе часто противоречит. То он пишет, что пролетариат почти не имеет союзников, то слово «почти» у него выпадает (последний вариант встречается чаще). Между тем, «почти» и «совсем без» далеко не одно и то же. Кем же могут быть эти союзники в развитом капиталистическом обществе времён Гортера?

Это полупролетарские массы, мелкая буржуазия, бедные крестьяне и новые средние слои, которые уже получили значительное развитие в Европе того времени. Именно их ленинский метод позволяет рассматривать как потенциальных союзников пролетариата. И, например, в отношении европейских крестьян, это не выдумка русского Ленина. За 30 лет до рассматриваемых событий над проблемой крестьянства размышлял сам Фридрих Энгельс и написал «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Не кто иной, как Энгельс, считал, что социал-демократам этих двух стран нужно вести работу с крестьянами.

Во-вторых, ленинизм предполагает не только борьбу за привлечение в союзники, но и нейтрализацию потенциальных противников. Хрестоматийно известна тактика большевиков в отношении крестьян: привлечь на свою сторону бедняка, нейтрализовать середняка и сломить богача. Судя по «Открытому письму», Гортер все-таки что-то слышал о нейтрализации, но не воспринимает эту проблему всерьёз и не удосуживается уделить ей даже двух строк. Он просто заранее отдаёт все классы, кроме пролетариата, в союзники буржуазии. Например, в первой части он бросает вот такую фразу: «Немецкие пролетарии... знают, что им будет противостоять Германский Капитализм во всей своей целостности, со всеми своими классами». Метод Ленина учит, как вносить раскол, играть на противоречиях в лагере противника и завоёвывать себе

временных союзников, а Гортер наивно предлагает ломиться прямо и в одиночку.

В-третьих, для борьбы с капитализмом по Ленину важна также ситуативная поддержка со стороны национально-освободительных движений. Это не Ленин выдумал. Этот тезис обосновал Маркс для ирландского вопроса в Великобритании и польского вопроса в континентальной Европе. Национально-освободительные движения, борясь против своих империалистических угнетателей, оттягивают часть сил врага на себя и тем облегчают борьбу революционного пролетариата. Для Гортера этот фактор не существует. В «Письме» он неоднократно упоминает положение британского пролетариата и в упор не видит его союзника. Ведь как раз после первой мировой войны вступило в решающую стадию национально-освободительное движение в Ирландии. Это мощнейший фактор дестабилизации британского капитализма. Критик может возразить, что в реальности подрывной потенциал ирландского освободительного движения оказался меньше, чем предсказывал Маркс. Но все-таки повторять вслед за Гортером, что все отряды западноевропейского пролетариата не имели тогда союзников, было бы очевидной глупостью.

В-четвертых, похоже, Гортеру совершенно не было присуще то глобальное мышление, которым обладал Ленин. Ленин исходил из того, что капитализм – мировая система. «Господство капитала международно», - отмечал он ещё в начале своей политической деятельности. Недаром большевики постоянно призывали к мировой социалистической революции, а Коминтерн пытался разработать свою тактику в международном масштабе. Если капитализм планетарное явление, то и удары ему нужно наносить повсюду. Между тем, мысль Гортера, по крайней мере, в «Письме», не выходит за рамки Западной Европы. Ему и в голову не приходит, что союзник у него может быть на расстоянии нескольких тысяч километров. Европейский капитализм обладал колоссальными колониями и черпал оттуда немалые материальные ресурсы, которые придавали ему дополнительную прочность. А тем временем после первой мировой войны поднялась волна антиколониальных движений. Что если помочь их победе? Ведь она, несомненно, усилит проблемы западноевропейского капитализма и ослабит врага местного пролетариата. Коминтерн так и поступил, и сделал в этом направлении очень много: от съезда народов Востока в Баку, до создания компартий в отдалённых уголках земного шара и военной помощи борцам с колониализмом. А Гортер со товарищи в это время повторяли, как мантру, «Наш пролетариат остаётся один».

Спор Ленина и Гортера имеет ещё один аспект. Гортер настаивает, что его исходные посылки для выработки тактики верны, потому что речь идёт о развитом капиталистическом обществе, а не об отсталом вроде России. Так что проблему можно переформулировать: применимы ли основы ленинской тактики к современному капитализму, который, вне всякого сомне-

ния, имеет более развитый характер, чем сто лет назад? Этот вопрос имеет принципиальнейшее значение.

На мой взгляд, современная социальная структура по-прежнему открывает простор для применения основ ленинской тактики. Разумеется, если мы понимаем её как метод, а не как набор решений. Итак, во-первых, сохраняются различные мелкобуржуазные и переходные слои, во-вторых, появились значительные новые средние слои и их численность растёт быстрее, чем у пролетариата. Когда революционная активность пролетариата вновь начнёт проявляться, очень важно продумать тактику в их отношении, адаптировав к ней ленинские принципы. Ибо эпоха Ленина для нас готовых рецептов в этой области не оставила, а игнорировать новые средние слои теперь нельзя уже в силу их удельного веса. Вот это важная проблема, которая перед нами стоит. На ней надо сосредоточиться современным теоретикам классово-борьбы.

Причём, её решение следует искать на методологических основах, предложенных Лениным, ибо левоммунистические идеи в стиле Гортера в этом вопросе оказываются бесплодными: Гортер понимает, что одиночество пролетариата перед лицом сильного врага – штука плохая и его нужно чем-то компенсировать. Гортер и компенсирует: звонкой фразой о необходимости сверхусилий пролетариата:

«Постольку от каждого немецкого пролетария, от каждого индивида революция требует куда большей отваги и духа жертвенности, чем в России».

«Пока весь класс или по крайней мере значительное большинство лично не выступит за революцию, с почти сверхчеловеческой силой, в противовес всем другим классам, революция провалится...»

«Пролетариат почти безоружный, один, без помощи. Против тесно объединившегося капитализма – это означает, в случае Германии, что каждый пролетарий должен быть сознательным борцом, каждый пролетарий – героем; и так по всей Западной Европе.

Чтобы большинство пролетариата превратилось в сознательных стойких борцов, в реальных коммунистов, они должны быть здесь более великими, несопоставимо более великими, чем в России, и в абсолютном и в относительном смысле».

«Революция требует, чтобы весь пролетариат поднялся на один созидательный толчок». Но это детский лепет чистой воды. О таких наивных картинках будущей революции Ленин писал ещё во время мировой войны, когда подводил итоги дискуссии о самоопределении. В одноименной работе он пишет:

«Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми её предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнёта, — думать так значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за

социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция! ...

Кто ждёт «чистой» социальной революции, тот никогда её не дожждётся. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции...

Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетённых и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношёрстной и разноголосой, пёстрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить её, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков».

Гортер считает, что классовые союзники отсутствуют у пролетариата Западной Европы по объективным причинам и ещё раз пытается эти причины вскрыть в разделе письма, посвящённого парламентаризму. Он пишет следующее: «Товарищ Ленин говорит, что мелкая торговля, транспорт, промышленность и сельское хозяйство колеблются между капиталом и рабочими. Это неверно. Так было в России и так нередко бывало здесь. [Но] в Западной Европе, в Германии и Англии они сейчас так сильно, так тесно зависят от крупного капитала, что они уже больше не колеблются. Мелкий владелец магазина/мастерской, мелкий промышленник, мелкий торговец находятся абсолютно во власти трестов, монополий, банков. Именно оттуда они получают свои товары и кредит. И даже мелкий крестьянин через свой кооператив и свои ипотеки зависит от треста, монополии и банков.

Товарищ, эта часть моей аргументации, аргументации «левого крыла», наиболее важна из всего. Вся тактика для Европы и Америки зависит от неё».

Чуть ниже Гортер завершает объяснение:

«Что это означает, товарищ?»

Что современное западноевропейское (и американское) общество и государство стали ОДНИМ большим, основательно организованным целым, которое всецело контролируется, приводится в движение и регулируется банковским капиталом. Общество здесь – это регулируемый организм, капиталистически регулируемый, но в то же время регулируемый. Банковский капитал – это кровь, текущая по всему организму и питающая все его ветви. Что этот организм один, и что капитал придаёт этому организму исключительную силу, и что поэтому все его члены будут солидарны с ним до самого его конца – все за исключением

пролетариата, который создаёт эту кровь – прибавочную стоимость.

Из-за этой зависимости всех классов от банковского капитала и из-за чрезвычайной силы банковского капитала, все классы враждебны к революции, поэтому пролетариат стоит один».

И ещё одна цитата: «Но есть две вещи, которые делают капитализм очень сильным: духовное рабство масс и банковский капитал».

В этих обширных цитатах действительно ключевая аргументация Гортера. Итак, по его мнению, банковский капитал прочно привязал к себе все классы, кроме пролетариата и интегрировал его противников в единое целое. Поэтому, с одной стороны, пролетариат остаётся одиноким, а с другой стороны, бессмысленно искать ему союзников и играть на противоречиях в лагере его врагов, в том числе и при помощи парламентаризма.

Но насколько серьёзны эти возражения? На мой взгляд, они не выдерживают критики. Гортер забывает, что капиталистическое общество по своей природе в одно и то же время постоянно разобщает и сталкивает как отдельных людей, так и целые общественные группы. Это общество основано на углубляющемся разделении труда, узкой специализации, конкуренции и погоне за прибылью, которые ведут к постоянному столкновению интересов и конфликтам. Но с другой стороны, оно основано на опосредованно общественном производстве, которое интегрирует в единое целое все эти бурлящие конфликты посредством универсальных рыночных связей. Таким образом, капиталистическое общество предполагает одновременно единство и противоположность интересов включённых в него как индивидов, так и их общностей. Налицо диалектическое противоречие. Гортер, как чистейший метафизик, видит только одну сторону этого противоречия – то есть единство. И на этом ошибочном основании он пытается выстраивать основы тактики.

Зависимость от банковского капитала не означает, будто с ним нет конфликта интересов. Те же крестьяне и мелкая буржуазия, которые получают из рук крупного банковского капитала доступ к товарам и кредитам, тем самым ещё не становятся его слепым политическим орудием. Ведь они в то же самое время недовольны условиями, на которых получают этот доступ: банковский капитал как более сильный их открыто эксплуатирует.

Если последовательно придерживаться глупостей Гортера, то мы должны признать, что и революционное выступление пролетариата против буржуазии невозможно. В самом деле: у кого средства к существованию рабочих? Все у того же интегрированного банками капитала. Итак, доступ к средствам жизни рабочих всецело зависит от милости капитала. Следовательно, они тоже находятся в зависимом положении и не могут кусать руку дающую. Если так, никакой социалистической революции никогда быть не может.

Здесь сторонники Гортера могут возразить: есть отличия в положении пролетариата: он единственный творец прибавочной стоимости, которую Гортер упо-

добил крови капиталистического организма. Но это неправда. Во времена Ленина и Гортера было известно не хуже, чем сейчас, что если мы берём капитализм как глобальную систему, то ещё одним источником прибавочной стоимости будет неэквивалентный обмен. Это или открытый грабёж колоний, или, что больше присуще нашему времени, устойчивый диспаритет цен. Крупный капитал устанавливает такие пропорции цен, которые позволяют грабить целые классы, отрасли и страны. При этом часть новой стоимости, созданная мелкой буржуазией и крестьянством, выхватывается из их хозяйства и превращается в прибавочную стоимость для крупного капитала.

Мы просто очень мало обращаем внимания на это явление. А оно присутствует в современных условиях, когда целые сектора экономики служат дойной коровой для других. Чаще всего в этой роли выступает сельское хозяйство. А с другой стороны есть сферы деятельности, связанные с посреднической торговлей, где даже рядовые наёмные работники зарабатывают колоссальные барыши. Что это как не указание на неэквивалентный обмен?

Итог. Трещины, противоречия и конфликты, в том числе в рядах господствующего класса, при капитализме есть всегда. Возможно, Гортер и прав, что они почти не влияют на отношение этих противоборствующих сил к пролетариату. Но даже если это и так, они раскалываются по массе других вопросов, и грех было бы этим не пользоваться. Мы воочию видим, что противоречия того же уровня, что и сто лет назад, возможны и в наши дни, несмотря на то, что финансовый капитал слился в такую глобальную систему, на какую банковский капитал эпохи раннего империализма и замахнуться не мог. А значит ленинские методологические принципы выработки тактики могут служить путеводной звездой и в современной борьбе за социализм.

Ленин учит, как находить временных союзников и использовать внутренние противоречия в лагере классовых врагов для борьбы пролетариата за власть, понимает революцию как нелинейную результирующую разнонаправленных действий различных угнетённых классов и общностей, указывает на одновременность действий различных частей пролетариата, подчёркивает специфику расстановки классовых сил в различных регионах и различные эпохи, и в целом снабжает коммунистов более гибким инструментарием революционного преобразования общества, чем Гортер.